
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 17 АПРЕЛЬ 1979
К НОВЫМ ВЫСОТАМ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

17 апреля 1979 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум рассмотрел вопросы первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва.

На Пленуме с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Центральный Комитет КПСС целиком и полностью одобрил содержащиеся в выступлении тов. Л. И. Брежнева положения и выводы о деятельности Верховного Совета СССР и направлениях дальнейшего совершенствования работы всех Советов народных депутатов.

На Пленуме выступил также член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. М. А. Суслов.

Пленум ЦК КПСС одобрил предложения Политбюро ЦК по организационным вопросам первой сессии Верховного Совета СССР.

Пленум ЦК КПСС освободил тов. Я. П. Рябова от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с назначением его первым заместителем председателя Госплана СССР.

Пленум ЦК КПСС перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС тов. Л. А. Бородина — первого секретаря Астраханского обкома КПСС.

На этом Пленум ЦК закончил работу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

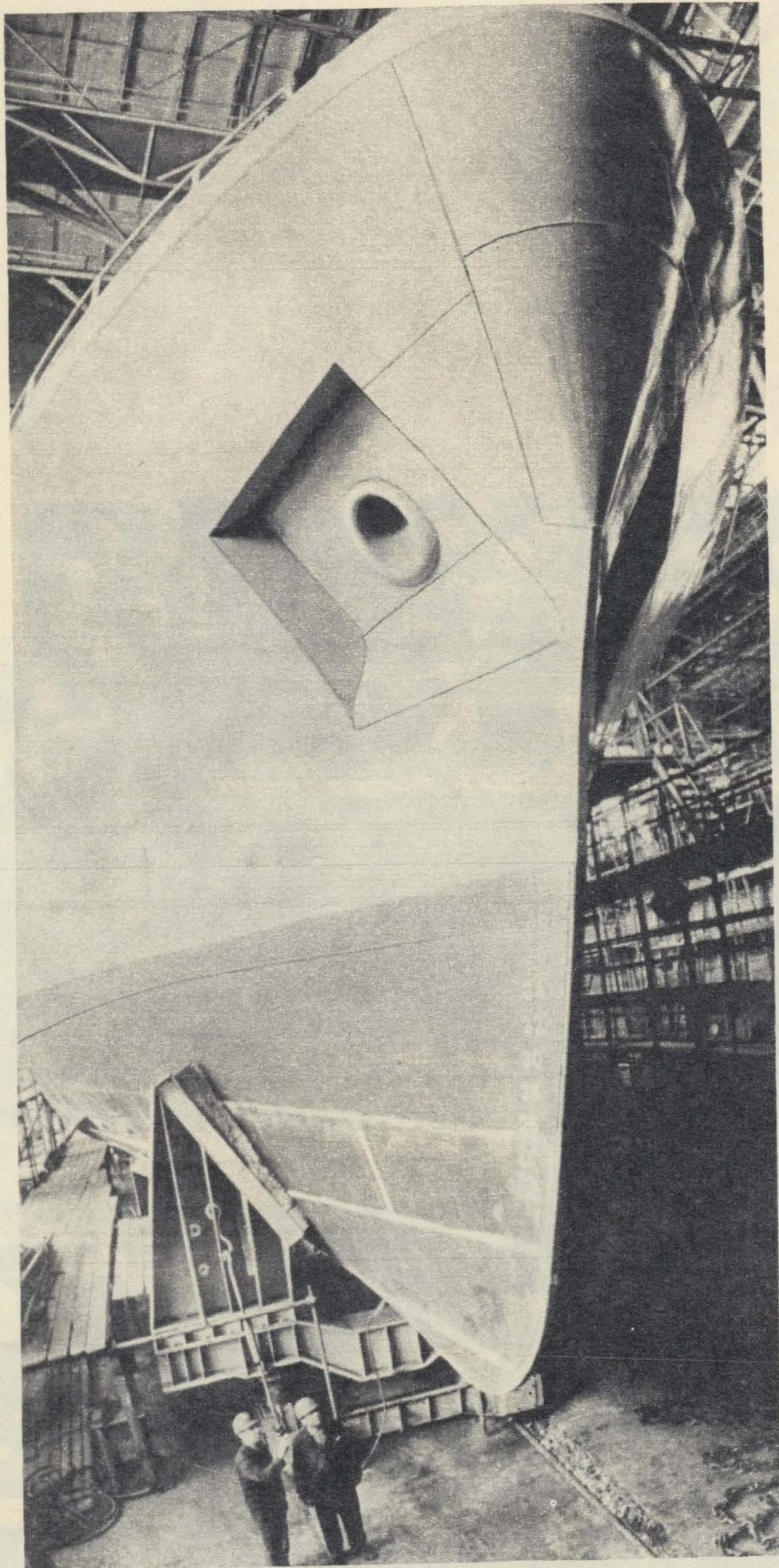
№ 17 (2702)

21 АПРЕЛЯ 1979

Москва. Кремль. 18 апреля. Первая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва. На трибуне — Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Фото А. Гостева

Этот траулер намечено спустить со стапелей киевского завода «Ленинская кузница» досрочно, в день красной субботы.

Фото В. Репика (ТАСС)

ПУСТЬ ЖИВЕТ В ВЕКАХ ИМЯ И ДЕЛО ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА — СОЗДАТЕЛЯ И РУКОВОДИТЕЛЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ПЕРВОГО В МИРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1979 года

ЮБИЛЕЙНЫЙ СУББОТНИК

Сегодня заводы и фабрики, стройки и институты страны в праздничном убранстве. Сегодня в городах и селах — «от Москвы до самых до окраин» — царит радостное одушевление: у советских людей большой праздник, праздник труда, Всесоюзный коммунистический субботник. С раннего утра рабочие становятся к станкам, механизаторы выводят в поле посевные агрегаты, чтобы целый день трудиться безвозмездно на общее благо.

В нынешнем году красная суббота — особая, юбилейная. Шестьдесят лет назад, 12 апреля 1919 года, в депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги пятнадцать человек, оставшись после работы в цехе, отремонтировали три паровоза. Первый субботник, такой вроде бы скромный по масштабу, положил начало трудовому героизму советских людей, социалистическому соревнованию и был назван В. И. Лениным Великим почином.

И нынешний коммунистический субботник, посвященный 109-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина, прямое продолжение того первого, состоявшегося в грозовом 1919-м.

Труженики Страны Советов готовились к красной субботе заранее — они работают сегодня на сбереженном топливе, материалах, сырьевых ресурсах. Советские люди стремятся отметить праздник труда наивысшей производительностью и отличным качеством продукции.

* * *

ЦК КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, руководствуясь принципиальной интернационалистской позицией нашей партии и Советского государства и идя навстречу многочисленным предложениям и пожеланиям коллективов промышленных предприятий и строек, колхозов и совхозов, ведомств и учреждений, воинских частей и подразделений, а также отдельных граждан, приняли решение о направлении 75 процентов средств, полученных от проведения Всесоюзного коммунистического субботника, посвященного 109-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, в фонд помощи братскому Вьетнаму, пострадавшему в результате варварской агрессии Китая.

Остальная часть средств от Всесоюзного субботника 1979 года будет израсходована на строительство в краях, областях, районах и городах Советского Союза специализированных детских лечебных учреждений (больниц, поликлиник, санаториев, лесных школ).

ВРЕМЯ СЕЯТЕЛЕЙ

Погожему дню весною цены нет! Земля, высвободившаяся от снега, насыщается талой влагой и готова принять в свое лоно невесомый груз семян яровых пшениц и ячменей, свеклы и кукурузы, хлопчатника и арбузов. Велик весенний клин страны — многие десятки миллионов гектаров. Их надо успеть вспахать — там, где с осени сушь, или ненастье, или ранние заморозки помешали поднять зябь. Их надо проборовать и защитить от пробудившихся сорняков, а главное — засеять любовно, тщательно и за считанные часы. Работа идет сейчас на всех южных полях: и в Казахстане, и в среднеазиатских республиках, и на Ставрополье, и на Дону, и по всей Украине.

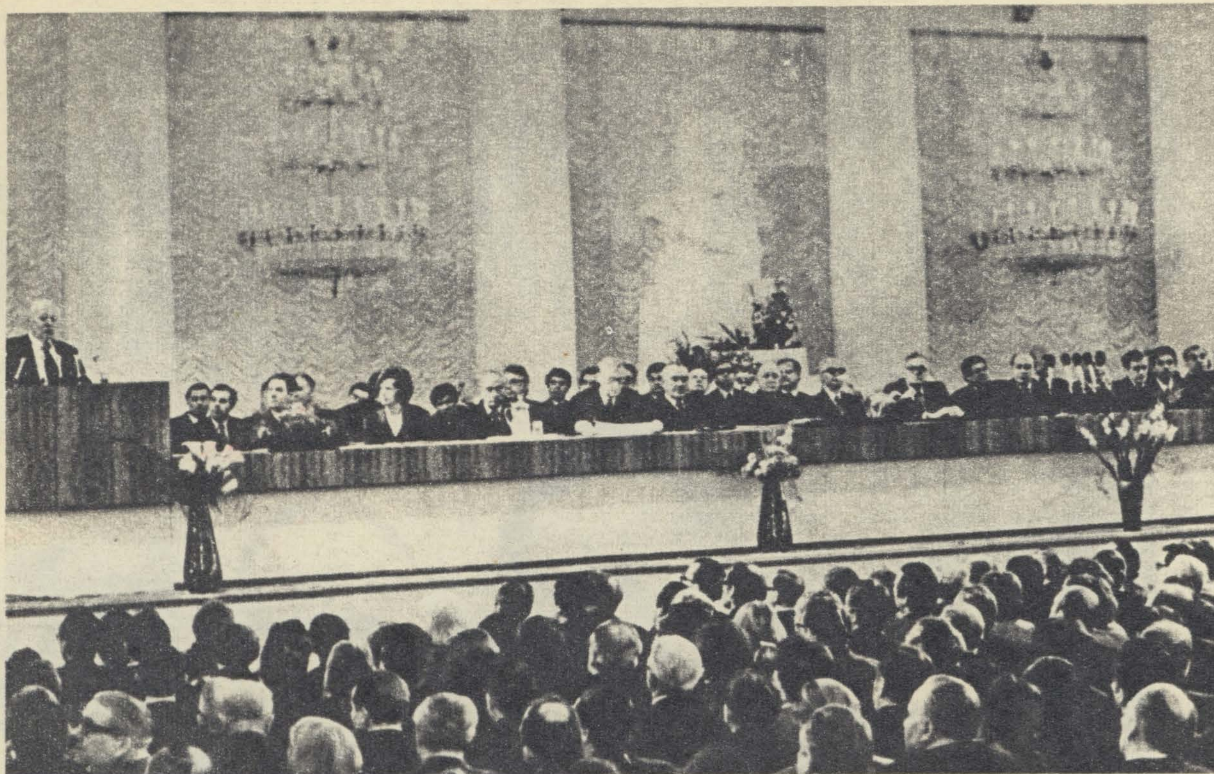
И в Киргизии. Здесь выдалась весна затяжная, с дождями. Солнечные часы быстротечны. Земледельцы спешат управиться и с обрезкой виноградников, и с севом, и с работами в садах. Тысячи машин, новая организация труда — все это помогает заложить надежную основу будущего урожая. Знаменитые на всю страну мастера Чуйской и Ферганской долин вывели свои звенья в поле. Много раз уже они переживали волнующий час новой встречи с землей. Но сегодняшняя едва ли не самая ответственная. Год складывается с самого начала трудный, приходится пересевать слабые озимые, менять на ходу агрономическую тактику, лучше рассчитывать использование техники.

И отступают дожди, отступают неурочные похолодания — сев идет.

Работам на яровом поле — все внимание и тех, кто обслуживает механизаторов. Повара, книгоноши, политинформаторы — частые гости в бригадах. Так и в киргизском совхозе «Дружба», Сузакского района. Улыбками сеятели встречают библиотекаря Татьяну Бинюкову; не глуша моторов, торопятся разобрать свежие номера газет — и усталость как рукой снимает! Таня и ее друзья — на первой обложке этого номера.

Н. БЫКОВ

Выступает президент Академии наук СССР академик А. П. Александров. Фото А. Гостева

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

15 апреля... Эту дату с нынешнего года будут отмечать в нашей стране. У советского народа появился новый праздник — День советской науки. Установление его еще раз показывает ту огромную роль, которую играет наука в жизни нашей страны, в экономическом и социальном прогрессе советского общества.

Дата праздника ученых выбрана не случайно: в апреле 1918 года вождь революции В. И. Ленин составил «Набросок плана научно-технических работ», по существу, первое задание Советской власти Академии наук. Эта работа великого Ленина стала точкой отсчета.

«Именно реализация партией гениальной идеи Ленина о необходимости обеспечить самостоятельное развитие основных направлений техники, а следовательно, и науки привела к тому, что, несмотря на жесточайшую блокаду и позже Великую Отечественную войну, в Советском Союзе быстро прогрессировали фундаментальные и прикладные исследования, были восстановлены и получили мощное развитие все виды промышленности, а наша Родина по многим направлениям вышла на первое место в мире»,— подчеркивает президент Академии наук СССР, трижды Герой Социалистического Труда А. П. Александров, в то же время напоминая, что «во все периоды своей истории советская наука стремилась к решению задач, необходимых не только для нашей страны, но и для человечества в целом». В этом огромный гуманизм советской науки.

Высокой миссии советских ученых, их новому празднику было посвящено торжественное заседание, состоявшееся 13 апреля в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

В президиуме — секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заместители Председателя Совета Министров СССР В. А. Кириллин, Л. В. Смирнов, министры СССР, ответственные сотрудники ЦК КПСС, представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, известные ученые.

Собрание открыл секретарь МГК КПСС В. Н. Макеев.

Участники собрания единодушно избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Продолжительными аплодисментами было встречено приветствие ЦК КПСС и Совета Министров СССР советским ученым, всем работникам советской науки, которое огласил академик В. А. Кириллин.

Слово предоставляется президенту Академии наук СССР академику А. П. Александрову.

В нашей стране, сказал, в частности, А. П. Александров, насчитывается 1 миллион 300 тысяч научных работников. Это самый крупный научный отряд в мире... В ответ на большую заботу Коммунистической партии и Советского государства, ярким выражением чего является и сегодняшнее торжество, мы должны приумножить наши усилия и внести достойный вклад в выполнение исторических решений XXV съезда КПСС, в укрепление экономического и оборонного могущества нашей Родины, в расцвет ее культуры.

На торжественном собрании также выступили министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин, председатель Всесоюзного совета научно-технических обществ академик А. Ю. Ишлинский, слесарь-сборщик завода автоматических линий имени 50-летия СССР, Герой Социалистического Труда Ф. А. Беспалов, участковый врач московской поликлиники № 115, депутат Верховного Совета СССР Л. А. Макарова.

С воодушевлением участники собрания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»— 50 ЛЕТ

Два профиля — Пушкина и Горького — на титуле «Литературной газеты» символизируют нерушимую связь современной советской литературы с великими традициями отечественной классики.

Выходящая с апреля 1929 года «Литературная газета» постоянно в гуще литературной и общественной жизни нашей страны. На ее страницах печатались произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, А. Фадеева, М. Шолохова, А. Твардовского, Л. Леонова, К. Федина, Н. Тихонова и многих других советских писателей и писателей зарубежных стран.

Большое место занимают в «Литературной газете» материалы, посвященные кардинальным проблемам современной многонациональной советской литературы, теории и практике социалистического реализма. Среди ее авторов — ведущие советские критики и литературоведы, анализирующие в своих статьях произведения разных жанров, дискутирующие на разнообразные темы, выступающие с анализом новых книг.

Большое внимание уделяет «Литературная газета» молодым, только начинающим творческий путь писателям. Бережное отношение к таланту, доброжелательная конструктивная критика, заинтересованный разговор о воспитании литературной смены, советы опытных мастеров молодым товарищам по цеху, прозвучавшие со страниц «Литературной газеты», сыграли неоценимую роль в становлении судеб многих ныне широко известных прозаиков, поэтов, драматургов, критиков.

Характерная черта газеты советских писателей — ее постоянное внимание к самым сложным и серьезным проблемам советской и зарубежной жизни. Многочисленные рубрики «Литгазеты» дают возможность раскрыть перед читателями широкую панораму событий в нашей стране и во всем мире, публиковать материалы по искусству, науке, экономике, внутренней и внешней политике. С интересом встречают читатели выступления в «Литературной газете» крупнейших ученых, космонавтов, актеров, режиссеров, политических деятелей, приносящих на ее страницы разнообразный живой материал.

Актуальность поднимаемых газетой общественных проблем и последовательность редакции в их решении, стремление к тесной связи с читателями, партийная принципиальность создают ей авторитет среди самых широких читательских масс.

Орган правления Союза писателей СССР «Литературная газета» своей практикой подтверждает верность советских писателей словам В. И. Ленина, что «литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела...». Претворяя в жизнь этот ленинский завет, вот уже полвека «Литературная газета» посвящает свою деятельность задачам всестороннего развития советской литературы.

Журнал «Огонек» сердечно поздравляет «Литературную газету» с полувековым юбилеем и желает ее коллективу новых достижений.

Участники встречи в «Огоньке». Тракторист Леонид Михайлович Картаузов вручает целинный каравай виднейшему гидростроителю Александру Алексеевичу Белякову.

ОТ ПЕРВОЙ ДО ДЕСЯТОЙ...

РУКОПОЖ ПЯТИ

За «круглым столом» «Огонька» сидели тракторист и летчик-космонавт, инженер и геолог, лауреаты Ленинской премии и премии Ленинского комсомола, Герои Социалистического Труда и дважды Герой Советского Союза, пожилой человек, ветеран, и совсем еще молодой, годящийся ему во внуки... В редакции встретились представители разных поколений советских людей — строители, солдаты, хлеборобы...

Говорили о прожитом и пережитом, о героизме и пафосе подвига, говорили о пятилетках! Так воскрешалась история Советского государства с 1928—1929 годов до года нынешнего. Гости поведали о самом сокровенном в своей жизни и в жизни товарищей, о звездном часе тех, кто закладывал фундамент социалистической индустрии и колхозного строя, громил фашистских оккупантов, поднимал гиганты на пустырях и летал в космос, как на будничную работу...

Итак, десять дней из десяти пятилетий.

Десять мгновений, которые, подобно вспышкам молний, высветили главные вехи истории создания экономического потенциала Родины.

Фото А. ГОСТЕВА

АТИЕ ЛЕТОК

ВЕЛИКОЛЕПИЕ ДНЕПРОГЭСА

А. А. БЕЛЯКОВ, председатель комиссий по приемке энергоблоков Саяно-Шушенской, Красноярской, Нурекской, Братской, Саратовской и других гидроэлектростанций, участник строительства довоенного Днепрогэса, лауреат Ленинской премии:

— Днепрострой. Незабвенная, чудесная пора! И не только потому, что тогда мы были молоды. Днепрострой — прекрасная юность нашей страны, окрыленная надеждами, уверовавшая в свои силы, энергичная и смелая... Я родился 85 лет назад, в 1894 году. Отец работал на строительстве Великого Сибирского железнодорожного пути, и все мое детство прошло в переездах. После окончания гражданской войны я тоже стал строителем, но не железных дорог, а гидростанций. Я строил сам, видел много различных гидротехнических сооружений, выезжал в качестве эксперта и консультанта в другие страны. Но то ощущение праздника, необыкновенного подъема, которое дал Днепрострой, сохранилось на всю жизнь.

См. стр. 10.

ФАКТЫ ОБЛИЧАЮТ

Юсуф АХМЕД

Недавно Вьетнам посетила делегация Организации солидарности народов Азии и Африки. Глава делегации, представитель Эфиопского комитета мира, дружбы и солидарности, министр транспорта и коммуникаций Эфиопии Юсуф Ахмед привез фотографии, на которых запечатлены зверства и разрушения, совершенные китайскими варварами во Вьетнаме. Юсуф Ахмед рассказывает корреспонденту «Огонька» Н. Крыловой.

— Этот снимок был сделан во время пребывания нашей делегации в провинции Лангшон, подвергшейся нападению китайских интервентов. Сердце переполняется болью и гневом, когда я вспоминаю о том, что мы увидели. Центр провинции, город Лангшон, полностью разрушен. Причем не только в результате артобстрела. Трудно найти слова, чтобы передать, с какой садистской жестокостью здесь все уничтожалось.

Мы шли от одной груды развалин к другой. Под ногами хрустели обломки штукатурки, кирпича, осколки стекла. «Здесь была школа, здесь — больница, фабрика, электростанция»,— говорили сопровождавшие нас вьетнамские товарищи. Бандиты действовали с продуманной методичностью: взрывчатку закладывали в фундаменты зданий, чтобы от них ничего не осталось. Предварительно с фабрик вывозили станки, из крестьянских домов — рис и все вещи до последней плошки. На убитых китайских солдатах под мун-

Первые горожане, возвратившиеся в Пномпень после падения кровавой пропекинской клики. Теперь они свободны.

НА ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

А. ЛЕВИН

Фото автора

17 апреля кампучийский народ отметил большой праздник — Национальный день республики. Четыре года назад в этот день был свергнут проамериканский марионеточный режим. Однако после победы к власти в стране пришли ставленники Пекина—клика Пол Пота—Иенг Сари, которая проводила политику геноцида против собственного народа, уничтожила три миллиона своих соотечественников из восьми. Кампучийцы поднялись на решительную борьбу против изуверского режима. 7 января нынешнего года страна была наконец освобождена. Население этого многострадального государства на Индокитайском полуострове получило возможность мирно трудиться в условиях полной свободы и независимости. Но не скоро еще сотрется в памяти кампучийцев кошмар недавних лет, когда по приказу китайских лидеров клика палачей планомерно и методично стирала с лица земли целую нацию.

— Такое невозможно забыть, — закончил свой рассказ председатель народного комитета провинции Прейвэнг товарищ Са Ринь.

То, что мы увидели в провинциальном центре, было страшной иллюстрацией к его рассказу. Помещение бывшей мастерской, превращенной пекинскими ставленниками в застенок, и груды человеческих костей во дворе. Пагода Ват Кхомай, где в одну ночь палачи уничтожили около двухсот человек и даже не потрудились скрыть следы своего преступления. Бараки на окраине города с длинными металлическими стержнями, к которым были приварены колодки для узников, и едва засыпанные землей ямы, куда сбрасывали тела казненных. Мертвый город Прейвэнг, куда, по словам кампучийских товарищей, вернулось только несколько десятков человек, потому что остальных убили. Да, такое забыть невозможно.

Мы уезжали из Прейвэнга подавленные, и гробовое безмолвие преследовало нас еще несколько километров, до тех пор, пока впереди не показалась деревня и пока навстречу нашей машине не выбежала стайка ребятишек. Здесь, за чертой города, начиналась жизнь.

...Из деревни Тынг Тхык полпотовцы выгнали всех жителей, и она была совершенно пустой. Сейчас практически все крестьяне вернулись домой, и деревня вновь ожила. После освобождения прошло совсем немного времени, но сделано уже немало. Подготовлено для засева рисом восемьдесят два гектара земли. Открылись два первых класса деревенской школы, и несколько девушек, которые до прихода Пол Пота к власти работали учительницами, вновь вернулись к своей специальности. Сейчас в школу уже ходит около двухсот ребятишек. Правда, приходится все начинать заново. Те, кто раньше учился в четвертом классе, сейчас пошли в первый, потому что при бывшем режиме школы были ликвидированы, читать и писать запрещалось. Народный комитет занимается распределением продуктов, полученных от государства.

— Очень, очень трудно, — говорил нам Тхом Борет, командир батальона, освобождавшего этот район и ответственный теперь за безопасность в уезде. — Люди вернулись практически в пустые жилища. Полпотовцы разграбили здесь и в соседних деревнях все. Они превратили Прейвэнг и его окрестности в пустыню. В первые дни здесь не было даже воды: в старые колодцы эти изверги сбрасывали тела своих жертв. Но завоевано главное — свобода. И люди полны энтузиазма, они готовы преодолеть любые трудности, потому что верят в свое будущее, в котором больше не будет места ежедневному страху за свою жизнь, массовым убийствам.

...Тхом Борету — двадцать семь лет. В революции участвует с 1970 года. Вместе со своими товарищами он освобождал Пномпень в апреле семьдесят пятого. Они радовались победе над проамериканским марионеточным режимом Лон Нола, мечтали о новой счастливой жизни. Но люди, которые за спиной истинных революционеров пробирались к власти, предали свой народ.

— Еще задолго до семьдесят пятого года, — продолжает Тхом Борет, — они начали проводить линию, направленную против ветеранов национально-освободительного движения. На собраниях подвергались критике участники войн Сопротивления против французских колонизаторов и американских империалистов. Причем это заставляли делать молодых. Нам говорили, что только мы способны понять новый революционный курс руководства, что старшее поколение сильно прониклось вьетнамской идеологией и не понимает местных условий. Мы верили в это и считали, что нужно помочь нашим старшим товарищам перестроиться, чтобы идти в ногу со временем. Постепенно в нашей парторганизации не осталось ни одного ветерана. Нам говорили, что они уехали учиться на курсы, а затем получили назначение в другую провинцию. Позже я узнал, что это была ложь. Просто с ними расправлялись, они были помехой для Пол Пота, который по заданию пекинских руководителей собирался уничтожить нашу нацию. Осенью 1976 года я вместе с тремя своими товарищами убежал в джунгли и присоединился к истинно патриотическим силам, которые вели борьбу против этих убийств. Сейчас все ужасы бывшего режима позади. Мы ликвидируем последние мелкие банды полпотовцев, и уже никто не сможет помешать нам строить ту жизнь, о которой мы мечтали еще до семьдесят пятого года.

...Мы уезжали из деревни Тынг Тхык к вечеру, когда оранжево-раскаленный шар солнца уже садился за горизонт. В одном из домов на окраине деревни шла подготовка к свадьбе. Это была тридцать вторая свадьба с тех пор, как рухнул режим, запрещавший людям любить друг друга.

Пномпень — Москва.

дирами находили награбленное: женские кофточки, детские вещи — ничем не гнушались мародеры.

Бесчеловечность китайских правителей поистине не знает границ. Вьетнамские воины, принимавшие участие в боях с агрессорами, рассказывали: «Китайцы не жалели и своих солдат. Волна за волной гнали их под огонь нашей артиллерии».

Я видел, как вынимали трупы из пещер, взорванных китайскими варварами. Так они расправлялись с мирным населением. Нет такой жестокости, которой бы не совершили интервенты: топили детей в колодцах, убивали женщин и стариков. Об этом свидетельствуют фотографии, сделанные сразу же после изгнания агрессоров. Эти снимки должен увидеть весь мир. Люди должны знать, какую угрозу представляют собой пекинские претенденты на мировое господство.

Во Вьетнаме уже создана комиссия по расследованию преступлений китайских агрессоров. Их обвиняет и карта, на которой обозначены территориальные претензии пекинских правителей к соседним странам. История знает немало примеров, когда агрессии предшествовала «картографическая война». Притязаниями на земли других государств китайские заправилы пытаются оправдать свой экспансионизм. Проводя откровенно шовинистическую, гегемонистскую политику, правители Китая поддерживают самые реакционные силы в разных районах мира — режим Пиночета в Чили, южноафриканских расистов...

Нападение на Вьетнам подтвердило: Пекин открыто проводит реакционный великодержавный курс, это крайнее проявление антисоциалистического перерождения маоистов. Об этом говорит их вражда к Советскому Союзу, другим социалистическим странам, ко всем прогрессивным силам, борющимся за национальное освобождение и мир. Решение китайских руководителей прекратить действие советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи — новое предательство дела мира и социализма.

Советский Союз неизменно поддерживал и поддерживает национально-освободительное движение народов Азии, Африки, Латинской Америки. Китай в этой борьбе — на стороне расистов, колонизаторов, империалистов. Его претензии на мировое господство представляют самую серьезную угрозу миру на земле.

Наша задача в этих условиях — укреплять солидарность, еще теснее сплачивать ряды тех, кто ведет борьбу за мир и свободу.

БУРЯ ВОЗМУЩЕНИЯ

Заключив предательский «мирный» договор с Израилем, режим Садата бросил вызов всем арабским странам. Бурю возмущения в арабском мире вызвала сделка между Каиром и Тель-Авивом. Многочисленные демонстрации протеста против заключения Египтом сепаратной сделки с Израилем прошли во многих городах Ирака, Сирии, Иордании, НДРЙ и в других арабских странах.

Правительства арабских государств в соответствии с решениями Багдадской конференции министров иностранных дел, экономики и финансов принимают санкции политико-экономического характера против садатовского режима. Иордания порвала дипломатические отношения с Египтом. Из Каира отозваны послы Объединенных Арабских Эмиратов, Катара, Бахрейна и Саудовской Аравии.

Ранее, как известно, с Египтом порвали отношения страны — члены Национального фронта стойкости и противодействия: Сирия, Ливия, Алжир, НДРЙ, Ирак, а также Организация освобождения Палестины.

По сведениям, поступающим из Каира, радикальные решения Багдадской конференции застали египетское руководство врасплох. Потеря финансовой помощи от таких государств, как Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, больно ударит по режиму Садата.

В соответствии с решением Багдадской конференции штаб-квартира Лиги арабских стран перенесена из Каира в Тунис.

Становятся известны все новые факты о проявлении недовольства в стране. Студенты крупнейшего в Египте университета Айн Шамс устроили сидячую забастовку, протестуя против унизительной капитуляции руководства страны перед Израилем и США.

Распространились сообщения о коллективных отставках офицеров в армии в знак протеста против заключения договора. По указанию властей органы безопасности производят в различных городах страны аресты среди прогрессивных элементов, открыто выступающих против сговора с американским империализмом и Израилем.

На снимке: массовый митинг протеста против сепаратной сделки между Египтом и Израилем состоялся в Тегеране перед посольством АРЕ.

Фото ТАСС

22 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ОДИН ДЕНЬ ИЛЬИЧА

Недавно в нашей стране отмечалось 60-летие Коминтерна. В его истории важное место занимает II конгресс, состоявшийся в 1920 году.

Всемирно-историческое значение этого конгресса заключается в том, что он выработал тактическую линию мирового коммунистического движения, заложил программные и организационные принципы Коммунистического Интернационала.

Публикуемый репортаж посвящен одному дню из жизни В. И. Ленина — дню открытия II конгресса Коминтерна.

Москва. 18 июля 1920 года. Воскресенье.

Около 10 часов вечера от перрона Николаевского вокзала отошел железнодорожный поезд на Петроград. Обычный поезд, какие ежедневно отправлялись по этому маршруту. Лишь немногие знали, что в купе одного из вагонов ехал Владимир Ильич Ленин, ехал на открытие II конгресса Коминтерна.

Первый конгресс состоялся в Москве. Второй решили начать в Петрограде, воздав тем самым должное подвигу петроградских рабочих в октябре 1917 года. Предполагалось открыть конгресс 15 июля, но, поскольку большинство делегатов добиралось в Россию нелегально, начало работы конгресса переносили дважды: сначала на 17-е, затем, уже окончательно, на понедельник, 19 июля.

...Владимир Ильич сидел в купе и, прихлебывая теплый чай, просматривал советские и зарубежные газеты. На что он мог обратить внимание? Конечно, прежде всего на сообщения с фронтов. На Западном фронте Красная Армия перешла в наступление на белополяков и прорвала фронт. Освобожден Минск. 16 июля части Красной Армии заняли Слуцк... Внимание Ильича, безусловно, могла привлечь и информация такого рода: в счет июльской нормы по продовольственным карточкам будет выдано взрослому населению по одному фунту соли и сахарного песку, четверть фунта кофе (суррогата), детям от года до пяти лет — сахарного песку полтора фунта, соли — один фунт, какао в порошке и печенья — по четверти фунта, клюквы — один фунт, консервированного молока — одна банка.

Газеты просмотрены. Владимир Ильич отложил их в сторону, задумался. Потом снял с полки портфель и вынул небольшую книгу. На титуле заголовок: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Ленин написал ее к открытию II конгресса Коммунистического Интернационала. Рабочие Первой государственной типографии в Петрограде, где печаталась книга, по просьбе Ильича работали, не считаясь со временем, чтобы успеть выпустить книгу в срок.

У части делегатов конгресса, ехавших тем же поездом, помимо этой книги, были с собой еще и ленинские «Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала», переведенные на несколько языков. Сделано все возможное, чтобы делегаты были во всеоружии. И книга и тезисы окажут несомненную помощь молодым коммунистам в их революционной борьбе, помогут исправить ошибки первых шагов роста, ознакомят с богатейшим опытом, стратегией и тактикой российских большевиков.

Петроград. 19 июля. Понедельник.

Около 9 часов утра поезд подошел к перрону Московского вокзала. Паровоз украшен лозунгами. На одном из них слова: «Мы победим — восстановим транспорт!» Вокзал и платформа тоже украшены транспарантами, цветами. На перроне — представители петроградских организаций. Встречающие ищут салон-вагон, полагая, что Ленин ехал именно в нем. А Владимир Ильич и его спутники выходят из дверей обычного пассажирского вагона.

На привокзальной площади Ленина и приехавших ранее делегатов встретили криками «Ура!», оркестр исполнил «Интернационал». Делегаты подхватили слова пролетарского гимна. В автомашинах, в красочно оформленных трамваях они направились в Смольный. Головной трамвай вел председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин.

...За оживленным разговором Владимир Ильич и не заметил, как подъехали к Таврическому дворцу. Видимо, устроители хотели показать Ильичу, что все уже подготовлено к открытию конгресса. Не исключено, что, глядя на зал, Владимир Ильич вспомнил январь 1918 года, когда здесь навсегда было похоронено Учредительное собрание, а вместе с ним и надежды всякого рода соглашателей на реставрацию буржуазного строя. Уже тогда в почти законченной статье «Люди с того света» он писал, что Таврический дворец со своими изящными помещениями отличается от Смольного приблизительно так же, как мертвый буржуазный парламентаризм от простого и жизненного советского аппарата...

Ленин обернулся к сопровождающим.

— А где же вся публика?

— В Смольном, Владимир Ильич.

— Зачем же мы сюда приехали?

— Таков распорядок.

— Ну, знаете, хорош ваш распорядок! Приехал по делу, а должен слоняться по пустому зданию. Немедленно едем в Смольный! А здесь пусть останется ваш великолепный распорядочек!

Большая арка, сооруженная перед въездом в Смольный, украшена лозунгами и рисунками. По обеим сторонам аллеи шпалерами выстроились матросы. Здание Смольного в зеленом убранстве. Дети, встречающие делегатов конгресса, осыпали Ленина и его спутников цветами. Владимир Ильич, смущенный встречей, поспешил в вестибюль. Бросилась в глаза лежавшая на одном из столов стопка книг — «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» на английском языке. Книги вручали иностранцам.

— Где же делегаты?— справляется Ленин.

— В актовом зале, Владимир Ильич.

Появление Ленина в актовом зале Смольного вызвало бурю восторга. Со всех сторон потянулись к нему десятки дружеских рук. Ленин не успевал пожимать их. То по-немецки, то по-французски обменивался он приветствиями с делегатами. Некоторых из них Владимир Ильич знал не только по фамилии, но и по имени. В это время один из организаторов объявил, что пора идти на заседание. Окруженный иностранными товарищами, Ленин идет из Смольного в Таврический дворец.

Около 12 часов дня.

Ленин входит в большой зал дворца, переполненный до отказа. Первые ряды кресел заняты зарубежными делегатами, идет разговор на многих языках и наречиях. Задние ряды и хоры предоставлены гостям: рабочим и крестьянам, красноармейцам и матросам. Путиловцам выделили шесть билетов на все заседания. Среди гостей бородачи-крестьяне в зипунах и сапогах, источающих крепкий запах дегтя. А ведь совсем недавно в этом дворце блистали мундиры, фраки, смокинги, эполеты, бриллианты орденов...

13 часов дня.

Председательствующий объявляет Второй конгресс III Коммунистического Интернационала открытым. Делегаты и гости стоя поют «Интернационал», а потом минутой молчания чтят память борцов, погибших в последний год за светлые идеалы коммунизма.

Единогласно избирается президиум. Когда члены президиума вместе с Лениным занимали свои места, Владимир Ильич вдруг увидел в одном из последних рядов своего старого партийного товарища.

— Смотрите, смотрите, да ведь это же Шелгунов! Ведь это же он!

И Ленин почти бегом направился к нему. Слепой и поседевший Шелгунов, питерский рабочий-революционер, предупрежденный соседями, поднялся и сделал два шага навстречу Ленину. Владимир Ильич порывисто обнял его, и под восторженные аплодисменты они молча расцеловались.

Стенографисты уже работали. Кроме русского языка, записи велись на немецком и французском. Стенографа английского языка найти не удалось.

С кратким приветствием обратился к конгрессу М. И. Калинин.

Затем для доклада о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала слово предоставляется В. И. Ленину. Весь зал встал. Овация продолжалась несколько минут. Слышны были возгласы на всех языках: «Да здравствует Ленин!» Владимир Ильич смущен. Он несколько раз пытается начать выступление, но безуспешно — овации разрастаются с новой силой. Ленин показывает на часы. Не помогает. Зал стоя приветствует вождя русских большевиков, лидера международного пролетариата. Наконец овация стихает, и Ленин получает возможность говорить.

Первая мировая война, развязанная империалистами Европы и Америки для передела мира и грабежа трудящихся, привела к резкому обострению капиталистических противоречий. Увеличились эксплуатация и обнищание трудящихся масс в странах капитала. Более миллиарда людей подвергается жесточайшему колониальному гнету. Ленин приводит данные мировой статистики, ссылается на буржуазных и коммунистических исследователей, анализирует международную обстановку, сложившуюся после первой мировой войны и победы Октябрьской революции.

Расхаживая по сцене, Ленин объясняет, доказывает, убеждает и, словно на уроке политической экономии, рисует картину мирового процесса, характеризующегося общим кризисом всей капиталистической системы. Какие-то невидимые нити связывают Ленина с сидящими в зале, и каждый из делегатов и гостей думает, что Владимир Ильич обращается именно к нему.

Многие делегаты конгресса, которые сейчас, затаив дыхание, слушают Ленина, позже оставят потомкам свои записи о том глубочайшем впечатлении, которое произвел на них Владимир Ильич. Француз Марсель Кашен напишет: «...Ленин является сейчас самой крупной фигурой мирового рабочего движения»,— а чех Антонин Запотоцкий отметит: «Русский пролетариат имеет полное право гордиться товарищем Лениным...»

Заканчивая свою речь, Ленин говорит, что в условиях общего кризиса капитализма конгресс должен определить позицию коммунистов. Главная задача — сплочение коммунистических сил, образование коммунистических партий, очищение их рядов от оппортунистических вождей, верных защитников буржуазии. «Нам надо уйти с конгресса с твердым решением, чтобы во всех партиях эту борьбу довести до конца»,— призывает Ленин.

После речи Ленина конгресс принимает обращения и приветствия к трудящимся Петрограда, к Красной Армии и Красному Флоту, воззвания к пролетариям всех стран по поводу белого террора в Венгрии и о задачах трудящихся Европы в связи с войной буржуазной Польши против Советской России.

Первое заседание окончено. Делегаты покидают Таврический дворец. Вместе с ними выходит Ленин. В дверях он встречается с Максимом Горьким Он тоже был на конгрессе и взволнован не менее других. Горький крепко пожимает руку Владимиру Ильичу и говорит, с каким восторгом слушал великолепное ленинское выступление. Окруженные делегатами со всех сторон, они вышли в сад и остановились у колонны, чтобы поговорить. Но разговору помешали фоторепортеры, попросившие разрешения сфотографировать их. Тогда и появилась известная фотография: Ленин и Горький среди делегатов II конгресса Коминтерна.

16 часов 30 минут.

По программе у Таврического дворца конгрессу должны вручать знамена. Затем шествие на площадь Жертв Революции, чтобы возложить венки на могилы павших.

Воспользовавшись перерывом, Ленин с небольшой группой товарищей поехал на Каменный остров — там находились дома отдыха для рабочих. Под кронами деревьев в бывших особняках разместились отдыхающие. Владимир Ильич зашел в один из особняков и остановился в дверях комнаты. Чистота, уют, тишина. Над шахматной доской склонились двое, болельщики внимательно следят за ходом сражения. Но не успели игроки взглянуть на пришедших, как те уже направились к выходу.

Осмотрев спортивный клуб и некоторые другие помещения, Ленин вышел на веранду. Он устал и решил немного отдохнуть.

Между тем весть о приезде Ленина разнеслась по всему дому отдыха. Конспирация не удалась. Несколько человек присели рядом на ступеньках, другие стали вокруг Владимира Ильича плотным кольцом.

— Как живете? — обратился он к отдыхающим.

— Да как сказать, немного лучше, чем прежде.

Ленин расспрашивал о нуждах рабочих, о продовольственном снабжении, о распорядке дня.

— Да, трудно,— замечает он,— очень трудно, знаю...

— Это что,— вдруг подал голос старый путиловец,— вы, товарищ Ленин, лучше скажите, как Коминтерн, выйдет из него что-нибудь?

Ленин доволен. С большой охотой рассказывает он о работе конгресса Коммунистического Интернационала.

— Так, значит, наша возьмет, хоть и трудно. Это главное,— заключает путиловец.

В это время одна из работниц подошла поближе к Ильичу.

— Вот, товарищ Ленин, американские называются, недавно закупили и выдавали по талону,— и она показала на свои ботинки с отвалившейся подошвой.

— Да, плохо дело. Но выход есть — самим делать хорошие ботинки, иначе американцы нас всегда будут надувать. Научимся, покончим с экономической зависимостью.

Ленин поблагодарил коменданта дома отдыха за гостеприимство и, уже прощаясь, словно невзначай, отведя его в сторону, попросил:

— А нельзя ли этой работнице, у которой порвался ботинок, выдать другую пару обуви, чтобы не омрачать ей отдых?

...Отдыхающие тепло провожали Владимира Ильича.

На Петроградской стороне Ленин попросил шофера остановиться у шестиэтажного дома на Широкой улице. Здесь он жил в 1917 году и сразу нашел окна квартиры.

17 часов.

Площадь Жертв Революции.

...Одна за другой вступают на площадь делегации компартий. На могилы борцов, погибших за дело революции, ложатся венки живых цветов и зелени. Один из них увит красной лентой с надписью «Второй конгресс Коммунистического Интернационала от пролетариев всех стран павшим в борьбе за коммунизм». Гремит артиллерийский салют, звучит траурная мелодия. Люди в скорбном молчании стоят у священных могил. Когда Ленин с группой товарищей подошел к могиле В. Володарского, один из иностранцев спросил, кем был и при каких обстоятельствах погиб Володарский. Владимир Ильич ответил ему.

Ленин, где бы он ни находился, всегда был в центре внимания делегатов и гостей конгресса. В нем они видели не только вождя российской революции, но и признанного руководителя международного пролетариата.

Когда закончилась торжественная церемония возложения венков, делегаты конгресса и представители районов колонной двинулись по улице Халтурина на Дворцовую площадь. Там должен был состояться грандиозный митинг по случаю закладки памятников героям Парижской коммуны и Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. С красным бантом на обшлаге пиджака и гвоздикой в петлице в колонне демонстрантов шел Ленин. Рядом с ним Горький.

19 часов.

Дворцовая площадь до отказа заполнена трудящимися. Открывается митинг. Слово предоставляется Владимиру Ильичу.

— Товарищи,— обращается он к собравшимся,— во всех странах коммунистические вожаки несут неслыханные жертвы, они гибнут тысячами в Финляндии и Венгрии и других странах. Но никакие преследования не остановят роста коммунизма, и героизм таких борцов, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, дает нам бодрость и веру в полную победу коммунизма.

Митинг еще продолжается, но Ленин спешит: на поезд опаздывать нельзя! Владимир Ильич прощается с товарищами и, поинтересовавшись, как организована отправка делегатов конгресса в Москву — там продолжится его работа,— уезжает на вокзал...

20 часов.

С Московского вокзала отбыл поезд в Москву. В купе вагона, в котором ехал Ленин, еще долго не гас свет. До мельчайших деталей Владимир Ильич продумывал работу конгресса. Заканчивался еще один рабочий день Ленина.

А. ГАК,
кандидат исторических наук,
А. СТЕПАНОВ,
кандидат исторических наук

Н. Сысоев. В. И. ЛЕНИН НА СУББОТНИКЕ.

Н. Жуков. ПТИЦЫ ПОЮТ.

Вацлав ГОНС

«ВСЯ ЗЕМЛЯ КАК НА ЛАДОНИ»

ИЗ ПОЭМЫ «ЛЕНИН»

Я
Метронома ленинского
Слышу
Биенье —
Над живою синевою
Твоих ударных строек, Комсомол!
О век борцов, бойцов,
Перечеркнувших
Извечную печаль в судьбе Земли!..

Любимая, прижмемся же друг к другу,
Как два единоверца,
На ладони
Дворцовой площади. Вот здесь, гляди,
Когда-то
На ветру,
Урочной ночью
Решалось счастье всей Земли людей.

•

СТУЧИТЕ, БЕЙТЕ КУЛАКАМИ В ДВЕРЬ!
Мы — здесь,
Посланцы бедных, беземельных,
Сюда, к принадлежащим нам по праву
Полям,
Согбенные от назиданья:
«ТЫ ПРАХ ЕСИ И ОБРАТИШЬСЯ В ПРАХ».
Земля подобна гире арестантской
На наших, в кровь разодранных ногах.
И тщетно биться головой о стену,
А за стеной —
Лишь долгий волчий вой.
ПРОБЕЙ ЖЕ, ЧАС ВОЗМЕЗДЬЯ!
ЛЮДИ-ЛЮДИ,
СТУЧИТЕ В ДВЕРЬ СТОЛЕТЬЯ!
В сей твердый час пора забыть,
Что око —
За око,
И зуб — за зуб,
Зуб — за око,
И око — за зуб,—
Милый перезвон
Колесиков в часах тысячелетья.
ПРОБЕЙ ЖЕ, ЧАС ОТМЩЕНЬЯ!

•

Наш путь тяжел, но — верю! — освящен
Животворящим пламенем столетий.
Звени, надежды майской соловей!
Цветы твои еще за горизонтом.
Еще наш век кричмя кричит от боли,
И кости перебитые торчат,
Еще повсюду треск пальбы...
Планета,
Еще твой воздух горестен, как вздох
Судьбы разбитой,
Как мильонноротый
Голодный стон,
Как безысходность будней
Рабов, униженных и оскорбленных,
Как смерть детей.
НО МЫ СТОИМ СТЕНОЙ.
Мы — утреннее пение влюбленных,
Мы — шестерни сочувствия,
Мы — шепот
Осенних лиственниц,
Хотя ладони
У каждого из нас кровоточат.
Но слово правоты освещено
Животворящим пламенем столетий.
И наших дел несметные ростки
Светло на нивах века прорастают,
В недостижимых высях над планетой

Соединяясь в имя:
ЧЕЛОВЕК.

•

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫКЛАДКИ
ТАКОЙ ДАЮТ ОТВЕТ:
ИСТЕРИЧЕСКИЕ ВЫХОДКИ
ПРИНОСЯТ ТОЛЬКО ВРЕД.
МЫ НАЗЛО СУДЬБИНЕ СТРОИМ
НОВЫЙ МИР ЗА ГОДОМ ГОД.
ПО ЗЕМЛЕ ЖЕЛЕЗНЫМ СТРОЕМ
РАТЬ НАРОДНАЯ ПРОЙДЕТ!

ИСТОРИЯ ОТКРЫТА —
ДА! ДА! ДА! —
КАК ДВЕРЬ В СИМБИРСКИЙ ДОМИК,—
НАВЕЧНО, НАВСЕГДА.

МОНОЛОГ ВАЛЕНТИНЫ ТЕРЕШКОВОЙ

И вот
Средь звездных сумрачных полей
Я увидала Землю
И на ней
Пейзажи,
Один другого краше.
Мне говорили:
«Каждый континент
Окрашен
Лишь в ему присущий цвет».
Я убедилась:
Африка желта —
Подобие осеннего листа.
Вот Южная Америка.
Она,
Как поле яровое, зелена.
А это Азия.
Ее примета —
Загар темно-коричневого цвета.
А океаны — васильковый цвет...
Земли прекрасней во Вселенной нет.

•

В час, когда уснет природа,
Птица, зверь и человек,
Стих мой, грубый, как колода,
Не подымет тяжких век.
Иглы трав буравят землю.
В небе — мутный лунный зрак.
Тьма и мрак весь мир объемлют,
Мир объемлет тьму и мрак.
В час, когда слепые тени
Пляшут в ветровой гульбе,
Как сквозь хаоса сплетенье,
Продираюсь я к тебе.
...Потускневшие портреты.
Тыщи лиц, имен, людей.
Как сыскать теперь приметы
Тех простых великих дней?
Где ты, клена лист зеленый,
Что глядел в симбирский дом,
Где, над книгами склоненный,
Гений занят был трудом?
Где ты, лампа в тихом доме,
Где была ему видна
Вся Земля как на ладони
Из полночного окна?
...На незримом небосклоне —
Вздох родившегося дня...
Пусть навечно в нашей крови
Кровь твоя течет, звеня!
Знай же: не во имя культа —
Ради будущих времен
Высекает лик твой скульптор,
Чей резец уж раскален.
О ВЕЧНОМ ПОЮ ЧЕЛОВЕКЕ —
НЫНЕ,
ПРИСНО,
ВОВЕКИ!
РАССИЯЛАСЬ НАД ПЛАНЕТОЙ
СИНЬ,
СИНЬ,
СИНЬ!
СТАРЫЙ МИР,
ВО ИМЯ СВЕТА
СГИНЬ!
СГИНЬ!
СГИНЬ!
ЛЕНИН
ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ ВРОВЕНЬ,
ПРОСТ, КАК НЕБО И ЗЕМЛЯ.
ПУСТЬ НАВЕЧНО В НАШЕЙ КРОВИ
КРОВЬ ЕГО ТЕЧЕТ, ЗВЕНЯ!

•

Я
Метронома ленинского
Слышу
Биенье
Над живою синевою
Ударных строек комсомольских.
Век
Счастливцев, навсегда перечеркнувших
Извечную печаль в судьбе Земли.
Любимая, как сладко сознавать,
Что и мои напевы приближают
Грядущего ликующее небо,
Раскинувшееся, как лепестки
Огней рассвета
Над стремниной века
Твоих ударных строек, Комсомол!

Последний облик твой запечатлел
Холодный мрамор.
Я смотрю, бледнея,
На очертанья губ твоих.
Слова
Давно уже все сказаны.
Однако
Я повторю:
Знай — это ты, бессмертный,
В нас эру человечности открыл.

•

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
ГРЕМИТ ВУЛКАНОМ, В ПАМЯТЬ ИЛЬИЧА,
ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ.
ИСТОРИЯ ОТКРЫТА —
ДА! ДА! ДА! —
КАК ДВЕРЬ В СИМБИРСКИЙ ДОМИК,—
НАВЕЧНО, НАВСЕГДА!
Любимая, уже щебечут птицы.
Дрожат зарницы, как твои ресницы.
На склоне дня и в утреннем свеченье
Мы знаем о своем предназначенье.
Как знает о своем предназначенье
Крестьянин над весенней бороздой,
Как знает о своем предназначенье,
На пламень домны глядя, горновой,
Иль с кроткою улыбкой кружевница,
Когда над снежным кружевом склонится.

Жизнь — неподкупна.
Время — неделимо.
А там — в ущельях дедовых морщин —
Шумят леса серебряные сказок
И духи — охранители природы —
У наших разноцветных колыбелей
С улыбкою загадочной стоят.

МЫ — ЗДЕСЬ,
Отныне, присно и вовеки.
Наш голос напоен святой мечтою,
И сердце каждый стук свой сторожит.
Я слышу: приближаются повозки
С цветами —
Безнадежности дорога
Одолена,
И в каждом нашем шаге
Истории медлительная поступь
Величественно запечатлена.
ДА! ДА! ДА!
РАСПАХНУТА ИСТОРИЯ
НАВЕЧНО, НАВСЕГДА.

Авторизованный перевод с чешского Юрия МЕДВЕДЕВА.

Со стр. 4—5.

РУКОПОЖАТИЕ ПЯТИЛЕТОК

1926 год. Декабрь. Только что по ленинскому плану ГОЭЛРО пущена Волховская ГЭС — первенец советской гидроэнергетики. Ее мощность — 58 тысяч киловатт. А через год, в ноябре, состоялась торжественная закладка Днепровской ГЭС, самой крупной в Европе, второй в мире после американской на Теннесси. Проектная мощность в десять раз больше Волховской. Разве это не было тогда величайшей смелостью? Ведь наша электротехническая промышленность была еще очень слаба. А мы отказались от услуг, предложенных германскими и американскими фирмами, и строили Днепрогэс сами, по своему проекту, разработанному И. Г. Александровым. Разве не было смелостью спорить с иностранными консультантами, опрокидывать их расчеты, рекомендации самого Купера, руководителя всемирно известной фирмы? Конечно, мы перенимали у них опыт, но и американцы кое-чему научились у нас. Когда, например, надо было строить перемычки, временно перекрывающие русло реки, возник крупный спор. Куперовские специалисты доказывали, что перемычки надо делать из небольших ряжей-опор, что увеличение их размеров ничего не даст. Мы настояли на своем: только огромные блоки. И мы рубили из бруса на плаву — так диктовала практика Волховстроя. Это намного ускорило ход работ.

Нам надо было торопиться, считать каждый день: в 1932-м, завершающем году первой пятилетки — пуск! Консультанты по этому поводу скептически улыбались. Хью Купер издал в Америке большой плакат с эскизным изображением Днепровской ГЭС и текстом, оповещавшим, что большевики приступили к строительству электростанции, которая даст ток в... 1934 году. Они нисколько не сомневались в нашем провале.

Днепр стал работать на коммунизм в 1932-м! Это была победа всей страны, победа энтузиазма и мужества строителей, победа советской гидротехнической школы, которую возглавляли такие выдающиеся инженеры и организаторы, впоследствии академики, как И. Г. Александров (кстати, он одним из первых еще в тридцатые годы предложил строить БАМ и участвовал в разработке схемы электрификации Средней Азии), как А. В. Винтер, Б. Е. Веденеев. И вот наступил день торжественного пуска, когда на трибуне М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, Анри Барбюс стояли рядом со строителями. Это было 10 октября.

Но я хотел бы рассказать о другом дне, обычном рабочем дне тридцатого года, который решал судьбу стройки.

В тот год надо было во что бы то ни стало уложить в плотину пятьсот тысяч кубометров бетона. Только тогда можно было рассчитывать на своевременный ввод агрегатов. Консультанты дали свой прогноз: 300 тысяч, и ни кубометра больше. Ссылались на свой рекорд: 386 тысяч. Мы, молодые инженеры технического отдела, по предложению партийной организации стройки выдвинули встречный расчет, по которому получалось полмиллиона кубов. Мистер Томсон из американской фирмы назвал его утопичным. По его мнению, это было столь же нереально, как, скажем, полететь на Луну. Даже начальник строительства Винтер заколебался. Но, познакомившись с нашими выкладками и почувствовав мощную волну горячего одобрения, всколыхнувшую тысячи рабочих, он сдался, принял встречный, однако предупредил: «Теперь надо крепко держаться!»

Началась невиданная битва за большой бетон.

Соревновалась бригада с бригадой, смена со сменой, завод с заводом, берег с берегом. Каждый день над корпусами вспыхивали огромные красные звезды. Газеты и плакаты пестрели цифрами. Что же касается нас, молодых специалистов, то мы потеряли счет дням и часам. Начальник техотдела пожимал плечами: «Не понимаю, что творится: придешь в семь утра — сидят за столами, придешь в десять вечера — сидят...» Бывало, и ночами сидели: а как же иначе? Ведь к восьми утра явятся прорабы за расчетами и чертежами. Проходит несколько дней, и видишь: по твоей схеме смонтировали агрегат, проложена железнодорожная ветка, построен гравийный завод. Это было как в сказке!

В сентябре плотина приняла 88 тысяч кубометров бетона, в октябре — 110, в два с лишним раза был превышен лучший результат, достигнутый в Соединенных Штатах. Мистер Томсон вынужден был признать, что ему впервые приходилось наблюдать такую бетонную лавину. Вершиной стал, если память мне не изменяет, день 29 сентября, когда за одни сутки было уложено более пяти с половиной тысяч кубометров бетона! Чтобы представить себе, что это такое, сравню с более свежими данными. В декабре прошлого года я был на Енисее в качестве председателя комиссии по приемке первого энергоблока Саяно-Шушенской ГЭС. В самые горячие дни здесь в плотину укладывается три тысячи кубометров. А ведь в Саянах такая колоссальная техника!

В тот, 30-й год было уложено не пятьсот, а пятьсот восемнадцать тысяч кубометров бетона.

Великолепие Днепрогэса в том, что он был построен невероятно быстро, высокий темп взяли с самого первого дня. Металлургия юга получила первый ток в апреле тридцать второго.

— Как вы стали гидростроителем?

— Днепровские пороги я впервые увидел в девятнадцатом. Воевал в Заднепровской дивизии Дыбенко. Дикие, скалистые берега и водовороты потрясли мое воображение уже тогда. Второй раз оказался в тех же краях, будучи студентом третьего курса. Жена была из этих мест, мы только что поженились и пешком прошли по берегу от Днепропетровска до Запорожья. С тех самых пор все время занимала мысль: что сделать с порогами, как использовать эту стихию? Так, естественно, темой моего диплома стала Днепровская ГЭС. И, еще не защитив его, студентом, я пришел к Ивану Гавриловичу Александрову — он уже тогда создал в одном из арбатских переулков контору, которая так и называлась — «Днепрострой».

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА, логическое продолжение плана ГОЭЛРО, была выполнена за четыре года и три месяца. Ее детища: новая металлургическая база Урало-Кузбасс, Турксиб, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Сталинградский тракторный, «Ростсельмаш» — всего 1500 заводов и фабрик.

ПОЛВЕКА КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ

А. В. ГОРШКОВ, председатель колхоза «Большевик», Владимирской области, дважды Герой Социалистического Труда:

— В минувшем году нашему колхозу исполнилось пятьдесят лет, и мы всей колхозной семьей отметили в родной Нечаевке этот юбилей. Я хорошо помню день рождения артели: 21 августа 1928 года меня избрали председателем одного из первых в стране коллективных хозяйств. К тому времени, считай, мужик я был уже самостоятельный — исполнилось тридцать лет. Коммунист, участник гражданской войны — наверное, поэтому люди мне поверили, проголосовали за артель. Мне было всего девятнадцать, когда я, крестьянский сын, получил винтовку в отряде красногвардейцев, а через год отправили нас на фронт, бить Колчака. Служил я и в ЧК. То была суровая школа. И вот я приехал к землякам, они ждали моего совета: как жить на земле?

Ответил: вместе пахать, вместе сеять, вместе строить — жить одной семьей, коммуной! Другого выхода нет. Мелким хозяйством из нужды не выйти — так завещал Ленин. Слушали, помню, внимательно, да мужицкий ум не скор на выбор. Ленин и это предвидел, учил не торопиться, учил убеждать примером. Помню, собрались в избушке Якова Федоровича Смирнова, еще в родительском селе, Нармучи, и объявили организацию артели. Первыми вступили семь беднядких семей. Семь семей, сорок восемь душ, а трудоспособных всего семнадцать. Нам пришлось отселяться, мы, артельщики, ушли на Нечаевскую пустошь. А вокруг Мещера, болотные топи, леса, пахотной земли кот наплакал. Но твердо решили строиться, осушать болота, запахивать общую пашню. Начали с артельного шалаша, а в нем нары в два этажа: наверху спали бабы с ребятишками, внизу — мы, мужики. Тут же были и правление, и столовая, и клуб.

Не было ни семян, ни тягла. Только сорок рублей членских взносов, пара лошадок да четыре коровенки. Помню, Федор Гусев оглянулся на старое село и сказал в сердцах, хлопнув шапкой оземь: «Прощай, проклятая жизнь! Если вернусь сюда, то не иначе как на автомобиле!» Между прочим, Федор через несколько лет прикатил в Нармучь на первом артельном грузовике! А сыновья его стали первыми трактористами.

Теперь в нашем колхозе более пятисот семей. У нас около пятнадцати тысяч гектаров угодий — пашни, леса, луга. Мы выращиваем отличный картофель. Получаем много молока. Давно и с выгодой используем природные богатства Мещерского края. Общественный фонд давно уже составляет свыше двух с половиной миллионов рублей. И давно уже колхоз оплачивает отпуска и больничные листы. Дети продолжают дело отцов и матерей. В Нечаевке остаются те, кто любит землю, кто умеет работать на фермах или овладел мастерством механизатора, в общем, те, для кого жизнь в деревне — радость.

Мы неустанно поднимаем плодородие Нечерноземья, продолжаем увеличивать благосостояние наших колхозников. Короче, живем и работаем так, как учил крестьян Ленин.

А что стало с родительским селом, с тем самым, которое покинули артельщики? В 1936 году, уже во второй пятилетке, настал у нас радостный день, когда к нам присоединилась родная Нармучь! Убедили, значит, бывших односельчан наш опыт, наши поля и фермы, наши электростанции, новенькие дома, парк и библиотека!.. Убедила колхозная жизнь!

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА ознаменовалась принятием новой Конституции, в которой была зафиксирована окончательная ликвидация всех эксплуататорских классов. Победил колхозный строй. 98,5 процента сельскохозяйственной продукции производили совхозы и колхозы.

СТАЛЬ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Я. И. СОКОЛ, первый директор Челябинского металлургического завода, вступившего в строй в годы Великой Отечественной войны:

— Нет, вероятно, в стране машиностроительного завода, который не потреблял бы высококачественную сталь Челябинска. Но далеко не всем известно, что первая плавка этой стали была получена в разгар Великой Отечественной войны.

За десять дней до начала войны было окончательно определено место строительства завода. Выбор пал на Першинскую площадку в двенадцати километрах от Челябинска, на которой, кроме сторожевой избушки, никаких строений не было. На «заводе» в ту пору работали три человека: шофер, бухгалтер и я, назначенный директором. Через несколько недель — уже началась война! — нам приказали готовиться к приемке оборудования с подмосковной «Электростали», Липецкого завода, сталинградского «Красного Октября». А у нас, как говорится, ни кола ни двора. Только железнодорожный тупик, обнаруженный в окрестностях. С него и пришлось начинать. Проложили в тупике веером железнодорожные пути для приемки эшелонов с оборудованием.

Представьте себе: осень, скоро зима, а к нам едут тысячи людей. О том, чтобы жить в Челябинске, не может быть и речи: все забито эвакуированными предприятиями. Московскому «Калибру» посчастливилось: занял недостроенное здание Челябинского театра. В то тяжелое время нам помог обком партии, помог первый секретарь обкома Николай Семенович Патоличев. Мы как-то с ним встретились недавно и вспоминали те трудные времена. Многие прибывали к нам после бомбежек, особенно тяжело было видеть эвакуированных из Сталинграда — нередко полураздетых, в одних тапочках, измученных. Встречали их с ватниками в руках.

Мы строили полуземлянки и бараки, устанавливали в них в два, а то и в три яруса деревянные топчаны. В таких помещениях размещались бани, медпункты, столовые. В наскоро сколоченных сараях в Мельничном тупике днем и ночью устанавливали станки, приводили в порядок узлы и агрегаты электропечей, прокатных станов и домен.

Весной 1942 года по решению ГКО к нам была передислоцирована со Сталинградского фронта часть 5-й саперной армии под командованием бригинженера, впоследствии известного строителя, генерала, Героя Социалистического Труда А. Н. Комаровского. А через год, весной 1943-го, когда немецко-фашистское командование развернуло подготовку к наступательной операции «Цитадель» на Курской дуге, наш завод уже выдал первую сталь для танков и орудий. Я никогда не забуду этот день, как в 21 час 5 минут раздалась команда: «Пускать!» И поток металла устремился в ковш. Разливкой руководил Георгий Михайлович Бородулин. Он, кстати, на «Электростали» работал старшим мастером, эту же печь пускал 12 лет назад на своем родном заводе.

Вслед за первой печью вступили в строй остальные, потом станы, потом домна. Из первого чугуна отлили барельеф (он сейчас в Музее Революции в Москве) с надписью: «Все для фронта, все для победы».

ТРЕТЬЯ ПЯТИЛЕТКА. По объему промышленной продукции наша страна вышла к 1940 году на первое место в Европе и второе место в мире. Вероломное нападение фашистской Германии прервало созидательный труд. Советский народ, грудью встав на защиту Отечества, в то же время строил в тылу новые заводы и фабрики.

«БЕЛАРУСЬ» — ДИТЯ МИРА

И. И. ДЕМЧЕНКО, главный инженер производственного объединения «Минский тракторный завод имени В. И. Ленина»:

— Принимаю эстафету у Челябинска. Только что мы слышали рассказ о том, как Урал ковал грозную силу нашей армии. Минский тракторный возник из пепелищ и развалин на истерзанной войной земле Белоруссии. Первыми его строителями и рабочими были партизаны и вчерашние воины.

Совет Министров СССР принял постановление о строительстве завода 29 мая 1946 года. И всего через два года, в июле 1948-го, была смонтирована и заработала в моторном цехе первая на предприятии автоматическая линия для обработки головки блока дизельного двигателя. Еще через два года, накануне Октябрьских праздников, начался серийный выпуск тракторов «Кировец» на гусеничном ходу.

Я, к сожалению, немного опоздал к началу сборки этого трактора — приехал с Украины в Минск летом 1950 года сразу по окончании Бердянского машиностроительного техникума и не видел собственными глазами, как начинал строиться завод. Знаю это по фильму. Начинался он, как Магнитка и Комсомольск-на-Амуре, с палаток, с колышка и первой лопаты. Работали вручную. Не было ни воды, ни энергии, ни тепла: город лежал в руинах. Мы какое-то время спали прямо в горячем песке, в литейном цехе.

Я присутствовал на большом торжестве: видел, как первый трактор обрастал узлами на конвейере, становился на свои гусеничные ноги, как, рокоча, двинулся из ворот. На табличке значилось: «Кировец Д-35», заводской номер — 1, год выпуска — 1950-й. Так МТЗ на финише четвертой пятилетки докладывал Родине о выполнении поставленной перед ним задачи.

Вскоре освоенный нами «Кировец» был передан Липецкому тракторному заводу, и вместо него началось производство мощных трелевочных тракторов, очень нужных лесорубам. На Всемирной выставке в Брюсселе трактор ТДТ-60 был удостоен Гран-при. Однако громкую, я не боюсь этого слова, славу нашему заводу принес трактор «Беларусь» — универсальный колесный пропашной, на пневматических шинах. Он экспортируется в 77 стран мира.

Одна из моделей этого трактора, МТЗ-80, первой из советских успешно выдержала международную апробацию с оценкой «очень хорошо» на испытательной станции университета в штате Небраска в США. Протокол испытаний, утвержденный ученым советом университета и рассылаемый механизаторам сельского хозяйства всего мира, включен в так называемую «Красную книгу». Вот несколько отзывов иностранцев. Джон Смит, владелец фермы под Сиракьюсом: «Тракторы «Беларусь» просты в обращении, как умные кони». Джон Батлер, фермер из округа Освега, штата Нью-Йорк: «Он буквально рвется вперед, может выбраться из любой грязи». А француз Анри Буланже из департамента Сена назвал его своим любимцем, потому что ест мало, а трудится без устали.

Я недавно вернулся из Франции. В центре Парижа был открыт ежегодный салон сельскохозяйственной техники. Там мы заключили много новых контрактов.

В СССР каждый третий трактор — наш, белорусский. Пяти моделям тракторов присвоен государственный Знак качества. Коллектив объединения борется за то, чтобы этой высокой чести были удостоены все наши модели. Таково обязательство на четвертый год десятой пятилетки. Мы намерены выпустить партию машин с такими кабинами, в которых даже девушки не устали бы, не чувствовали никаких неудобств, тряски, шума — словом, чтобы кабины удовлетворяли всем медицинским нормам.

— Когда можно ожидать трактор с такими кабинами?

— В 1980 году выйдет промышленная партия, а в одиннадцатую пятилетку ими будут снабжены все наши тракторы.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЯТИЛЕТКА — пятилетка восстановления народного хозяйства. Уже в третьем ее году был превышен довоенный уровень промышленного производства, восстановлено и построено 6200 крупных заводов и фабрик, отменена карточная система, начат переход к обязательному семилетнему образованию.

БОРОЗДА ПО ЦЕЛИНЕ

Л. М. КАРТАУЗОВ, Герой Социалистического Труда, тракторист совхоза «Родина», Целиноградской области:

— Я счастлив представлять многомиллионную армию ЦЕЛИННИКОВ, тех, кто двадцать пять лет назад поднялся по призыву партии на освоение целинных и залежных земель Поволжья, Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. Мера этого поистине всенародного подвига определена в книге товарища Л. И. Брежнева «Целина». Часто повторяют: целина, мол, это страница в биографии нескольких поколений. Да, это так, но для моего поколения, для тех, кто приехал в Казахстан добровольно, с первыми комсомольскими эшелонами, для меня лично ЦЕЛИНА — это не страница, а вся моя сознательная жизнь! Было мне немногим больше двадцати лет, когда на целине я обрел настоящих друзей, участвовал в строительстве одного из зерносовхозов в Кустанайской степи. Там я впервые получил собственное жилище, там овладел новой для меня профессией тракториста. Я помню Джетыгару — сейчас райцентр,— саманную, одноэтажную, затерянную в бескрайней степи. Единственная достопримечательность — закрытая шахта старого треста «Джетыгарзолото». Золотая жила иссякла... Но племя целинников вспороло стальными лемехами жесткую ковыльную степь на миллионах гектаров, и степь обернулась золотом пшеничных полей!

Хорошо помню, с каким недоверием наблюдали обожженные солнцем и горячими ветрами парни и девушки за тем, как наш директор Кузьма Митрофанович Селиванов упрямо сажал яблоньки, привезенные с родины — Украины. Наш эшелон прибыл из Литвы. Мы не очень-то верили, что в полынном пекле выживет молодой сад. Но сад зацвел! И совхозный поселок мы построили и собрали свой первый богатырский урожай пшеницы в 1956 году! Так бывший фронтовик, коммунист, наш первый наставник на целине, преподал нам урок жизни. Самое главное — укорениться! Пустить корни в землю, закрепиться, выдержать первые невзгоды и работать не покладая рук, не теряя веры в ту цель, ради которой ответил на призыв партии: «Есть!»

Самое памятное? Было всякое... И переправы через разливы весенних рек — помню, как встречали на берегу словно взбесившейся степной речушки Желкуар девушек, строителей из Дагестана, среди них была и Аня, теперь Анна Михайловна, моя жена, моя любовь навсегда... И бураны были — слепые, жестокие, о них много писали и рассказывали... И зной в иные годы выжигал все живое: хлеб, молодые посадки. Много осталось в памяти — четверть века, вся жизнь. Но я хочу рассказать о великом дне, о великом чувстве ПЕРВОЙ БОРОЗДЫ.

А было так. Еще в детстве мне довелось увидеть близко войну, глаза в глаза. Родом я тверской, из Калининской области, мама умерла до войны, отец погиб в блокированном Ленинграде. Остался сиротой, но мне повезло: подобрали бойцы Красной Армии, я стал воспитанником 185-й стрелковой дивизии. Но при наступлении 1944 года на земле Эстонии меня тяжело ранило, и остался я без ног. Я не хотел быть иждивенцем. Вот почему я так яростно боролся за свою судьбу, добился комсомольской путевки на целину, старался хоть чем-то быть полезным ребятам-новоселам и сам мечтал построить свою жизнь на новом месте. Хотел своего дела, любви, семьи, детей, которые бы не оставались сиротами...

Вот почему запомнилась именно первая борозда, проложённая мною самостоятельно. Я добился, чтобы меня назначили прицепщиком. Мое желание поняли, пошли навстречу. Летом поднимали новую целину. Тракторист Анисим Сироткин притомился, остановил трактор, пошел на бригадный стан: «Лежи, я скоро, только наряды закрою...» Лежу, степь вокруг, березовые колки, а там и речка и озерца. Хорошо! Но трактор стоит. А двигатель Анисим не заглушил. Простой... Я перебрался с земли в кабину. Потом взял рычаг... Трактор пошел. Сначала очень медленно, я боялся испортить борозду, оставить огрех. Протянул полсотни метров — ничего. Прибавил скорость. И потянулись за мною, за моим трактором черные борозды моей первой пашни. Я забыл себя, забыл, что и как... Говорят, смотрели Анисим и все ребята: трактор будто сам по себе шел по степи. Чудо! Но чудес не бывает, за рычагами ДТ-54 сидел новый, только что родившийся человек! Новый тракторист и хлебороб. Да,

та первая борозда резко разделила мою жизнь на д о и п о с л е. До первой целинной борозды я как бы и не жил, но после нее понял, что м о г у! Могу быть полезным людям, не зря ем хлеб и детям своим смогу посмотреть в глаза! Это много значит — жить с чистой совестью. А стать настоящим хлеборобом нелегко. Еще пришлось побороться за право стать трактористом, получить трактор. Надо было изучить технику, степное земледелие, законы растениеводства... Я все годы, все зимы учился. И сейчас учусь — оканчиваю уже техникум. Потому что нельзя быть неучем в зоне рискованного земледелия. Тут с землей только на «вы» можно разговаривать, почтительно.

П Я Т А Я П Я Т И Л Е Т К А. Началось освоение целинных и залежных земель. Вступили в строй доменные печи в Череповце и Орске, первые агрегаты Каховской и Волжской ГЭС имени Ленина. Дала ток первая в мире АЭС. Построено 240,5 миллиона квадратных метров жилья.

КЛАДОВЫЕ СИБИРИ

Ю. Г. ЭРВЬЕ, заместитель министра геологии СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии:

— Десятая пятилетка для меня юбилейная: в этом году исполняется ровно пятьдесят лет со времени моего прихода в геологию. Начинал рабочим геологоразведочной партии, которая вела поиск газа в районе Мелитополя. Трудно сейчас представить, насколько слабо тогда были разведаны и изучены запасы газообразного и жидкого топлива нашей страны. Большой путь с тех пор прошла и геологическая служба.

После окончания Великой Отечественной войны начались поисковые работы с применением геофизических исследований и глубокого опорного бурения в Западной Сибири. Этот район, нефтеносность которого предсказал создатель советской нефтяной геологии академик Губкин, давно привлекал меня. Он все еще оставался «белым пятном» на карте. Все еще шли дебаты: а есть там нефть на самом деле? Выходов ее на поверхность действительно не обнаруживалось, потому что над ней лежали толщи осадочных отложений, через которые нефть пройти не может.

В Сибирь из западных районов страны переводились геологические организации. Я переехал из Молдавии в 1952 году, где до этого руководил нефтеразведкой. В Тюмени работал вначале руководителем нефтеразведки, а с 1956 года возглавил разведочный трест, реорганизованный затем в управление «Главтюменьнефтегеология».

Теперь всем известно, что первой ласточкой в Западной Сибири стало открытие, причем довольно случайное, природного газа в Березове — селе, где жил некогда опальный князь Меншиков. Первый газовый фонтан стимулировал поисковые и в первую очередь геофизические работы на всей огромной территории. Медленно, с неимоверным трудом открывала тюменская земля свои кладовые.

Прошло несколько лет после открытия в Березове, когда наконец сейсморазведка обнаружила в верховьях реки Конда перспективные структуры. Летом 1959 года я вызвал из Ишимской партии глубокого бурения бригаду бурового мастера Урусова. Он хорошо себя зарекомендовал: за год его бригада пробурила восемь тысяч метров. Это был самый высокий показатель по всей области. Сейчас такой результат кажется незначительным, а тогда считался достижением. В Урусове привлекали не столько его высокие показатели, сколько самоотверженная целеустремленность.

Мы сказали Семену Урусову, какая стоит перед ним задача. Бригада переводится в Шаимскую экспедицию, и ему предстоит пробурить первую скважину. Он ответил, что поедет куда угодно, лишь бы быстрее наконец найти нефть. В то же лето Урусову и его бригаде это удалось. Из первой скважины № 2 вблизи глухого таежного села Мулымья получили первые сотни килограммов нефти. Следующая скважина, № 7, укрепила надежды — дала периодический фонтан около 18 кубометров нефти в сутки. И вот, наконец, скважина № 6. Забурили ее в мае 1960-го, в июне приступили к испытаниям. Урусов рассказывал, что она сразу начала фонтанировать. Скважина давала устойчивый фонтан — триста кубометров в сутки. Этим было возвещено об открытии в Сибири промышленного месторождения нефти.

На другой день мы с академиком А. А. Трофимуком и начальником Главгеологии РСФСР С. В. Горюновым и другими товарищами прилетели на скважину, где нас встретили начальник экспедиции М. В. Шалавин, старший инженер Г. А. Михалин, буровой мастер С. Н. Урусов. Скважина мощно фонтанировала. Трудно передать общую радость и ликование!.. Каждый из нас понимал огромное значение открытия.

Прошло почти двадцать лет, но, вспоминая тот день, молодеешь, переживаешь все заново.

С Шаима началась цепная реакция: одно за другим следовали новые на Оби и в других районах области месторождения, десятки месторождений.

Что вдохновляло геологов и нефтяников и способствовало в конечном итоге успеху? Огромная, ни с чем не сравнимая поддержка нашей партии, ее Центрального Комитета, Тюменской областной партийной организации. Еще не было нефтяных разработок, не было речи о строительстве газо- и нефтепроводов, по протяженности которых наша страна вышла на первое место в мире. Партия поверила нашим прогнозам и направила в Тюмень нефтедобывающие предприятия. Создание новой базы нефте- и газодобывающей промышленности нашло отражение в материалах XXIII, XXIV, XXV съездов партии, делегатом которых мне посчастливилось быть, и в конечном итоге привело к успешному выполнению поставленных задач.

Сегодня формирование Западно-Сибирского энергетического комплекса, изменившего облик огромного края, продолжается и достигло всего лишь половины своего пути. Тюменская земля еще не все сказала — основное в будущем.

Ш Е С Т А Я П Я Т И Л Е Т К А. Объем промышленного производства в 5,2 раза превысил уровень довоенного, 1940 года. Продолжается освоение целины. В СССР запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

КОСМИЧЕСКИЕ БУДНИ

О. Г. МАКАРОВ, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза:

— Сегодня космонавтика порой воспринимается как сплошной праздник. Мне бы хотелось оспорить такое мнение. Во-первых, нынешняя космонавтика — это итог деятельности самых различных предприятий: институтов, фабрик, заводов, конструкторских бюро. Для ее развития нужна была вся мощь страны, созданная за годы пятилеток. Во-вторых, космонавтика — это прежде всего работа. Будничная, ежедневная, надежная. Последнее здесь главное, потому что космический корабль должен быть сделан надежно — иного не дано. Когда впервые формировалась бригада космических монтажников, Сергей Павлович Королев потребовал, чтобы они прошли самые строгие испытания на профессионализм. Я был знаком с этими людьми. Это, конечно, люди особые: настоящие виртуозы, их рукам доступно буквально все, что вообще могут сделать человеческие руки. Мне приходилось видеть, как монтажники совершенно искренне обижались на инженеров, которые приходили контролировать их работу. Им казалось невероятным, что, выполняя свое дело, они могут сделать что-то небрежно, кое-как.

Сегодня здесь говорилось, что Днепрогэс строился энтузиастами. Я видел, как создавался наш легендарный «Восток». Это тоже была организация энтузиастов. Люди работали вдвое больше, чем положено, не потому, что их кто-то понуждал. Нет, они по-настоящему болели за общее дело и вкладывали в него всю свою энергию, все свои знания, делали больше того, что могли...

Я тоже принимал участие в этой работе. Попав в КБ Королева, я оказался под началом замечательного человека и специалиста Константина Петровича Феоктистова. Мы разрабатывали первые космические корабли. Дело необыкновенное. Ведь не было никакого опыта, не было предшественников, у кого можно что-то спросить, подглядеть, проконсультироваться. Все приходилось придумывать самим. Все!

С тех пор прошло почти два десятилетия, а я и сейчас все вижу, как это было тогда. Сложно и интересно! Бесконечный поток мыслей, идей. А как жаль было отбрасывать хорошие идеи, осуществить которые пока не представлялось возможным... Руководитель группы иногда ворчал: этого мы не сможем, этого не сумеем,— но все умел и делал. Потом как бы оправдывался: «В меру своих знаний». Да, только мера эта была очень высокая. Тон задавал К. П. Феоктистов. Мне казалось, он уже видел корабль, когда его еще не существовало. Мы, молодые, учились у него...

Конечно, и в нашей напряженной работе бывают праздники. Космический старт всегда для землян останется чудом. Мне посчастливилось провожать на космодроме всех наших первых космонавтов, кроме Гагарина. Но и сегодня, когда смотришь на уходящую в космос ракету, не перестаешь восхищаться ее красотой и совершенством. В такие минуты думаешь: твоя работа тоже помогла выполнить общее дело, она нужна тем, кто трудится рядом, нужна науке.

Наука щедра, она платит за вложения в нее богатыми россыпями подарков. Мы не представляем сегодня жизни в восточных районах страны без спутников связи, мы получаем с помощью спутников погоды сведения, без которых немыслимо современное ее прогнозирование. Сегодня, наконец, мы начали как следует изучать нашу Землю. Это дали нам спутники. Сегодня уже придуман метод контроля за состоянием посевов, но не введен еще в промышленную эксплуатацию. Тут еще очень много работы. Мы еще в долгу перед астрофизиками. Но мы уверены, что затраты окупятся.

С Е Д Ь М А Я П Я Т И Л Е Т К А. Первые полеты советского человека в космос. Вступили в строй Белоярская и Нововоронежская АЭС, крупнейший в мире нефтепровод «Дружба».

КОГДА ЖДАЛА МОСКВА

Гуйчназар ТАЧНАЗАРОВ, заместитель начальника производственно-диспетчерской службы производственного объединения «Шатлыкгазодобыча» Туркменской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола:

— Я тут моложе всех — мне всего двадцать восемь лет. Как будто бы и рассказать особенно нечего, ничего не совершил героического. Если космонавты считают, что у них работа будничная, обычная, то как же нам, газопромысловикам, быть? Газ поступает по трубам, спрятанным под землей, снаружи ничего не видно и не слышно... Хотел вспомнить хотя бы один яркий эпизод из нашей практики — не получается. То, что важно для нас, внешне не выглядит совсем не эффектно. Вот недавний пример. В конце декабря прошлого года нам сообщили, что из-за сильных морозов Москве требуется больше топлива и мы должны увеличить подачу газа. Что это значит? Представьте себе десятки пробуренных в земле скважин, из которых под огромным давлением рвется при-

родный газ. Но газ этот нельзя просто так впустить в трубы магистрального газопровода Средняя Азия — Центр, неочищенным, неосушенным, неохлажденным. Все процессы механизмов контролирует автоматика, за автоматикой наблюдает человек... И все это хозяйство сейчас надо было переналадить к усиленному режиму подачи газа. Москва ждала. Не ждали морозы, а мы ловили сводки погоды и делали все, что в наших силах, чтобы там, в Москве, легче было справляться с холодом.

Всего через восемь часов после команды перевод на новый режим был завершен, но трудности с этого только начинались. Мы ввели дополнительные дежурства. Обеспечили четкость работы. Неотрывно следили за оборудованием, которое работало с предельным напряжением, а ведь все это газ, могучее давление, ежесекундная взрывоопасность...

Однако газопровод Средняя Азия — Центр для нас не только трубы и аппараты. Он вступил в строй в 1967 году, в год пятидесятилетия СССР, его строила вся страна, так же как Днепрогэс, как Братск, как КамАЗ. Наше объединение «Шатлыкгазодобыча» совсем молодое и тоже работает на этот газопровод. В короткий срок в пустыне Каракумы создан крупнейший комплекс, и в этом участвовали люди пятидесяти национальностей, приехавшие к нам, на ударную стройку. И Шатлыкский комплекс и магистраль Средняя Азия — Центр — символы дружбы братских республик.

Когда землетрясение в Узбекистане нарушило работу газодобывающих центров Газли, мы в Туркмении компенсировали недостаток в добыче. А однажды, помню, еще во время моей институтской практики, я попал на аварию, где газовый факел гасили азербайджанские мастера...

Я не случайно вспоминаю особенно тяжелые дни в работе, неожиданные сюрпризы природы: для нас, газовиков, они бывают редкими и самыми серьезными экзаменами. Как будто кто-то нас время от времени проверяет — готовы ли мы, сегодняшнее поколение, к трудностям? Можем ли мы в любую минуту прийти на помощь друзьям, жив ли в нас коллективизм первых пятилеток, достойны ли мы трудового наследия своих отцов?

Мне повезло в жизни: ко многим испытаниям меня подготовил отец. Посоветовал уйти из школы, хотя я и учился хорошо, поступить в ПТУ и окончить десятилетку в вечерней школе. Трудно? Да, трудно, зато я научился полностью подчинять себе время. Поступил в институт... Нас у родителей восемь — и все мои сестры, братья не ищут легких путей. Пожалуй, такой подход к жизни характерен для нашего поколения...

ВОСЬМАЯ ПЯТИЛЕТКА. Возникло сто новых городов, вступили в строй Братская и Красноярская ГЭС, закончено формирование Единой энергетической системы Европейской части страны. Начался переход ко всеобщему среднему образованию.

ПЕРЕПРАВА

В. Г. НОВИК, бригадир строительно-монтажного поезда 576 управления «БАМстройпуть» Амурской области, Герой Социалистического Труда:

— Какой самый памятный день был у меня на БАМе? Знаете, за четыре года работы их набралось очень много. Впрочем, один можно считать особенным. Только не день — сутки. Ранним июньским утром я, как обычно, обойдя строительные объекты бригады, шел по главной улице будущей станции Могот. Внимание привлекли два жарко спорящих человека возле бульдозера. Бульдозер стоял, опустив нож на кромку зеленого островка, сбереженного какой-то доброй душой в самом центре нашего поселка. Островок небольшой, всего-то с десяток тоненьких березовых стволиков да пяток таких же маленьких елочек, под которыми сплошным ковром стелились стебельки брусники. Я ускорил шаг, каким-то внутренним чутьем ощущая опасность, нависшую над клочком дикой земли. Как выяснилось, по плану застройки на этом месте должен стоять склад, и посему прораб, не задумываясь, отдал распоряжение расчищать площадку.

Первым остановил бульдозер бригадир столяров Юрий Ертахов. Часом позже судьба зеленого островка решалась в кабинете начальника строительно-монтажного поезда. И он был спасен! Решили рядом с зеленой поляной построить детский сад, а склад перенести на место, где уже тронута природа.

В тот день была еще одна радость. Руководство поезда приняло решение на базе моей бригады создать специальный механизированный комплекс. Это был первый шаг к прогрессивному методу ведения работ. Нам предстояло построить двенадцать водопропускных труб под полотном будущей дороги. Каждая такая труба — серьезное бетонное сооружение. На работу отпущено всего три месяца. Срок, конечно, очень мал. Но задача поставлена, и ее надо решать.

До предстоящего монтажа труб мне надо было срочно, к утру, попасть в десантный поселок мостостроителей на берегу быстрого Гилюя. А он не близок. Еще позавчера добраться туда было просто. А теперь, когда механизаторы сделали выемку и дорога на Тынду временно перекрыта, можно попасть только водным путем. Поздним вечером я пришел к шоферу машины, закрепленной за нашей бригадой. Валерий Граблин не удивился, мы заехали в гараж, загрузили бочку масла, взяли резиновый шланг, буксирный трос и еще какие-то детали. Путешествие наше, хотя и на колесах, проходило на реке, и Валерий оказался отличным речником. Он вел свой ГАЗ-66 подобно теплоходу от створа к створу. Выискивая, конечно, не фарватер, а, наоборот, мелководье, перекаты.

Перед первым глубоководным препятствием нам пришлось, как выразился Валерий, произвести некоторое усовершенствование конструкции ГАЗа применительно к бамовским условиям. То есть соорудить установку РДП — работы двигателя под водой. Могот мы покорили без особых трудностей, но впереди был Гилюй. На рассвете добрались к гилюйской «переправе». Поселок мостостроителей на противоположном берегу уже проснулся. Заметив нас, люди подходили к берегу, покрытому ледяной коркой. Что-то кричали, советовали, бурно жестикулируя. Валерий понял, что нам надо подняться метров на сто выше, а также закрепить буксирный трос и вывести конец буксира в кузов.

Когда все было готово, мы спустились к реке. Гилюй, своенравная, дикая река, словно смеялась над нашей затеей. Не буду рассказывать подробности переправы, но без посторонней помощи нам не удалось бы выбраться. Двигатель заглох почти на середине реки. И когда сильное течение стало разворачивать машину, перед лобовым стеклом кабины возникла фигура человека.

— Давай трос,— выдавил, сжимая от холода челюсти, бородатый парень. Схватив конец троса, он поплыл к берегу.

К сожалению, я не знаю имени того смельчака, добровольно пошедшего в ледяную воду. Людей, способных к подвигу, на нашей стройке много. Потому и дела у нас идут успешно. В этом, 1979 году по северному ответвлению БАМа Тында — Беркакит, по которому уже сейчас следуют маршруты с углем Южной Якутии, откроется и регулярное пассажирское сообщение по расписанию.

ДЕВЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА. СССР вышел на первое место в мире по производству стали, нефти, минеральных удобрений. В полтора раза возросли производственные фонды. Осуществлена широкая социальная программа: на повышение благосостояния народа направлено столько средств, сколько за две предыдущие пятилетки, вместе взятые.

ПРОДОЛЖИТЬ ПОДВИГ

Р. В. ШУРАНОВ, заместитель технического директора Камского объединения по производству грузовых автомобилей:

— Большегруз КамАЗ — ровесник десятой пятилетки. Главный конвейер автосборочного завода был включен 16 февраля 1976 года, и машина № 0000001 под звуки оркестра и бурю аплодисментов сошла с последней позиции, развернулась и стала в центре, у трибуны торжественного митинга. Это были долгожданные минуты для нас, мы жили этим днем, ждали его долгих шесть лет. И тот февральский вьюжный день — красная страница в нашей заводской летописи. В подарок XXV съезду КПСС была тогда собрана первая колонна автомобилей, они своим ходом пришли в дни работы съезда в Москву, на Красную площадь, рапортуя партии о досрочном выполнении обязательства: «Новый советский автомобиль есть! КамАЗ есть!»

В тот год в процессе пусконаладки было выпущено пять тысяч большегрузов.

А в конце декабря государственная комиссия заканчивала приемку первой очереди автомобильного комплекса. Восемьдесят процентов всех процессов здесь механизировано и автоматизировано. КамАЗ являет собой пример чрезвычайно высокой концентрации производства, возможной лишь в условиях развитого социалистического общества.

Какова же отдача КамАЗа? В первый же после пуска год было сделано 22 тысячи машин, в том числе 7 тысяч сверх плана. В прошлом году это количество было без малого удвоено: 41 тысяча. Сегодня каждые сутки собирается 170 большегрузов. Уже в августе этого года мы сможем выйти на проектные рубежи — 75 тысяч машин в год. Таков камазовский закон ускорения.

В свое время планово-экономические службы намечали выйти на уровень заданий по рентабельности к июлю 1979 года. Мы сумели достичь этого раньше, в июле прошлого года.

Количество наших машин, работающих в народном хозяйстве, приближается к ста тысячам, и спрос на них непрерывно растет. Преимуществ у КамАЗа по сравнению с другими грузовиками немало, мы готовимся к тому, чтобы давать УралЗам и ЗИЛам дизельные двигатели. Пришло время выходить на международный рынок и нашему КамАЗу. Мы демонстрировали свой самосвал в салоне Англии. Там он очень понравился. Покупатели нашлись, теперь ведутся переговоры.

Еще в этой пятилетке должна вступить в строй вторая очередь автомобильного комплекса. Снова начнется освоение новых мощностей. Наш коллектив приложит все усилия, чтобы продолжить подвиг тех, кто стоял у колыбели КамАЗа.

ДЕСЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА. Она еще не завершена. Но уже заработал на Енисее первый агрегат Саяно-Шушенской ГЭС, которая будет в десять раз мощнее первого Днепрогэса. Вступила в строй действующих первая очередь Атоммаша — гиганта машиностроения для атомной энергетики. Принято постановление о мерах по дальнейшему развитию электрификации сельского хозяйства. Завершается создание Единой энергетической системы СССР.

Выступления участников встречи записали Г. КУЛИКОВСКАЯ, Н. БЫКОВ, С. ВЛАСОВ, В. КУЗНЕЦОВ, Б. СМИРНОВ.

ДЕСЯТЫЙ ПОЭТИЧЕСК

На страницах «Огонька» мы уже рассказывали об успешно прошедшем VII Всесоюзном совещании молодых писателей. Сегодня мы предоставляем слово молодым поэтам — участникам одного из пятнадцати творческих поэтических семинаров.

Юрий ДОЛГОПОЛОВ

НАШИ МАЛЫЕ РЕЧКИ

Наши малые речки
Заросли ивняком.
Наши малые речки,
С ними каждый знаком.

...В полдень — светлые тени
От нависших ракит.
В торопливом теченье
Милый голос журчит.

Солнце в заводи ясной,
Как покоя печать,
Белобрысый подпасок
В тень прилег помечтать.

Пусть про малые речки
Шутят: курицын брод.
А у этих у речек
Пол-России живет.

Нет жемчужных ракушек.
Не сыскать янтаря,
Но без наших речушек
Обмелели б моря.

●

У края отстоявшейся воды,
От солнца и свободы очумелый,
Я собираю первые цветы,
Как скупердяй — рассыпанную
мелочь.

О первенцы весны!
Румянец щек
Пыльцою золотистой орошая,
Любимая еще раз и еще
Лицо в пушистость вашу
погружает.

И видно мне от солнечной реки,
Как окна новых корпусов лучисты,
Как вдаль бегут, спеша, грузовики
Во все края безоблачной Отчизны.

Весна открыла тысячу дорог,
Но мы пойдем, пока цветы
не смяты,
Их положить у бронзовых сапог
Уставшего от вечности солдата.

ЛЮБИМОЙ

Пускай меня согреет память
Теплом волос твоих и плеч —
И перед тем, как в небо глянуть,
И перед тем, как в землю лечь!

Калуга.

Татьяна ИНОЗЕМЦЕВА

●

Отликовали грозы,
И под метелей звон
Укачивают березы
Землю на долгий сон.

И столько скрывают нежности
В усталых ветвях, грустя,
Словно седые женщины
Укачивают дитя.

●

Море пшеницы
Комбайны сжевали,
Солнце сжевали,
На выпуклом шаре
Стоит комбайнёр —
Замечательный парень
С последнею пылью
На крепком загаре.

Пора непогоды
Теперь неопасна.
Наш праздник труда
Был бессонный
И страстный.

...А я загрустила,
Ласкай сынишку:
Не холодно ль полю
С короткою стрижкой?

●

Залетела в клетку птица.
Просто так, из любопытства.
Как же так могло случиться —
Дверце вздумалось закрыться?

Я в твои из любопытства
Заглянуть глаза хотела.
Как же так могло случиться,
Что отпрянуть не успела?

Что зашлось тревожно сердце,
Прошептали губы: «Милый!»...
И невидимая дверца
К отступленью путь закрыла.

Костромская обл.,
д. Аносово.

Надежда ЧЕРНОВА

ФОТОГРАФИЯ СЫНА

В бою упал он, защищая Дон.
Заклеван был он пулями у Дона.
Но со стены, не уставая, он
Глядит на мать, на свет родного
дома.

А матери все кажется одно:
Что там не снимок рамкой
огорожен,
А сын пришел, и заглянул в окно,
И наглядеться на нее не может...

ЩЕДРОСТЬ ЛЕТА

О, щедрость лета!
Травостой по пояс!
Полей пшеничных
загустевший мед.
И в переплет моста
вплетенный поезд.
И берегов стремительный
полет.
То два крыла, пшеничных
и ковыльных,
Ведут меня — и с ними
я в ладу.
И если я отвергну
эти крылья,
Без них я, словно в пропасть,
упаду.
О, щедрость лета!
По Чингизским склонам
Сползают овцы —
за гуртами гурт.
И кажется,
Что это горы, словно
Живые,
С места сдвинувшись,
идут.
Сама земля идет ко мне
навстречу.
Дымы идут,
Клубится яблонь дым.
И на ладони у меня под вечер
Краснеет солнце яблоком литым.

Алма-Ата.

Дильбар ХАЙДАРОВА

ПЕРВЫЙ СНЕГ

То не хлопок над нашим
рассыпался полем,
Снег идет, чистотой первозданной
доволен.
Словно парень наивный,
но смелый в любви,
Заключает он землю в объятья
свои.
Душно в доме, и тянет на воздух
омытый,
Я во двор выхожу с головой
непокрытой.
Снег пьянит и слепит молодой
белизной,
Он, как чудо, как праздник,
сегодня со мной.

●

Иду я навстречу поспешным
годам,
Я их посвящаю упорным трудам.
Становятся годы моею судьбой,
А я, как всегда, недовольна
собой.
Иду я навстречу поспешным
годам,
Я каждому году все сердце
отдам.
И все же одно я забыть не могу:
У времени я в неоплатном долгу.

Ташкент.

**Перевел с узбекского
Николай СТРИЖКОВ.**

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

МЕТРОНОМ САЛАСПИЛСА

Низкорослый сосняк
В кромку поля корнями вцепился.
Прислонились к граниту
Седые макушки травы.
И ударило сердце
Безмолвного Саласпилса,
И, как пульс на запястье,
Качнулась прожилка тропы.

В получасе езды —
Разноцветное Рижское взморье,
Крылья чаек и яхт,
Детворы шаловливый косяк.
В получасе от радости —
В поле проросшее горе
И натеки гвоздик
Под табличкою:
«Детский барак».

...Как узлы на платках,
Мы гранит на полях оставляем,
Чтоб звенели моря,
Чтобы птичий гремел перезвон.

Фото В. МАКСИМОВА

ИЙ...

...Бьет в груди метроном.
На прощанье шаги замедляем.
И невольно шаги
Ускоряет немецкий турист.

Москва.

Владимир НОСКОВ

ФРОНТОВИК

— Да, надо жить! — он часто
повторял,
Когда, бывало, заходил на свет.
И полстены от лампы заслонял
Квадратом плеч, широких,
как лафет.

— Да, надо жить!
Земля дышала в дом
Грибной прохладой,
свежестью осок.
О чем вздыхать при здравии
таком?
Другой резон — когда без рук,
без ног.

О чем вздыхать!
Кругом такой задел,
Работа — на четыре стороны!
А он курил и на меня глядел
Глазами, не пришедшими с войны.

— Да, надо жить! — кричал и я
во сне
И просыпался.
Близко пел петух,
И утро разгоралось на сосне,
И дальний гром не беспокоил
слух.

Фронтовика пытаясь разгадать,
Поверил я, что, уходя на смерть,
Он был убит однажды, но опять
Родился, чтоб в глаза мне
посмотреть.

●

Еще не смолк тележный скрип
В моем таежном Селеткане.
Артельный конюх дед Архип
Латает сбрую, ладит сани.
Последний, может быть, кержак
Еще усидчивой породы,
Он сани выделает так,
Что хоть в огонь, потом —
хоть в воду!
В работе дед Архип, как бог.
Он ценит доброе начало.
— А сын сумел бы?
— Мог бы, мог,
Терпенья мало к матерьялу.
— А внук?
— А внуку ни к чему.

А сам в карман за папиросой.
В табачном медленном дыму
Спина изогнута вопросом.
Вокруг таинственный покой,
Во тьму замшелого зимовья
Струится свет берестяной
Со дна лесного понизовья.
И неподвижно, словно врос,
Старик молчит у подоконья:
Глазами — в сторону берез,
Вопросом — в сторону сыновью.

Челябинск.

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

ТЕТКА ФРОСЯ

Глухая будка.
Стоны сосен.
Да эти струны-провода.
На переезде тетка Фрося
Флажком встречает поезда.

Смоленых шпал
Морозный запах.
Ветра сквозные холодны.
В сорок втором
На фронт — на запад —
Уехали ее сыны.
И не вернулись больше... Оба...
И не прислали письмеца...

За будкой горбятся сугробы.
А тетка Фрося у крыльца
Стоит с флажком
Лицом к метели,
Лицом — на дальние огни.

Не все составы пролетели —
Порожняки пока одни...

ВОРОБЬИ

Ваши песни не украдены,
Ваши посвисты — ничьи.
Словно чиркаются градины
О горячие ручьи!

Как зайду веселым вечером
В гущу звонких тополей —
После вас и делать нечего
Соловьям в душе моей!

Белгород.

Александр РУДЕНКО

ДРУЗЬЯМ

...И на наших глазах
в жизни столько случалось!
Цвел орешник лесной. Бушевала
гроза по весне.
Мчался в небо корабль.
И волшебное слово рождалось
Где-то в самой груди, в потаенной
ее глубине.

Уходила любовь... И упрямое
мужество зрело.
И, пружина, швырял
нас под ветер отцовский порог.
И, как мину сапер, находила
дорогу и дело —
Без ошибки —
судьба
среди тысячи дел и дорог.
И на наших глазах
люди падали и поднимались.
Умирали. Рождались. И рук
не жалели своих.
И мы верили им. С ними спорили.
С ними братались.
Честно ими гордились. И честно
страдали за них.
И ничто не прошло мимо нас —
ни заботы, ни боли...
Все давали мы жизни, и брали мы
все, что могли.
И не горсточкой праха мы станем,
а пригоршней соли!
Или островом черной,
рождающей вечно
земли...

●

Я люблю ваши лица,
маляры, штукатуры —
Грубоватые лица усталых людей.
Ваши кисти, стремянки, голоса,
перекуры...
И, в рабочем порядке,—
пестрый колер идей.
Я влюблялся не раз в быстроту
и сноровку
Ваших взглядов и крашеных
пальцев, пока
Пахло гипсом,
и мягко вминало шпаклевку
В подоконник сырой острие
шпателька.
Я мальчишкой бежал на больших
переменах
К вам на стройку —
и пачкал раствором носки...
Ваше дело —
заделывать трещины в стенах,
Мазать клеем обои, белить
потолки...
Маляры, штукатуры!
Подводные рифы
Неудач и сомнений не страшны
вам, когда
Вы по жизни проносите лак
и олифу,
Словно веру в бессмертную силу
труда...
Маляры, штукатуры!
Мы все в вашей власти...
Я, как в детстве, опять перед
вами стою.

И с надеждой прошу:
если можно, покрасьте
Голубым или розовым душу мою...

Москва.

Олег САЛТУК

●

Таков обычай наш —
Иных не знаю,
Он к нам пришел из тьмы
минувших лет:
Приспела свадьба —
Всем селом гуляют,
И всем селом идут за гробом
вслед.

И сообща вдове поставят хату —
Коль надо,
Все село с утра придет,
И снаряжает все село в солдаты
Парнишку,
Коль настал его черед.

Всем миром
Шли и к бедам
И к победам.
Большой обычай —
Вместе быть всегда.
Пока он жив —
Нам горький час неведом:
Не сломит нас никто
И никогда!

●

Над Ушачиной гуси летят
На свиданье с весною.
А в могилах ровесники спят,
Не пришедшие с боя.

Над Ушачиной гуси летят
Так доверчиво низко.
А в весеннее небо глядят
Обелиски.

Над Ушачиной гуси летят.
Не спешите так, гуси,
Ни дома, ни леса не горят
В Беларуси.

Над Ушачиной гуси летят.
По-землячки мы рады.
Крылья ваши не обгорят,
Как тогда... в дни блокады.

Над Ушачиной гуси летят —
Осторожны и чутки...
В пальцах старых солдат дрожат
Самокрутки.

Минск.

Перевел с белорусского
Иван БУРСОВ.

НЕОТДЕЛИМ ОТ РОССИИ

Вся жизнь великого русского писателя И. С. Тургенева, его духовные борения и нравственные искания, вера и смысл его жизни неотделимы от России. «...Я подобен Антею — не могу оторваться от родной почвы, не утратив при этом той малой толики сил, которой способен располагать»,— писал он. Каждый школьник знает наизусть и другое высказывание Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»

Книга литературоведа Г. Э. Винниковой посвящена значительной теме: Тургенев и Россия. Работа, вышедшая вторым, дополненным изданием, построена на документальной основе, приближающей ее к популярной среди читателей серии «Жизнь замечательных людей». Используя во многом новый документальный материал, автор живо и увлекательно повествует о кровных связях Тургенева со всей русской жизнью, с прошлым России и ее будущим.

Каждая глава книги — страница яркой жизни замечательного писателя. От «аннибаловской клятвы», данной юным Тургеневым,— клятвы бороться с крепостным правом, до его смерти во Франции, вдали от родины — все повествование как бы насыщено живительными токами, идущими от творчества писателя и всей его жизни к любимой родине и от нее, России, к одному из лучших и верных своих сынов.

Автором скрупулезно учтены новые и новейшие тургеневские материалы, введенные в научный обиход в последнее десятилетие. С интересом читаются страницы биографии Тургенева, в которых он предстает человеком и литератором, понимающим великое значение для судеб России нарождавшегося демократического движения. Дружба с Герценом и Белинским, сотрудничество в некрасовском «Современнике», арест, сближение с революционерами-народниками Лавровым и Лопатиным во многом повлияли на эволюцию взглядов Тургенева.

В книге Винниковой нашла отражение последовательно разрабатываемая автором концепция творчества Тургенева, а именно: помещик, барин, Иван Тургенев был одним из самых актуально необходимых обществу художников. Его романы и повести «Рудин», «Накануне», «Ася», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым», «Новь» — это отклики живые и яркие на современные Тургеневу явления общественной жизни.

Интересное исследование Г. Винниковой заставляет задуматься над одной из главных проблем в тургеневедении — каким видел писатель будущее России и как он воспринимал свое время. Прочитав книгу «Тургенев и Россия», отвечаешь на этот вопрос со всей определенностью: Тургенев — наш современник, недаром не одно десятилетие своей жизни он шел рядом с теми, кто боролся за свободу русского народа.

И этот взгляд на жизнь и творчество Тургенева делает работу Г. Винниковой заметным явлением в советском литературоведении.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Галина Винникова. Тургенев и Россия. М., «Советская Россия», 448 стр.

ДВОРЕЦ ОКНАМИ К СОЛНЦУ

С. МАРКОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

— Две недели уже прихожу сюда,— жаловался второклассник Колька.— Как кончаются уроки, так и прихожу. Но выбрать никак не могу! А как выберешь? Глаза разбегаются... Все, все ужасно интересные!

— Ничего,— успокаиваю.— А друзья твои записались?

— Конечно, записались! И девчонки! А мне не везет... Валерка говорит, это потому, что я родился двадцать девятого февраля. И уши, говорит, у меня лопоухие и все время горят. Но при чем здесь уши?

Весеннее солнце мечтало расплавить стекла и хлынуть в огромные окна Дворца пионеров, мечтало затопить сочные растения зимнего сада, мраморные лестницы, залы со стенами из воздушно-розового туфа, мечтало поджечь веснушки и действительно лопоухие и очень симпатичные Колькины уши. Больше двух часов ходим с ним по лестницам и коридорам нового Дворца пионеров в Белгороде, заглядываем в комнаты, где идут занятия кружков.

Зал художественной гимнастики: маленькая (но уже перворазрядница, уже «гуттаперчевая») Ира Подпурина показывала подругам произвольную программу — плавала в лучах солнца, растворяющихся в печальных аккордах ноктюрна Шопена... В комнате рядом уплывали парусники, подставляя солнцу и ветру белые хлесткие паруса. Впереди — замечательный, известный всему Белгороду парусник «Двенадцать апостолов». Еще будучи школьником, Владимир Санин начал «оживлять» свою мечту — строить модель легендарного парусника. Чертежи он увидел в молодежном журнале. Строил из дерева, из металла, из стеклоткани — несколько лет строил. Окончил школу, технологический институт. Но так и не оставил своих кораблей — стал руководителем полюбившегося с детства кружка. А «Двенадцать апостолов», в свое время победивший на соревнованиях моделей, стал на вечную стоянку — на шкафу в комнате судомодельного кружка. Мальчишки, которые только начинают, с восторгом разглядывают фок- и грот-мачты, пушечные портики, леерные ограждения, спасательные шлюпки...

— Разглядывать-то разглядывают,— смеется Санин,— но собственная их фантазия идет, так сказать, в ногу со временем. Сережа, например, ныряющую тарелку придумал...

— А еще есть авиамодельный!— давал петуха мой гид Колька.— Там кордовые самолеты, они летают по кругу! У них специальный аэродром. Соревнования однажды я видел, и так глядел, что потом неделю шею повернуть не мог.

Еще есть Клуб интернациональной дружбы, а там замечательный альбом с адресами ребят чуть ли не всех стран мира. Год назад Люда Ходырева была на первом детском международном фестивале «Пусть всегда будет солнце» и привезла много новых адресов из Франции, Англии, Польши, США, Кубы... В гости к пионерам Белгорода приезжали детские делегации из Сирии и Анголы, Ирака и Того, Югославии и Ганы... Приходят поделиться впечатлениями учителя, преподававшие за границей, туристы. В тот день Герой Советского Союза бывший летчик Григорий Тимофеевич Левин (который, кстати, сейчас работает инженером и строил этот Дворец) рассказывал ребятам о воздушных боях за Родину, о том, как он был сбит и скитался по лесам Брянщины...

Просторно в балетной студии.

— Носочек, потолок, головка, встали в пятую позицию!— темпераментно и упорно добивалась своего от маленьких балерин Лидия Пантелеевна Казанцева.— Животики, спинки не вижу!

Шла репетиция «Вальса снежных хлопьев» из балета «Щелкунчик», невесомые девочки порхали по залу, а выше всех взлетала восьмилетняя Оля.

В кружке радиоэлектроники ребята собирают приемники, по которым можно ловить не только Москву. Сами монтируют сложные измерительные приборы, стереофонические усилители. Валера Гречнев и Олег Мизгаров испытывали свою цвето-музыкальную установку, над которой бились долгими зимними вечерами: музыка звучала у них в четырех цветах.

И вообще музыки во Дворце всегда много. Аккордеоны, балалайки, домры, гитары, барабаны, фаготы и гобои — все звучит здесь на самые разные голоса.

— Акустика прекрасная,— говорит директор Дворца пионеров Татьяна Павловна Хруслова.— Главное, никто никому не мешает. По собственной инициативе строители специально отделали комнаты изоляционными плитками «Мелодия». И вообще часто умудрялись доставать для Дворца лучший строительный материал...

...Много лет работает Татьяна Павловна со школьниками, много лет не знает выходных дней, а домой возвращается последней в подъезде. Поздним вечером, когда совсем стемнело и окна Дворца залились чернотой, а наш гид, наверное, смотрел не первый сон, удалось поговорить с директором. Татьяна Павловна горячо и энергично рассказывала о том, как строили городской Дворец пионеров и школьников на средства, полученные от коммунистических субботников. Деятельное участие принимали в строительстве все тридцать пять школ Белгорода. Заинтересованно помогали заводы и фабрики. И вот точно в срок, 18 января этого года, преподнесли строители ребятам символический ключ от центрального входа в театральный корпус.

С любой точки Белгорода теперь видно обсерваторию нового Дворца. Юные астрономы будут считать звезды, а юные космонавты и летчики —готовиться к полетам.

...Мой белгородский друг Колька, тот самый, который родился 29 февраля, выбрал наконец-то самый «здоровский» кружок — изостудию «Радуга».

— Теперь все мое! — во весь рот улыбался он.— Все нарисую!

Белгород.

Вечером Дворец пионеров и школьников в Белгороде залит огнями ● Будущая танцовщица Эля Костенко ● Ансамбль «Алые паруса» поет «Чебурашку» ● На занятиях в балетной студии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Юные хозяева дворца ● Сегодня в Клубе интернациональной дружбы встреча с Героем Советского Союза Г. Т. Левиным.

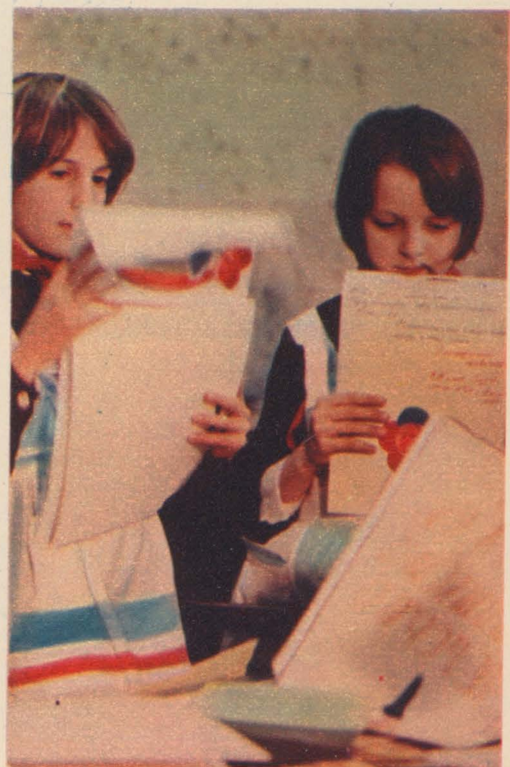

НЕРАСТОРЖИМОСТЬ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. М. КОЖЕВНИКОВА

Бор. **ЛЕОНОВ**

Известный советский писатель Вадим Михайлович Кожевников в очерке о герое штурма рейхстага гвардии капитане Самсонове высказал мысль о том, что труд «всесторонне воспитывает человека. В нашей стране, возвышенный и вдохновенный, он закаляет человека, делает его бесстрашным, развивает способность к героизму и самоотверженности, формирует в человеке бессмертные качества советского патриота.

Мы знаем, как все эти черты советского человека, рожденные социалистическим трудом, потом так ослепительно ярко блеснули в воинских подвигах советских людей...».

Эта мысль знаменательна. Она полно и ярко передает пафос всего творчества Вадима Михайловича Кожевникова, который вступил в литературу в конце 20-х — начале 30-х годов. Именно эти годы были отмечены невиданным в истории героическим преобразованием страны, трудовым энтузиазмом героев первых пятилеток. В качестве спецкора «Комсомольской правды», «Смены», «Красной нови» Вадим Кожевников ездил на стройки, и перо журналиста свидетельствовало о подвижническом созидании нового мира, открывшегося ему в труде моряков порта Туапсе, строителей Краматорского комбината, первопроходцев Крайнего Севера и Дальнего Востока...

Его любимые герои — рабочие, вчерашние первоконники, ученые-изобретатели, люди вдохновенного труда и дерзновенной мечты, с которыми знакомили нас рассказы «Сорок труб мастера Чибирева», «Гудок», повести «Степной поход» и «Мальчик с окраины», жили не только радостью побед, но и ощущением грядущих суровых испытаний. В Европе уже полыхал огонь войны, развязанной фашистами, и огонь этот все ближе подступал к границам нашей Родины.

В первые же дни войны герои В. Кожевникова оставили дома, привычную жизнь и с оружием в руках вышли навстречу врагу. С ними рядом находился и сам писатель.

Вместе с большим отрядом советских литераторов он ушел на фронт на второй день войны, став корреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда». Художник, накрепко связанный с жизнью народа, иначе и не мог поступить. Те самые рабочие, мастера-умельцы, о которых в довоенные годы вдохновенно писал Вадим Кожевников в очерках, рассказах и повестях, подчинили теперь энергию сердца и свое высокое профессиональное мастерство суровым и неумолимым требованиям военного времени. Советский человек предстал перед художником в полный рост уже в первые дни тяжелейших боев с фашистскими захватчиками.

В рассказе «Первые десантники» В. Кожевников признавался в том, что им, военным корреспондентам, в начале войны было неловко от того, что они не подвергались повседневно тем опасностям, которым, как казалось, необходимо было подвергаться, чтобы вызвать уважение бойцов и офицеров к их профессии. И потому многие из них ощущали жгучую потребность участвовать в непосредственных боевых операциях. Кожевников шел в бой, участвовал в боевых вылетах... И оставался верен высокой военной правде и тогда, когда писал рассказы о саперах. и разведчиках, о десантниках и пулеметчиках, наконец, о танкистах-ремонтниках, с которыми познакомился в 1944 году на 1-м Украинском фронте во время проведения Корсунь-Шевченковской операции.

Собственно, увидеть героическое в советском человеке было нетрудно. Для этого не следовало ни напрягать зрения, ни искать удобного специального момента: оно было на виду и постоянно. Правда жизни становилась, казалось бы, правдой искусства. Но это достигалось лишь в том случае, когда конкретный факт, эпизод наполнялся философским осмыслением происходящего, а в судьбе реального героя воплощалась судьба поколения, народа. Война не отменила, а, может быть, еще сильнее подтвердила этот закон искусства. Осознание его наполняло журналистскую, корреспондентскую работу В. Кожевникова внутренним художническим поиском «своего» героя, своего варианта «русского характера». И он нашел его в капитане Жаворонкове, о котором проникновенно поведал в рассказе «Март — апрель», впервые опубликованном в «Комсомольской правде» в сентябре 1942 года.

Рассказ этот нес в себе такой заряд подлинного воплощения фронтовой жизни, раскрывал такую мощную энергию духа советского человека, что и по сей день остается в ряду значимых произведений литературы о Великой Отечественной войне. Писатель наперекор бушевавшей стихии огня утверждал свет жизни в нежном и целомудренном чувстве любящих людей. И в этом чувстве увидел он один из истоков подвига.

Подтверждая верность высокой цене правды, вынесенной из огня великих испытаний, В. Кожевников писал в 1971 году: «В годы войны мне посчастливилось почувствовать то удивительное родство, которое было присуще фронтовикам, удалось увидеть всю их человеческую красоту, действительно прекрасную мораль советских людей. И в послевоенное время я видел этих людей в войсках, у мартеновских печей, у прокатных станов, в цехах, где рождается новая техника, на стройках колоссальных жилых массивов. Именно такие люди двойного подвига — фронтового и трудового — стали героями последних моих книг: Петр Рябинкин, Степан Буков, Елкин, Балуев. Те, кто остаются героями на переднем крае пятилеток так же, как когда-то стояли насмерть на поле битвы».

Еще в годы войны писатель говорил: «...Когда становится трудно и кажется, что уже нет сил и невозможно справиться с тем, что предстоит сделать, я вспоминаю этих да и многих еще людей, которых приходилось встречать на войне, и сразу до боли в сердце становится стыдно за свою слабость, и, что бы там ни было, добиваешься, чего нужно добиться».

Такова нравственная установка художника, которая и обусловливает непременный выход на связь с героическим временем, которая обеспечивает раздумья, размышления и суждения о современности в ее неразрывности с прошлым. Это своего рода если не весь «внутренний устав» творчества В. Кожевникова, то, несомненно, одна из главных, основных его «статей».

Его лирические в основе своей рассказы военных лет тем не менее несли в себе глубинные черты эпоса войны, предопределившие позднейший выход писателя к большим романическим полотнам о прожитом и пережитом. Складываясь воедино, эти эпические черты воссоздают войну как войну народную, священную, Отечественную, которая и стала главным содержанием его послевоенных романов. Примеров, подтверждающих эту мысль, предостаточно. Приведу только некоторые из них.

«Говорят, что на войне нельзя испытать ощущение полного счастья. Неправда! Мы тогда чувствовали себя самыми счастливыми людьми, потому что победа — это счастье. А это была первая большая победа и, значит, первое ощущение огромного, всепокоряющего счастья» (рассказ «Декабрь под Москвой»).

«Так уж водится на войне. Одни, умирая, остаются жить в нас, другие уходят навсегда бесследно. Смелые предпочитают смерти буйную драку до последнего вздоха. Ленивые души расстаются с телом легко, не то что яростные и непокорные» (рассказ «Мера твердости»).

«Говоря «боец», мы мысленно произносим слово «народ». Вглядываясь в душевные черты нашего солдата, мы всегда найдем в них то, что так отличает советский народ от других народов» (рассказ «Бойцы»).

Как видим, В. Кожевников настойчиво отыскивал в единичном проявлении общего, которое как раз и вырастало в подлинно историческую философию войны в его творчестве. А любимые его герои в единстве своем предстают перед нами художническим портретом сражающегося народа.

Гимнастика действительно художественная ● В. П. Бондаренко руководит оркестром народных инструментов ● Искусство кройки и шитья ● «Корабелы» Юрий Колесников и Владислав Лютый.

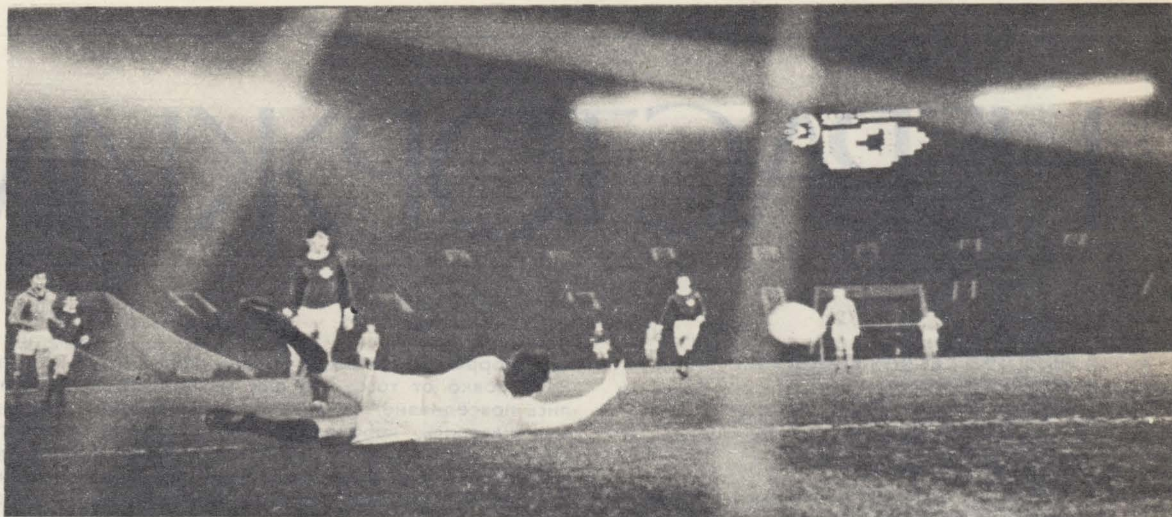
Так оказывается органично взаимосвязанным все творчество художника. В его военных рассказах продолжался пафос предвоенных лет, а в повестях 50—60-х годов, в романах «Щит и меч» и «В полдень на солнечной стороне» явно ощутима героика военных лет и нашего времени. Больше того, именно постижение на войне характера советского человека на всю его историческую глубину раскрыло писателю до конца высокий смысл и содержание великого переворота в России, каким стал Октябрь 1917 года, о котором довелось услышать Кожевникову в далеком Нарыме, где он в 1909 году родился в семье ссыльных революционеров. Война со всей отчетливостью подчеркнула, каким огромным жизненным содержанием наполнила революция понятия Родина, Человек, Свобода, Счастье, за которые с таким вдохновением сражался народ под водительством партии Ленина в годы гражданской, а затем и Великой Отечественной войны.

И, обогащенный жизненным и писательским опытом, осознанием сопричастности историческому подвигу народа, в 50-е годы В. Кожевников создает роман «Заре навстречу» — о молодости нашей страны, о том поколении советских людей, которому предстояло не только построить социализм, но и отстоять его в жестокой схватке с фашизмом.

Атмосфера героических будней уже на трудовом фронте, куда вернулись его любимые герои, переполненные памятью о войне, была естественным продолжением их ратного подвига. Вот почему в послевоенных произведениях В. Кожевникова обостренно выявлено в характере героя-современника чувство переднего края, рождающее неистребимое желание у каждого быть там, где он всего нужнее людям для выполнения ответственных производственных заданий. Так сопричастность подвигу народа становится действенным началом человека. И Балуев из повести «Знакомьтесь, Балуев», и Полухин из рассказа «Обыкновенный рейс», и водолаз Бухов из повести «Всю неделю дождь», и Петр Рябинкин и Степан Буков из книги «Особое подразделение», и Григорий Петухов из романа «В полдень на солнечной стороне» ощущали в себе кровную связь с теми, кто своей борьбой утвердил на родной земле зарю новой жизни. Это прибавляло им силы в битве с фашизмом и в героическом труде послевоенных пятилеток. И молодые герои произведений В. Кожевникова с гордостью осознают себя наследниками фронтового поколения. А они, бывшие фронтовики, радуются тому, какими интересными, духовно богатыми, технически грамотными входят в большую жизнь их молодые современники, продолжающие в своей конкретной и дерзновенной работе героическое дело народа — строителя коммунизма. Продолжают и тогда, когда Родина доверяет им грозное оружие и нарекает высоким званием своего защитника. Таковыми представляются и герои его новых повестей «Пустыня», «Полюшко-поле», «Белая ночь».

Действительно, всем своим творчеством Герой Социалистического Труда Вадим Кожевников утверждает нескончаемость подвига в жизни народной, видя именно здесь истоки нерасторжимости судьбы человека с судьбой своей Отчизны.

И это вдохновляет художника на новые свершения. Он и сейчас полон творческого горения, желания ответить на заботу родной ленинской партии новыми произведениями о нашем героическом современнике. Можно сказать, что он со своими персонажами всегда находится на переднем крае мужества. Разве не об этом его слова: «Мы, писатели, должны еще раз внимательнейшим образом проверить готовность своего арсенала средств художественной выразительности для того, чтобы быть на высоте тех огромных творческих задач, которые поставила перед нами, работниками литературного фронта, наша партия».

Начался 42-й чемпионат СССР — главный турнир нашего футбола. Восемнадцати командам высшей лиги предстоит долгий и трудный путь. Каждая команда на чемпионате страны выступит 34 раза, а кроме того, предстоит большой и ответственный международный сезон, борьба за право оспаривать титул сильнейшей команды Европы. Много сложных задач стоит перед тренерами и игроками. Одной из основных проблем — вопросам тренерского мастерства — посвящена статья Льва Филатова.

ТРЕНЕР

Лев ФИЛАТОВ

Еще памятно время, когда в наших рассуждениях о футболе, о матчах выигранных и проигранных чаще всего фигурировали фамилии игроков, либо блеснувших, либо оплошавших, во всех подробностях разбирались их заслуги и промахи, их мастерство и характер. Подразумевалось, что полуторачасовое действо на зеленом газоне включает в себя все, что достойно внимания, и исход матча, как и его смысл, целиком объясним теми обстоятельствами, которые возникают на поле. Закулисная сторона футбола, дни между матчами не слишком интересовали широкую аудиторию. Любопытство вызывали разве что слухи о переходах игроков из одной команды в другую.

Но постепенно все чаще стали вклиниваться в наши разговоры фамилии тренеров, и теперь по популярности их уже можно сравнивать с самыми известными «звездами». Любой болельщик достаточно наслышан о таких иностранных тренерах, как Феола, Эррера, Рамсей, Шён, Менотти и о наших — Аркадьеве, Маслове, Якушине, Качалине, Бескове, Симоняне, Лобановском... И мало того, что наслышан, еще и умеет обрисовать их роль в успехах руководимых ими команд, в эволюции игры, цитирует их высказывания, за кого-то стоит горой, а кого-то распекает, будучи не согласен с его взглядами.

Такой поворот внимания к фигуре тренера был неминуем, потому что футбол, развиваясь, перестал быть в наших глазах цепочкой календарных матчей. Теперь все достаточно точно знают, что футбольная жизнь включает в себя непрерывные занятия, режим, порядок и дисциплину, поиски вариантов игры, взгляд в будущее, духовное единство коллектива, его способность выдвигать и решать турнирные задачи. И от кого же, спрашивается, все это зависит?

Однажды, разговаривая с Анатолием Тарасовым, я спросил: «Скажите, что может и чего не может тренер?» И этот многоопытный хоккейный тренер, знавший не одни победы, но и разочарования, ответил твердо и даже резко: «Тренер может все!» «А если игрок не забил пенальти, из-за чего ваша команда проиграла и лишилась призового места?» «Да, и в таком случае ответственность на тренере. Значит, он ошибся, назначив этого игрока бить пенальти, или мало с ним работал над ударом...»

Ответ Тарасова был красив гордостью и прямотой. Как видно, вопрос этот задел его за живое, и в одной из своих книг он воспроизвел наш с ним разговор и уже более обстоятельно и пространно обосновывал свое — «Тренер может все!». Я же, признаться, тогда не спешил с ним согласиться, особенно зная, насколько самолюбив и уверен в себе этот человек. Но потом, сталкиваясь то и дело с «коммюнике» тренеров проигравших команд, где ситуация обычно выглядит прямо-таки роковой, а причины — фатальными и необъяснимыми, где нередко футболисты обвиняются в том, что они почему-то не выполнили тренерских предначертаний, я все чаще вспоминал утверждение Тарасова.

Я отдаю себе отчет в том, что о работе футбольного тренера, во всей ее сложности и многосторонности, лучше всех способен поведать миру кто-нибудь из тренеров. Но почему-то никто из них не рискует этого сделать. Впрочем, догадаться о причинах молчания можно. С одной стороны, профессия тренера, человека, обязанного готовить победы, одолевать противников, отыскивать малейшие шансы как в тренировке, так и в тактике, сама по себе окутана дымкой таинственности. С другой же — поскольку в последние годы дела нашего футбола далеко не блестящи, тренеры не могут не чувствовать себя в этом виновными, и им не до откровений.

Между тем поговорить о положении и судьбе тренеров необходимо, ибо от них в самом деле зависит многое, если не все. Некоторыми наблюдениями, основанными на деловых общениях с футбольными тренерами, мне и хотелось бы поделиться.

Если выделить самое очевидное, то, что не составляет секрета, то тренеру для успеха его дела необходимо следующее: подобрать отвечающих его требованиям и вкусу игроков, с помощью тренировки и режима добиться их боевой готовности, разработать вместе с ними определенный рисунок командной игры и, наконец, вдохнуть в них то волевое начало, которое позволит им всем вместе сознательно отстаивать свой способ игры и стремиться к высокой турнирной цели.

Мы знаем людей, умеющих в юношах открывать задатки. Знаем других, кто прекрасно дает уроки футбола. Есть люди, тонко разбирающиеся в современных тактических рисунках. А кто-то зарекомендовал себя как знаток душ, находящий ключи к сердцу и самолюбию футболистов. Каждое из этих достоинств в отдельности вызывает уважение. Тренер, который носит звание «старшего», возглавляющий команду и полностью за нее отвечающий, обязан объединять в себе все эти достоинства. Согласитесь, это не так просто и дано не каждому. Наверное, потому из сотен людей тренерской профессии лишь единицы добиваются полного признания, да и то обычно лишь в конце своей карьеры, пройдя сквозь многие тернии.

Мне кажется, что самое досадное — это непонимание своеобразия и сложности тренерского труда и — как результат — неуважение к нему. Все тренеры умоляют об одном: «Дайте нам время!» Просьба вроде бы элементарно разумная. Но как часто ее оставляют без внимания! Пусть вопрос этот и не новый, но он с годами не только не теряет злободневности, но и стано-

вится чем-то вроде камня преткновения. Не лишено вероятия, что мы располагали бы большим числом дельных, авторитетных тренеров, если бы многие из них не жили постоянно под страхом отставки, не были вынуждены забывать о дальнем прицеле и все силы употреблять только на то, чтобы сегодня как-нибудь свести концы с концами.

Пред нашими глазами свежие примеры того, как доверие тренеру, предоставление ему этого самого просимого времени вознаграждается сторицей.

Не слишком был известен молодой аргентинец Менотти, которому поручили сборную его страны. Но этот тренер сумел сделать, казалось бы, невозможное. Аргентинский футбол издавна слыл медлительным, тактически аморфным, оборонительным и индивидуальным. На прошлогоднем чемпионате мира Менотти представил его нам неузнаваемым. К исконной своей техничности сборная Аргентины добавила высочайшую скорость, неутомимость, своеобразный тактический рисунок, смысл которого заключался в том, что мяч из линии обороны кратчайшим и быстрейшим способом переправлялся в линию атаки. И, быть может, самое большое завоевание Менотти состояло в том, что он отказался от услуг нескольких «звезд», не веря, что они вложат в дело победы всю душу, и отдал предпочтение менее известным, чьей самоотверженности он доверял. Вполне возможно, что новый чемпион мира не выглядит идеалом футбольного искусства, тут можно поверить строгим критикам. Но нельзя не видеть, как преуспел смелый, талантливый и проницательный тренер.

Думаю, что очень повезло тбилисскому «Динамо» с тренером Нодаром Ахалкаци. Мало того, что под его началом этот клуб выигрывал и «золото» и «серебро» чемпионатов страны и Кубок, он еще и показывает игру живую, острую, атакующую, организованную. В клубе выдвинулось немало молодых игроков, привлекших внимание тренеров сборной. На подходе интересная молодежь в дублирующем составе. Не мудрено, что тбилисское «Динамо» имеет успех у зрителей и держит у нас рекорд посещаемости. Ахалкаци — человек творческого склада, с собственными взглядами, с характером, человек, несмотря на очевидные успехи, продолжающий учиться своей профессии, продолжающий изучать футбол.

Между тем года полтора назад мне довелось читать документ местных спортивных организаций, в котором Ахалкаци предъявлялись самые разные обвинения, в том числе и такие, что он ни с кем не советуется, определяя состав на матч, неверно делает замены в ходе игры, и даже утверждалось, что «серебро» в сезоне 1977 года ни о чем не говорит, потому что уровень футбола в стране невысок. Тучи над тренером сгущались, но, к счастью, гром не грянул. Здравый смысл восторжествовал, Ахалкаци продолжал работать и, как все убедились, развил успех команды.

Любопытный эксперимент ведет в «Спартаке» опытный тренер Константин Бесков. Возглавив фактически разрушенную команду, он не стал заниматься «штопкой» с помощью приглашения бывалых игроков, а отдал предпочтение игрокам безвестным и молодым. Он сделал максимум возможного, чтобы команда ожила, заиграла стройно, привлекательно для глаз, получила признание публики. Этот эксперимент был замечен и оценен специалистами и прессой. Но далеко не все верно истолковали внимание, проявленное к «Спартаку», и недоумевали, почему так много шума, когда команда не сложилась окончательно, еще не представляет из себя надежной, классной, боевой единицы. Спору нет, эксперименту всего два года, он далеко не окончен, и не все в нем бесспорно, «Спартаку» еще предстоит мужать и набираться сил, но вне сомнений, что перед нами пример интересной тренерской работы.

Мне кажется, что заслуживает поддержки и понимания та перестройка тренировочной деятельности, которую осуществляет в киевском «Динамо» Валерий Лобановский. Он стремится всю эту деятельность подчинить точным научным знаниям, сделать ее целенаправленной и, исключив интуитивный подход, руководствоваться теорией управления, зарекомендовавшей себя во многих других сферах. Результаты уже есть, хотя и далеко не окончательные. И этого тренера мы застаем в момент, когда, как говорится, «продолжение следует». Видимо, в силу своей непривычности и сложности работа Лобановского встречает подчас и иронические смешки и обвинения в мнимой научности. Снова мы наблюдаем отсутствие терпения к своеобразным тренерским опытам.

Тренеров по-прежнему то и дело меняют, нередко без достаточных оснований. Фактически эти перетасовки (круг лиц примерно один и тот же) не что иное как азартная игра, когда с появлением новой фигуры связываются надежды на экстренные меры, на срочное, пусть даже и не очень надежное, выправление турнирного положения. Иногда так и получается, но, естественно, ненадолго.

До сих пор живы странные предрассудки в отношении тренеров. У организаций, ведающих их назначением, в чести люди из числа бывших «звезд», отмеченные спортивными званиями. Я помню Виктора Маслова, когда он играл хавбеком. Думаю, что Маслова-тренера этот хавбек не устроил бы. Рассказывают, что и Борис Аркадьев, игравший защитником, ничем особым не выделялся. Однако они оба вошли в историю нашего футбола как классики тренерского дела.

Тренерский талант совершенно иного свойства, нежели игровой. Все крупные тренеры, с которыми меня сталкивала судьба, были прежде всего личностями. Личностями, наделенными даром созидания. Личностями, имеющими собственные взгляды и смело (обязательно — смело!) их отстаивающими и проводящими в жизнь. Личностями, обладающими предвидением, чувствующими требования футбола завтрашнего дня.

У нас проявляют немалую заботу (а можно сказать и иначе — тревогу) о квалификации тренеров, для них открыли Высшую школу, они проходят переаттестацию, занимаются на курсах. Все это необходимо. Но наряду с этим нужно всячески поддерживать тех тренеров, работа которых оригинальна, своеобразна, их нельзя давать в обиду, им надо предоставлять время. И формальные соображения (игровой опыт, звания) тут вовсе ни при чем. Тот же Ахалкаци не был известен как футболист, а его тренерская одаренность несомненна.

Совсем нельзя понять, почему в иных клубах непременно хотят иметь «своего» тренера, человека, некогда игравшего в этом клубе. Есть, конечно, и удачные примеры — М. Якушин в московском «Динамо», В. Маслов в «Торпедо», Н. Симонян в «Спартаке». (Правда, и ими не слишком дорожили родные клубы.) Но это счастливые совпадения, не больше. Едва ли не все наши клубы, а больше всех, пожалуй, московские, намыкались со «своими» тренерами. По-моему, не зафиксировано такого факта, чтобы профессиональный тренер, приняв «чужую» команду, проявил безразличие к ее судьбе, работал с намеренной безответственностью. Видимо, стремление иметь «своего» диктуется желанием меценатствующих личностей держать тренера в руках, а то и помыкать им. Ни к чему хорошему привести это не может, на деле перед нами разновидность неуважительного отношения к тренерской профессии.

В последние годы стало давать себя знать некоторое обострение отношений между отдельными представителями тренерского корпуса и журналистами. Были случаи, когда иные тренеры или воинственно жаловались на отзывы прессы об игре их команд, или настаивали, чтобы писалось только то, что они считают уместным и полезным. Это огорчает. Как журналист, много лет пишущий о футболе, я очень многим обязан тренерам Б. Аркадьеву, В. Маслову, М. Якушину, Г. Качалину, А. Тарасову, привык дорожить контактами с людьми этой профессии, и не только потому, что они несут в себе знание и понимание предмета, но главным образом за совместные поиски истины, потому что футбол, сколько за ним ни наблюдай, сколько о нем ни думай, постоянно приоткрывает какие-то новые свои грани, о которых и можно и должно поспорить для пользы дела. Но это не значит, что журналист должен быть лишь рупором того или другого тренера.

Думаю, не случайно жалобы некоторых тренеров на прессу совпали с тем периодом, когда футбол наш погряз в оборончестве и делячестве, которые выдавались именно этими жалобщиками за «реалистический» подход к делу. Пресса им не поверила. И ведь, заметим, неспроста продолжает действовать «лимит ничьих», распространенный нынче и на первую лигу. Это не что иное, как официальное напоминание тренерам и футболистам о необходимости играть активно, остро и честно.

Пресса сейчас настойчиво пропагандирует атакующую направленность игры, потому что, как ярко показал последний чемпионат мира, как показывает пример лучших зарубежных клубов, которым три года подряд в розыгрыше европейских кубков без особой борьбы уступали наши ведущие команды, эта направленность является решающей чертой современного футбола. Пропагандирует и встречает сопротивление некоторых тренеров. Что это — отсутствие квалификации? Нет, конечно. В футбольном мире существуют свои, если угодно, идейные разногласия, есть в нем свой консерватизм, свое «как бы чего не вышло», и, с другой стороны,— свое прогрессивное, смелое мышление.

Мне кажется, что сдвиги к лучшему в нашем футболе есть. Целый ряд клубов активизирует игру, работает над атакующими вариантами. И дело это всецело зависит от тренеров. Думается, общественная поддержка тех из них, кто идет по этому пути, равно как и общественное влияние на тех, кто не прочь упрямо культивировать оборонческий, бескрылый, трусоватый футбол, остается в повестке дня вопросом номер один.

В последние годы, когда состояние дел в нашем футболе подверглось резкой критике, была взята под сомнение квалификация многих тренеров и, даже больше, уровень тренерской работы был признан наиболее узким местом. Журналисту трудно судить о сугубо специальных аспектах. Но если иметь в виду ту режиссуру, согласно которой ведут игру некоторые команды, то задумываешься даже не о деловых качествах их тренеров, а о нежелании дерзать, о косности, о внутренней закрепощенности. Такие команды неразличимы, они все на одно лицо, скроены по скучному шаблону, от них нечего ждать.

Замечено, что в игре команды проглядывает личность тренера. Скажем, черты В. Маслова или М. Якушина мне всегда легко было обнаружить, наблюдая на поле за руководимыми ими командами. Футбольные композиции вовсе не отвлеченные, не чисто технические. В них присутствуют замысел, намерения, воля, фантазия, кругозор. И ведь какая это превосходная, завидная возможность для тренера — выразить, утвердить себя в игре команды! Так что гордое утверждение А. Тарасова — «Тренер может все!»,— видимо, надо принять за основу.

Тренерская профессия не из старых, она много моложе футбола. Она тонкая и нелегкая профессия, сродни режиссерской, конструкторской. И я надеюсь, что читатель не сочтет за противоречие то, что автор сих заметок, защищая людей этой профессии, настаивая на бережном отношении к их труду, одновременно упрекает некоторых из них в косности и делячестве, считая повинными в неблагополучии нашего футбола. Одна метелка тут не подойдет. В конце концов если и наломали дров тренеры, то им же и наводить порядок. И потому смотрим мы на них с требовательной надеждой.

МОЖЕТ ВСЕ!

Эта повесть — продолжение книг «Последняя ошибка резидента» («Огонек», 1965 год, №№ 36—40) и «С открытыми картами» («Огонек», 1967 год, №№ 1—12), которые издательством «Молодая гвардия» выпущены в свет отдельной книгой под названием «Ошибка резидента» и по которым на студии имени Горького поставлены фильмы «Ошибка резидента» и «Судьба резидента».

Для понимания событий, развертывающихся в повести, читателю, незнакомому с «Ошибкой резидента», достаточно знать следующее.

Профессиональный разведчик Михаил Тульев был заслан в Советский Союз на долгое оседание. Русский по происхождению, он стал резидентом иностранного разведцентра. К нему под видом вора-рецидивиста по кличке Бекас вошел в доверие чекист Павел Синицын. Затем Тульева арестовали, а его роль при сеансах радиосвязи с разведцентром начал играть Павел.

Находясь под арестом, Тульев понял всю глубину своих заблуждений и выразил желание в меру сил искупить вину перед Родиной, быть ей полезным. По ходу операции разведцентр оказался вынужденным отозвать Тульева из Советского Союза. В Одессе, обменявшись документами с неким Уткиным, который прибыл на корабле с группой зарубежных туристов как агент того же разведцентра, Тульев благополучно присоединяется к туристской группе и переправляется за границу.

Ему было известно, что отец его, старый разведчик, работавший на иностранных хозяев, скоропостижно скончался. По газетной версии, смерть наступила в результате сердечного приступа.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Возвращение резидента

ПОВЕСТЬ

Глава 1

ЗНАКОМСТВО В УНИВЕРМАГЕ

Весной 1971 года в жизни Светланы Суховой произошло одно в общем-то маловажное событие, которое при обычных обстоятельствах ни к чему плохому привести не могло. Но, как мы увидим несколько позже, в данном случае обстоятельства были необычными и событие это послужило звеном в длинной цепи других, гораздо более серьезных и сложных событий, причин и следствий.

Как-то майским днем к прилавку, за которым стояла в голубом, атласно поблескивающем форменном халате Светлана, в ту редкую минуту, когда не было покупателей, и проигрыватель, на котором пробовались пластинки, молчал,— в эту тихую минуту к прилавку подошел молодой, лет двадцати шести — двадцати восьми, очень смуглый мужчина. Его черные густые волосы были напомажены и причесаны на косой пробор. Черные глаза с поразительно белыми белками смотрели ласково и мягко, был он невысок для мужчины, не выше Светланы, но все в его фигуре выглядело так ладно, что любая прибавка сразу нарушила бы впечатление соразмерности. Светлана уже владела профессиональным умением продавцов с одного взгляда определять категорию покупателя, и ей не нужно было даже вникать в детали костюма подошедшего мужчины, чтобы совершенно точно знать, что перед нею иностранец. Ничего особенного в этом не было: всякие иностранцы — туристы или работавшие на городских предприятиях специалисты — часто покупали в универмаге грампластинки.

— Здравствуйте! — с улыбкой сказал смуглый покупатель.

— Добрый день,— ответила Светлана, стараясь по его акценту определить, какой он национальности.— Что вам угодно?

— Я хотел бы классику, русскую классику.

Это была привычная просьба: все иностранцы требовали записи музыки русских композиторов. Разобравшись в акценте, Светлана уже знала, что говорит с итальянцем.

— Что именно вы хотите?

— Я не все знаю очень хорошо. У меня имеется Мусоргский, Чайковский. Я хотел бы что-нибудь еще.

— Должна вас огорчить. Сегодня ничего предложить не могу. Зайдите как-нибудь в другой день.

Итальянец рассмеялся и сказал не без иронии:

— Это я слышал много дней раньше, много-много раз.

— Извините, но ничем не могу помочь.

Казалось бы, вопрос был исчерпан, но итальянец не спешил уходить. Он смотрел на Светлану молча и без прежней мягкой сдержанности. Ей стало неловко, она отвела взгляд и только тут заметила, что они не одни, какой-то мужчина чуть в стороне терпеливо изучал захватанный каталог грамзаписей, повернувшись к ним спиной.

— Слушаю вас.— Она сделала шаг в его сторону.

— Ничего, ничего,— сказал он тихо, не оборачиваясь,— я не тороплюсь.

Итальянец все смотрел на нее, и Светлана безошибочно могла предвидеть, что произойдет через минуту. Ей уже неоднократно за ее короткую службу в универмаге приходилось выслушивать и от иностранцев и от дорогих соотечественников, молодых мужчин и не очень молодых, одну и ту же просьбу: познакомиться и встретиться где-нибудь вне стен магазина. Ее это не обижало и не раздражало, скорее наоборот, но она умела так себя вести в подобных случаях, что просители, даже из самых настойчивых, больше чем на две попытки не отваживались.

Этот оказался терпеливее и настойчивее прочих. Не по летам холодная вежливость, которую усвоила себе Светлана и которая моментально охлаждала других, на итальянца не действовала. Была и еще причина, по которой ему удалось говорить со Светланой гораздо дольше, чем иным.

Она чувствовала, что он с нею вполне искренен и излагает правду. А излагал итальянец вот что.

Приехал он из Италии год назад. Он инженер и работает в фирме, которая заключила с Советским Союзом контракт на поставку и монтаж оборудования для азотно-тукового комбината. Но это не имеет значения. Главное — он послезавтра возвращается на родину и только поэтому решился просить русскую девушку о свидании. Он увидел ее давно, еще месяца три назад, и не за прилавком, а у входа в магазин. Он знает, что ее зовут Светланой. Он не осмеливался раньше заговорить с ней, потому что был уверен, что она не согласится ни на какое свидание. Но теперь, за день до отъезда, он не выдержал и решил рискнуть. Ему очень хочется записать на память ее голос, и если бы она согласилась встретиться с ним где-нибудь в парке или в кафе хоть на полчаса и если бы позволила ему принести с собой маленький японский магнитофон...

Короче, дело кончилось тем, что Светлана спросила:

— Знаете улицу Тургенева?

— Да, конечно! — не веря в успех, воскликнул итальянец.

— Где она выходит на бульвар, есть газетный киоск.

— Да, да, это мне известно.

— Я буду там в половине двенадцатого.

— Завтра?

Ну, не сегодня же.— Она посмотрела на часы.— Сейчас уже три.

— Спасибо.— Он поклонился.— Я забыл сказать: меня зовут Пьетро Маттинелли. Спасибо. До завтра.

И он ушел, счастливый. Светлана хотела наконец заняться терпеливым покупателем, который все это время изучал чуть в сторонке захватанный каталог грампластинок, но его уже не было...

Тут следует рассказать вкратце историю семьи Суховых.

Муж Веры Сергеевны Суховой погиб пять лет назад. Он был летчиком, работал испытателем на заводе, где делают вертолеты.

Вера Сергеевна не знала подробностей катастрофы и ее причин. Друг мужа, тоже испытатель, пробовал ей объяснить, как это произошло, говорил что-то насчет крайних режимов полета, на которые сознательно пошел Алексей, досадовал, что Алексей не использовал единственную возможность оставить машину, а обязательно хотел ее посадить. Он особенно упирал на то, что возможность была именно единственная, и говорил, что у вертолетчиков таких возможностей гораздо меньше в случае аварии, чем у испытателей обычных самолетов. И в общем, как Вера Сергеевна поняла уже гораздо позже, когда все немного смягчилось, из рассказа этого друга получалась такая картина, что Алексей во всем виноват сам. Ей от этого легче не стало.

Тот первый месяц после похорон она теперь, по прошествии пяти лет, помнила хорошо, во всех подробностях, и виновато удивлялась, как же мелочно отмечала ее память ничего не значащие детали происходившего, когда душа ее, кажется, разрывалась от горя.

Сейчас она могла бы рассказать, что готовила в день гибели Алеши на обед, какого цвета был бант у Светланы в косе, когда она вернулась из школы, и что ей сообщила соседка по поводу самочувствия своего шпица, занемогшего накануне, и как звенела бившаяся о стекло пчела — первая весенняя пчела, залетевшая в окно.

Просто полная ерунда. И почему так стран-

Рисунки
М. ПЕТРОВОЙ

но устроен запоминающий аппарат человеческого мозга? Вера Сергеевна окончила медицинский институт, но это не давало ей никаких преимуществ по сравнению с другими людьми, не имеющими медицинского образования и незнакомыми даже с начатками психологии,— она не могла понять, почему ничтожные, недостойные мелочи впечатались в сознание несмываемыми красками, незаглушаемыми звуками, невыдыхающимися запахами, а самое главное, самое дорогое стерлось, словно бы его и не было никогда. Она не помнила лица мужа, не помнила его выражения.

А может, это защитная реакция? С точки зрения науки о психической деятельности человеческого мозга такое объяснение вполне годится, но ей опять-таки от этого не было легче.

По ночам она иногда мысленно прослеживала шаг за шагом свои поступки в первый месяц после гибели Алексея и без конца казнила себя за деловитость, тоже, как она считала, предельно мелочную и оскорбляющую память погибшего.

Она продала их новенькую «Волгу», списалась с подругой, Ниной Песковой, жившей в городе К., и с ее помощью устроила обмен квартирами, почти не потеряв при этом ни в метраже, ни в коммунальных удобствах. Она позаботилась, чтобы Светлана закончила учебный год хотя бы без троек,— дочь тогда училась в седьмом классе, и до конца занятий оставалось три недели.

Распродав часть вещей, а другую часть, в том числе пианино дочери, отправив багажом, Вера Сергеевна со Светланой в середине июля выехали в город К. Бегство из мест, связанных с самым любимым на земле человеком, совершилось стремительно, подобно эвакуации в военные времена, о которой так много читала в книгах Светлана и которую сама Вера Сергеевна пережила в сорок первом, будучи восьмилетней девочкой.

Приехав в К., она не стала устраиваться на работу. И куда бы она пошла? Получив диплом врача, она не работала ни дня, потому что уже была замужем за Алексеем, а он не хотел, чтобы она работала, а чтобы растила Светку, которой уже сравнялось к тому времени два года. Чтобы теперь стать врачом, ей, пожалуй, впору было снова идти учиться в мединститут. Но главное, она и не смогла бы нигде работать. В какой-то деловой лихорадке сумев быстро и решительно осуществить переезд, она словно впала в летаргический сон.

Долго, очень долго она была отрешена от жизни, как бы даже вовсе не жила. У нее было такое ощущение, что она, сидя одиноко в темном зале, смотрит какой-то длинный и неинтересный ей фильм.

Нина Пескова, которая взяла на себя заботу о ее доме, о покупке продуктов, делала попытки расшевелить подругу, но безуспешно. Вера Сергеевна выходила из дому только для того, чтобы снять очередную порцию денег со сберкнижки. Машинально готовила еду, стирала, прибиралась. И без конца курила — начала она курить в день похорон Алексея.

Так минуло два года. Светлана перешла уже в десятый класс. Как она училась, как переходила, Вера Сергеевна мало интересовалась, хотя в дневник дочери и заглядывала. Ее совсем не огорчило, что Светлана оставила занятия музыкой.

Толчком, выведшим ее из этого состояния, был разговор с Ниной Песковой, когда та, придя однажды осенним вечером, как бы между прочим сообщила, что сию минуту видела Светлану возле дома с двумя парнями гораздо старше ее — Светлана была с сигаретой в руке и, кажется, под хмельком.

Веру Сергеевну будто хлестнули по лицу плеткой. Она только спросила: «Где?» — и, услышав в ответ, что на детской площадке, выбежала из квартиры, не надев пальто.

Светлана стояла в обществе двух самодовольно ухмылявшихся молодых людей и както незнакомо похохатывала.

Не говоря ни слова, Вера Сергеевна налетела на нее, развернула левой рукой за плечо, а правой изо всех сил ударила ее по щеке. Если бы не один из парней, Светлана упала бы. «Марш домой!» — крикнула Вера Сергеевна вмиг протрезвевшей дочери. «Мадам, зачем так форсированно?» — играя поддельным баритоном, сказал пижон, поддерживавший Светлану. «Молчи, щенок!» — осадила его Вера Сергеевна. Она задыхалась от гнева. Но пока поднимались по лестнице на третий этаж, гнев сменился острой жалостью к дочери и презрением к самой себе.

Вера Сергеевна в эти несколько минут будто прозрела, развеялся туман, в котором она жила, и перед нею отчетливо выстроилась длинная череда дней, целиком отданных собственному горю, дней, в которых не было места Светлане, ее родной дочери. Только о своей боли думала она, только вкус собственных слез ощущала и утешалась им. И как она могла назвать все это, если не эгоизмом? Всепоглощающий эгоизм горя — чем он лучше эгоизма счастья? — спрашивала она себя. Нет, ей не найти оправдания в том, что боль от потери была столь же велика, сколь и ее любовь к мужу.

В ясном, трезвом свете представились Вере Сергеевне ее отношения с дочерью — как и на чем они строились с малых лет и вот до этого гадкого момента.

Светлана росла папиной дочкой. Отец любил ее до самозабвения и, конечно, баловал, и она с детской хитростью, иной раз набедокурив, спасалась от материнского возмездия под его надежной защитой. На этой почве между родителями возникали легкие конфликты, как правило, в присутствии провинившейся. Разумеется, с педагогической точки зрения такой метод нельзя считать разумным, но в общем-то, когда Светлана подросла и пошла в школу, выяснилось, что антипедагогическое поведение родителей на ней отразилось мало. Одно было неприятно сознавать Вере Сергеевне по мере того, как Светлана взрослела: у нее к матери вырабатывалось внешне неуловимое, но явственно ощутимое снисходительное сочувствие. Вера Сергеевна понимала, откуда это шло: слишком сильным, подавляющим был в семье авторитет отца, на долю матери не оставалось почти ничего. Но Веру Сергеевну утешало то, что Светлана была очень доброй девочкой, готовой ради других забывать собственные капризы, и это давало надежду, что их отношения в конце концов остапнутся нормальными...

Поднявшись на третий этаж и войдя в квартиру, Вера Сергеевна совсем успокоилась. В присутствии Нины Песковой произошел долгий разговор, окончившийся тем, что Светлана со слезами на глазах обняла мать и поклялась, что никогда ничего подобного больше не случится. Ей можно было верить: она всегда говорила правду, а если обещала что-нибудь, то непременно исполняла, во всяком случае изо всех сил старалась сдержать слово. Это вложил в нее отец еще с младенчества...

Вскоре после этого чрезвычайного проис-

шествия Вера Сергеевна поступила на работу. Так как для должности лечащего врача она считала себя непригодной, пришлось устроиться в санитарно-эпидемиологическую станцию. На то, чтобы следить за санитарным состоянием различных городских предприятий, ее медицинских познаний еще вполне хватало.

Насчет дочери она окончательно перестала тревожиться, когда узнала, что Светлана подружилась с парнем из их дома Лешей Дмитриевым. Нина Пескова была знакома с семьей Дмитриевых и очень хорошо о ней отзывалась. Сам Дмитриев был инженером, жена его преподавала в школе, а Леша после десятилетки пошел на завод слесарем и учился на вечернем отделении энергетического института. В общем, был, видимо, не из тех, с кем Светлана кейфовала осенним вечером под грибком на детской площадке. Кроме того, Вера Сергеевна видела нечто знаменательное и символическое в том, что симпатии ее дочери отданы человеку, которого зовут так же, как звали ее, Веры Сергеевны, погибшего мужа.

В то же самое время у Светланы завелась еще одна дружба, которую Вера Сергеевна очень одобряла. К ним в гости начала захаживать Галя Нестерова, одноклассница Светланы, вежливая и немногословная девушка. Веру Сергеевну особенно подкупало то, что Галя, судя по всему, не сознавала своей красоты, — это само по себе составляло уже как бы некую ценную черту нравственного облика, говорило в пользу человека, ибо, по наблюдениям Веры Сергеевны, такое безразличие к собственной внешности встречается среди нынешних молодых людей весьма редко. К тому же Галя была дочерью крупного ученого, академика, лауреата Государственной премии, а меж тем одевалась крайне скромно, ничуть не лучше самой Светланы. Это тоже о чем-то говорило. И в довершение всего — Галя была круглой отличницей, хотя и не зубрила и без напряжения шла, как утверждали в школе, на золотую медаль. Кажется, только этим и разнились новоиспеченные подружки: у Светланы пятерок было ровно столько, сколько троек.

Вера Сергеевна радовалась, когда видела вместе свою дочь и Галю. Они были одинаково высокие: сто семьдесят пять сантиметров без каблуков — данные последнего измерения роста Светланы, произведенного Верой Сергеевной в день семнадцатилетия. Обе сероглазые, с густыми светло-каштановыми волосами. Глядя на девушек, Вера Сергеевна с улыбкой, одновременно грустной и счастливой, представляла себе, как молодые люди на улицах, встречая Галю и Свету, приостанавливаются и оборачиваются им вслед, изумленные.

Довольно скоро Вера Сергеевна сумела обнаружить, что главенствует в этом содружестве, как ни странно, ее дочь. Всякий раз, когда нужно было сделать выбор, например, в какое кино пойти или что прочитать в первую очередь,— решающее слово оставалось за Светланой. Это не могло не льстить материнскому самолюбию Веры Сергеевны, и она даже похвасталась однажды Нине Песковой способностью дочери завоевывать авторитет среди таких незаурядных сверстников, как Галя Нестерова. Но в общем-то подобные суетные моменты не мешали Вере Сергеевне трезво оценивать те черты в характере дочери, которые никак не назовешь положительными. При широте натуры и с детства проявлявшейся безграничной доброте Светлана могла порою быть завистливой. Она, скажем, не скрывала своей зависти к девочкам, которые одевались в «заграничное» и могли себе позволить носить перстенек с бриллиантом и золотые сережки в ушах. Но Веру Сергеевну примиряло с этой слабостью дочери хотя бы уж одно то, что Светлана не была подвержена вздорному желанию тянуться за такими девочками при помощи медных колец со стекляшками и серег из анодированного алюминия.

С Лешей Дмитриевым Светлана обращалась, как старшая с младшим, хотя была моложе на два года. Он этого не замечал или не хотел замечать, а вернее всего, просто не мог, потому что был влюблен в нее. Судя по тому, что Вера Сергеевна иногда по воскресеньям видела Лешу с гитарой в руках в компании парней из их двора, не отличавшихся тихим нравом, он не был ни овцой, ни затворником, однако при Светлане вел себя так, словно непечатные шуточки товарищей по двору и цеху никогда не касались его ушей и не слетали с его собственных уст. Легко было догадаться, что Леша с некоторых пор больше всего стремился к тому, чтобы как-нибудь остаться со Светланой наедине, но ему не везло. Если ходили в кино, то третьей всегда была Галя, да и вообще что означает «наедине» в кинотеатре? Встречи у Светланы всегда происходили в присутствии Веры Сергеевны. Когда Светлана соглашалась пойти к Леше послушать свежие магнитофонные записи — у него имелся мощный «маг»,— дома всегда были или его бабушка, или мама. А целоваться в парадном или под грибком на детской площадке Светдана считала недопустимым с того памятного осеннего вечера, когда мать оглушила ее звонкой пощечиной. Так что Леше оставалось только вздыхать, и надеяться, и ждать лета, когда можно будет ездить на реку, на пляж. У Леши был старый мотоцикл «ИЖ», который он купил на собственные сбережения совершенно разбитым и сам его привел в порядок,— мотоцикл стоял в сарае на пустыре, заставленном железными гаражами автовладельцев. В планах Леши, которые он строил на лето, мотоциклу отводилась первостепенная роль. И еще он наметил купить фотоаппарат «Зенит», чтобы фотографировать Светлану и делать большие портреты...

Так, без особых огорчений и раздоров, текла жизнь осиротевшей семьи Суховых. Сколь ни велика была боль утраты, время сгладило ее. Служебные заботы и необходимость думать о судьбе выросшей дочери все же помогли Вере Сергеевне выпрямиться, воспрянуть духом. Разучившись громко смеяться, она теперь, однако, могла порою улыбнуться. Маленькие радости каждого дня, которых обычно никто из людей не замечает, стали вновь доступны ей. Словом, она сделалась почти той же Верой, какую знал и любил погибший муж, летчик-испытатель Алексей Сухов. Только вот отучиться курить она пока не могла.

Первые огорчения пришли в августе 1970 года.

Светлана мечтала попасть на филологический факультет университета, как и Галя Нестерова. Обе они, окончив школу, подали в университет документы и вместе начали готовиться к экзаменам, вернее, Галя помогала Светлане. Но все старания оказались напрасными: Светлана по конкурсу не прошла. Конкурс был очень большой, а она недобрала до проходного целых два балла. Галя, несмотря на то, что окончила школу с золотой медалью, тоже экзаменовалась, так как среди медалистов тоже существовал свой конкурс, и была зачислена на филфак.

Светлана, конечно, переживала неудачу, но Галя плакала больше, чем она. Вера Сергеевна была расстроена и поначалу не могла себе представить, что же делать дальше. Но, успокоившись и рассудив здраво, они решили, что ничего трагического, собственно, не произошло. Надо поступить на работу, за год как следует подготовиться — с помощью Гали, конечно, которая как студентка будет теперь более опытным репетитором, и в 1971 году повторить попытку.

Светлана из всего разнообразия мест и профессий отдала предпочтение универмагу, а точнее, тому его отделу, где продавались телевизоры, радиоприемники, всякие проигрыватели и то, что на них проигрывается. Она стала продавцом пластинок и магнитофонных лент, потому что порядочно разбиралась в этой области благодаря общению с Лешей.

У Светланы с поступлением на работу появилось много новых знакомых, но единственной подругой оставалась верная ей Галя, а единственным поклонником, которого она признавала достойным себя,— Леша Дмитриев. Втроем они ходили в кино, раз в неделю непременно, а иногда и два, и намного реже — в театр. В одном и том же составе собирались то у Леши, то у Светланы и гораздо реже у Гали, потому что, как объясняла смущенно Галя, ее мама была очень нервной женщиной и с трудом переносила присутствие посторонних в доме, а громкую музыку не переносила совсем. Меж тем главным удовольствием домашних сидений неразлучной троицы служила именно громкая музыка и не менее громкие споры о ней. Отец Гали, которого Светлана и Леша видели всего один раз, да и то мельком, работал в каком-то научно-исследовательском институте и одновременно на каком-то заводе — на каком, Галя не уточняла — и сверх всего преподавал в политехническом институте. Следовательно, он был очень занятой человек и домашний покой ценил превыше всего.

Леша удивлялся, что у Гали нет парня. Он-то замечал, какие взгляды бросают на нее и молодые и пожилые мужчины на улице и в фойе кинотеатров. Однажды он попробовал поострить на этот счет, но получилось довольно неудачно, и Светлана сделала ему выговор, сказав, что напрасно мужчины полагают, будто такие девушки, как Галя, созданы только для того, чтобы всегда идти навстречу их пожеланиям. Больше этот вопрос между ними не обсуждался.

Зима прошла незаметно, потому что к кино и театру прибавились лыжи и коньки. Зима принесла Леше успех: однажды Светлана все же смилостивилась и разрешила ему поцеловать ее в губы,— это случилось при прощании в подъезде, когда они, усталые, пришли с катка, где бегали без перерыва часа два.

Такова предыстория того, что произошло в весенний день 1971 года...

Назавтра, в субботу, у Светланы был выходной.

Вечером по пути домой она позвонила по телефону-автомату Гале Нестеровой и сказала, что их прежде намеченные планы — поехать завтра с Лешей в Кленовую горку — отменяются. Светлана не стала вдаваться в подробности, сказала только, чтобы Галя ждала в одиннадцать у почтамта.

У Светланы шевельнулись угрызения совести оттого, что придется обмануть Лешу, но она тут же подумала, что ничего страшного в этом нет: невелика беда — один раз нарушить обещание. В конце концов между ними всего лишь простая дружба — во всяком случае, ей смешно говорить о любви.

Глава 2

ПРОБА ФОТОАППАРАТА

Вера Сергеевна успела съездить на рынок за редиской и зеленым луком, когда Светлана проснулась.

Накануне они легли спать позже обычного: Светлана пожелала немного переделать свое любимое платье — синее, с черным поясом,— изменить фасон воротника. Но сама она портновским искусством не владела. Как всегда: «Мама, пожалуйста...»

— Вставай, вставай, надо платье гладить! — крикнула из кухни Вера Сергеевна.

— У тебя лучше получится,— отозвалась Светлана.

Иного ответа Вера Сергеевна и не ждала, это было в порядке вещей и не сердило ее. Она с удовольствием делала для дочери все, что могла и умела.

Пока Светлана умывалась и причесывалась, Вера Сергеевна приготовила завтрак.

— Далеко ли собираешься? — спросила она у дочери, когда сели за стол.

— Пойдем с Галей, посидим где-нибудь в летнем кафе, мороженого поедим.

Светлана с недавних пор взяла за правило говорить матери не все. Нет, она не врала впрямую никогда. Она просто недоговаривала. Так ей было удобнее — не возникает лишних вопросов. Она уже решила, что на свидание к итальянцу пойдет и что скорее всего они отправятся в летнее кафе-мороженое,— но зачем сообщать матери, что, кроме Гали, будет иностранец?

— Кажется, ты должна встретиться с Лешей?

— Я уже договорилась с Галей, что в одиннадцать увидимся у почтамта.

Это тоже была и не ложь и не вся правда.

Между прочим, Леша должен зайти к ним именно в одиннадцать, так что следовало поторопиться с глажением платья: чтобы не встретиться с Лешей, ей надо убраться из дому не позже как в половине одиннадцатого.

Светлана быстро проглотила яичницу с колбасой и салат, запила крепким чаем, встала из-за стола и бодро объявила:

— Ма, я к твоим услугам!

— Включи утюг, постели одеяло, достань тряпочку.

В начале одиннадцатого все было готово. Светлана оделась.

— Как я, ма?

Вера Сергеевна закурила — в последнее время она предпочитала «Беломор».

— Повернись... Так... Прекрасно...

— Дай твои часики.

Вера Сергеевна принесла свои золотые часы на золотом браслете — подарок мужа,— сама надела их на руку дочери, и Светлана, поцеловав ее в щеку, курнув разок из ее рук и сказав: «Ты не беспокойся»,— ушла.

А минут через пятнадцать в квартире раздался звонок.

Вера Сергеевна открыла дверь. Перед нею стоял Леша. На груди у него висел фотоаппарат в новеньком чехле, в правой руке — большой белый рулон плотной бумаги. Светлобровое веселое лицо его, как говорится, сияло.

— Здрасте, Вера Сергеевна! Света дома?

— Доброе утро, Алешенька. А она, знаешь, исчезла.

Сияние пропало.

— Давно?

— Да буквально сию минуту.

— Вот те раз! И ничего не сказала?

— Сказала, с Галей встречается. Возле почтамта в одиннадцать. Я про тебя напомнила, она говорила, будто у вас на сегодня назначено, а она словно мимо ушей пропустила. Да ты заходи, что же на пороге?

Леша совсем нахмурился.

— Да нет, я пойду. А она не сказала, куда они с Галей?

— Мороженого захотелось. Наверное, посидят где-нибудь в кафе на открытом воздухе. Погода сегодня прекрасная.

— Как же так? Мы ведь втроем собирались...

— Ну, не расстраивайся, куда она денется?

Леша постучал пальцем по аппарату.

— Вот, вчера купил, хотел ее сфотографировать.

— Еще успеешь, лето только начинается.

— Ну ладно.— Он протянул ей рулон.— Это она просила. Их стенгазета. Я заголовок написал.

Вера Сергеевна испытывала перед Лешей неловкость за Светлану. Чтобы как-то его утешить, она развернула рулон, посмотрела на крупно выведенный красным заголовок: «За культурное обслуживание».

— Как ты хорошо сделал! — сказала она от души.

Но это его мало утешило.

— Ладно, извините, Вера Сергеевна.— И, прыгая через три ступеньки, оставив ее на пороге перед открытой дверью, Леша сбежал по лестнице вниз...

Погода стояла действительно отличная. Все уже были одеты по-летнему, даже детишки. Двор звенел от детских голосов и от щебетания птиц. Небо было голубое. Свежая зелень каштанов, длинным строем стоявших на соседней улице, видной со двора, была усыпана толстыми белыми свечечками. Они светились на ярком солнце.

Но именно от всего этого Леше стало еще хуже. Щурясь, он оглядел ряды скамеек, на которых сидели старушки, играющих в классы девчонок на асфальтовой площадке, а потом остановил взгляд на сбившихся в кучку пацанах, горячо обсуждавших что-то. Среди них он заметил Витьку, мальца-шестиклассника, озорного и шустрого соседа своего по лестничной клетке. Витька, если бы его не отшивать, был бы вечным хвостом Леши, так бы за ним и ходил. Он был предан Леше самозабвенно, и в основном, конечно, не потому, что Леша частенько снабжал его двугривенным на кино, а потому, что проявил к нему колоссальное доверие, взяв в помощники, когда собирал из ничего свой мотоцикл «ИЖ».

Леша сошел со ступенек подъезда и крикнул не очень громко:

— Витек!

Тот услышал мгновенно, хотя другой мог бы и не услышать, и через секунду стоял, запыхавшийся, перед Лешей, глядя на его аппарат.

— Здорово, Леша! Будем сниматься?

— Ты Светку сейчас не видал?

— Не-а! А она тебе нужна?

— Раз спрашиваю, значит, нужна.

Витек сразу угадал настроение своего благодетеля и шагал молча. А Леша раздумывал, где вернее всего искать захитрившую Светку.

Прошлым летом они пять или шесть раз ходили в разные кафе, но больше всего ей понравилось кафе «Над рекой», которое называлось так потому, что находилось в парке на высоком берегу реки, откуда далеко-далеко было видно низкое, все в озерцах и рощах, заречье. Но туда от их дома ехать и ехать, так же как и от почтамта, где, если не соврала, Светка должна встретиться с Галей. Поэтому Леша решил начать от печки — от почтамта — и следовать оттуда в сторону реки.

Если учесть, что до встречи с итальянцем Светлана и Галя имели в своем распоряжении полчаса, а Леше Дмитриеву необходимо было обойти не менее десятка кафе, то он отставал от подруг минут на двадцать.

А меж тем подруги, обсудив вопрос, выбрали для беседы с Пьетро Маттинелли именно кафе «Над рекой», куда от улицы Тургенева, то есть от места встречи с ним, на автобусе всего три остановки.

Таково было положение действующих лиц...

Добравшись до конечного пункта своих поисков, Леша нашел тех, кого искал.

Кафе «Над рекой» было уютное местечко. Посреди большой поляны, по которой в естественном беспорядке раскиданы кусты барбариса и сирени, круглый деревянный павильон под шатровой крышей, с большими разноцветными окнами. Его опоясывает широкая дорожка из белого речного песка, на которой стоят близко друг к другу круглые мраморные столики, а у каждого столика по четыре светлых плетеных кресла. И почти ни одного пустующего. И все это взято в кольцо каштанами и покрыто голубым небом.

На столике, за которым сидели Светлана, Галя и Пьетро, сверкало под лучами солнца стекло — стаканы и бокалы, и маленькие рюмки, бутылка шампанского и графинчик с коньяком, и бутылки с лимонадом. Первая скованность, обычная между малознакомыми людьми, когда они только-только приступают к застолью, уже прошла. Но все же беседа пока состояла из тех стандартных вопросов и ответов, какие на всех континентах, на всех широтах и долготах типичны при общении иностранных туристов с местными жителями. Разница лишь в том, что Пьетро Маттинелли, как он сообщил Светлане еще тогда, в универмаге, был не турист, а приехал в СССР работать.

— Вы впервые в Советском Союзе? — спросила Галя.

— Да, — отвечал Пьетро.

— Нравится вам наш город?

— О, конечно! Очень красивый. Удобно жить.

— А что вам больше всего понравилось, Пьетро? — Это уже Светлана, доевшая свою порцию мороженого — первую порцию.

— Конечно — девушки! — с улыбкой воскликнул он и добавил: — Вы хотели услышать, что я скажу: метро? Нет, оно тоже хорошее, но мне больше нравятся девушки.

Тут последовало отступление от туристского стереотипа.

— У вас было много знакомств? — спросила Светлана с еле уловимой издевочкой, которую, впрочем, Пьетро без труда уловил.

— Очень много,— делая вид, что не понял истинного смысла ее вопроса, сказал он.— Там, где я работал, все были мои друзья.

— А где вы работали? — поинтересовалась Галя.

— Это называется химкомбинат. Он теперь построен. Вы слышали?

— Да, об этом писали в газете, показывали по телевизору.

— Я тоже строил. Монтировал аппаратуру. Один год.

— А что это за комбинат?

— Будет делать разные удобрения для сельского хозяйства.

— Понятно,— сказала Светлана и обратилась к Гале: — Пьетро завтра уезжает. Не так ли, Пьетро?

— Да, к сожалению,— с неподдельной грустью сказал он.— Между прочим, мои коллеги на работе звали меня Петр. Это мне нравится.

— Вы прекрасно научились говорить по-русски,— заметила Галя.

— Старался. Я начал изучать русский язык, еще когда был студентом.

— А где вы учились?

— В Милане. Там я живу.

— У вас большая семья?

— Папа, мама, сестра и я. Но...— Пьетро показал пальцем на стоявший у него под рукой маленький магнитофон.— Ему скучно слушать, он обо мне все уже знает. Давайте поговорим что-нибудь интереснее.

— Например? — спросила Светлана.

— Например, о вас.

— Ну, что тут интересного! Нигде мы не были, ничего не видели.

— Как говорится по-русски, у вас все еще впереди.— Он замялся на секунду, а потом обратился к Светлане: — Ваш голос теперь у меня есть, но если я попрошу ваш автограф?..

— Ну, что вы, Пьетро! — Светлана засмеялась.— Я же не Ирина Роднина.

— Вы могли бы когда-нибудь написать мне открытку.

— Это можно.

Пьетро достал из кармана плоский кожаный бумажник, а из него две визитные карточки.

— Пожалуйста.

Светлана и Галя взяли каждая по карточке и положили их в сумочки.

— Полагается обмен,— сказал Пьетро.

— У нас нет визиток.

— Тогда я запишу ваш домашний адрес.

Светлана и Галя переглянулись, и Светлана сказала:

— Если вы захотите написать, посылайте на универмаг.

— Но я даже не знаю фамилию.— Он был, кажется, задет.

— Сухова. Светлана Алексеевна.

Пьетро показал на магнитофон.

— Он уже записал. А можно мне что-нибудь прислать вам в подарок?

— Что вы, что вы! Зачем?! Лучше приезжайте сами.

— Я все-таки пришлю. Мне нравится сделать вам приятное.

...Вот в этот момент глазастый Витек и увидел из-за кустов Светлану.

— Так вон же твоя Светка,— показал он рукой оглядывавшему столики Леше.— Там не наш какой-то...

Леша не мог измениться в лице по той простой причине, что и так уж был мрачен — дальше некуда. Он расчехлил фотоаппарат.

Прячась за кустами, они с Витьком подобрались к столику Светланы поближе, метров на пятнадцать. Тут Леша приготовил аппарат к съемке — поставил диафрагму на одиннадцать, скорость на сотку, снял с объектива колпачок.

Куст, за которым они стояли, был не очень густой. Леша нашел окошечко в ветках, навел на резкость, но в такой позиции нужный кадр не получался. Ему пришлось выйти из-за куста, чтобы щелкнуть, при этом в кадр попал и соседний столик. Он тут же опять спрятался и стал менять диафрагму и выдержку. Это была проба аппарата и его первая в жизни съемка, хотя руководства по фотографии он и читал. Для верности и самопроверки надо было сделать несколько дублей.

Но повторить съемку не удалось.

Едва все было готово, к ним откуда-то сбоку подошел какой-то невысокий дядя — Леша не успел его толком разглядеть,— показал книжечку-удостоверение и сказал шепотом:

— Здесь нельзя фотографировать.

Леша удивился:

— Это почему же?

— Я вам говорю, молодой человек, здесь снимать нельзя. Засветите пленку!

— Еще чего! — разозлился Леша.

Витек показал дяденьке довольно-таки грязную и потому особенно выразительную фигу, дернул Лешу за рукав, и они, лавируя между кустами, убежали с территории кафе.

— Леш, давай им устроим веселую жизнь,— деловито предложил Витек, когда они вышли на аллею, ведущую к автобусной остановке.

— Да гори она огнем,— застегивая чехол фотоаппарата, сказал Леша.— Айда домой.

Они долго шагали молча, потом Леша произнес непонятные для Витька слова:

— Ну, я ей сделаю стенгазетку... Ха! Культурненько обслуживают!

— Какую стенгазету? — удивился Витек.

— Не вникай. — И Леша дал ему щелчка в макушку...

Галя, Светлана и Пьетро сидели в кафе до

Мы печатаем главу из книги воспоминаний Владимира Сосинского, известного советским читателям по документальным повестям «Герои Олерона» и «У Атлантического вала», рассказывающим о героях Сопротивления, вместе с которыми автор сражался за освобождение Франции. За мужество, проявленное в боях с фашизмом, В. Сосинский награжден Военным крестом с мечами, многими орденами и медалями Франции.

Владимир СОСИНСКИЙ

ЖАК ГЕРР

С Жаком Герром я встретился в потсдамском лагере для французских военнопленных, входившем в Шталаг Ш-А, Люкенвальде.

Повсюду, где требовалась помощь, неизменно появлялась высокая, очень худая, чуть горбившаяся фигура Жака, который был готов на все, лишь бы в чем-нибудь — в большом или малом — удружить человеку. Пристроить во дворе печурку, повесить на стене полку, сколотить деревянный чемодан, подежурить у больного и сказать повергнутому в тоску товарищу добрые и веселые слова, — круг деятельности Жака был безграничен.

Ребята в потсдамском «коммандо» собрались весьма разношерстные, и какие-то буржуйчики по присущему им эгоизму и врожденному недоверию к доброте людей расценивали эту работу Жака как скрытый вид лакейского прислуживания. Да при этом сам Жак давал повод к пересудам такого порядка именно тем, что был подвержен органическому пороку: он обладал невероятным, вполне легендарным аппетитом, достойным прославленного героя Рабле, кстати сказать, писателя, которого Жак мог часами читать наизусть.

Но вскоре общее мнение о Жаке, как о прирожденном лакее, резко изменилось. Два события, одно за другим, потрясли все «коммандо» и, наверное, навсегда запомнились тогдашним постояльцам Шталаг Ш-А.

Первые месяцы в коммандо не было переводчика — «дольметчера», и общение между немцами и французами, тюремщиками и заключенными сводилось к жестам и мимике, и жесты по отношению к французам никогда не переходили в удары, о чем речь впереди.

Однажды утром с подъемом французов и с отправкой их на работу вышло какое-то недоразумение, и оно создало иллюзию бунта против тюремщиков.

Когда дело дошло до вмешательства господ офицеров с немецкой стороны, казалось, что все это для кого-то кончится расстрелом. И вот тут-то, в самую трагическую минуту, когда конфликт достиг апогея, к коменданту лагеря придвинулась нелепая, высоченная фигура Жака, и после пятиминутного между ними разговора наступила тишина и порядок. Даже никто не был наказан. Оказывается, Жак превосходно говорил по-немецки.

Второе событие — несколько дней спустя, когда Жак принужден был — как он от этого не отбояривался: мол, он не понимает берлинское произношение, но и тут склонила его в конечном счете к согласию мысль о помощи близким в беде — взять на себя новое бремя лагерного «дольметчера»,— разыгралось на месте земляных работ — на автостраде, которую немцы гордо называли автострадой «Берлин — Москва».

Один из часовых прикладом ударил француза.

Герр вступился за товарища, сразу же, не думая о последствиях, перешел к решительным действиям: вырвал у немца винтовку и своим тяжелым кулаком сбил его с ног!

Дело было в глухом лесу, и Герру очень повезло, что немец в уединенном месте, без других немецких свидетелей, показал себя трусом. Да еще оказался без винтовки, которую Герр отшвырнул куда-то далеко в кусты. Боясь все же не столько французов, сколько своего начальства, которое к тому времени, дорожа налаживанием хороших отношений с побежденной страной, строго запрещало бить французских военнопленных, солдат-немец сам поторопился замять этот инцидент.

С тех пор авторитет Жака Герра в лагере и за пределами его, в других «коммандо»— слух об этом случае сразу разнесся среди французов Потсдама, Уфаштадта (немецкий Голливуд) и авиационного завода Арадо в Бабельсберге — поднялся на необыкновенную высоту.

Как-то мы с Жаком разговорились после того, как он мне прочел наизусть несколько отрывков из французской классики — великие века Франции XV и XVI: Франсуа Вийон, Рабле, Ронсар и участники блестящей «Плеяды»,— что было очень важным для нас, так как у нас не было ни книг, ни газет, ни радио, и мы, воскрешая в памяти дорогие нам имена французских и русских писателей, радовались, находя друг у друга многочисленные точки соприкосновения. Жак из русских больше всех любил Гоголя и Толстого. Знал и Горького, его университеты.

И во время разговора с Герром я вдруг вспомнил одну мысль Анатоля Франса о том, что, несомненно, кроме имен, которые мы так часто произносим, имен великих поэтов и художников, в огромном нашем прошлом существовало немало людей, не менее значительных, чем знаменитые наши «спутники человечества», но только они не оставили следов в истории: «pas de traces dans l'histoire». Я всегда помнил эти слова Франса.

— Вот приведу тебе пример, — говорил я, помнится, обнимая Жака за его костлявое плечо,— уже не один день, как я смотрю на тебя и дивлюсь — диво дивное, чудак мой милый! — дивлюсь твоей жертвенности, преданности своим товарищам — ты ведь, дружище, без всякого сомнения, целиком отдал себя на служение другим. Но разве имя твое — славное имя твое — войдет в историю?.. Или вот — я вспомнил — одного никому не известного философа, французского философа, правда, не писавшего, а только беседовавшего о своей философии,— я говорю о библиотекаре вашей Эколь Нормаль Суперьер[1], к которому в течение долгих лет стекалась школьная молодежь, обожавшая его, молившаяся на него, готовая часами слушать его и не столько школой, сколько фактически им самим воспитанная. Возьми автобиографию любого известного человека Франции, ученого, писателя, политического деятеля — от Жореса и Франса до Роллана и Мориака,— все они, как бы ни были отличны друг от друга и на каких бы позициях ни оказались в дальнейшей своей жизни, все эти многочисленные воспитанники Эколь Нормаль с благодарностью, точно сговорившись, в один голос поминают имя этого скромного и безвестного библиотекаря, который, оставив после себя лишь несколько статей и писем, не дающих большого представления об этом имени, и не воздвигнув памятника себе, оказал безграничное влияние на окружающих его людей. Великие имена Франции, те, что вошли в историю и определяют полстолетия французской культуры, можно ныне сказать без преувеличения, были сформированы одним человеком, не пожелавшим открыть миру свое имя...

Говоря все это и все более увлекаясь, я не замечал, что лицо Жака покрылось краской, как он неловко, с какой-то досадой сбросил со своего плеча мою руку и как-то весь съежился и вздрагивал, точно от сквозняка.

— Ты пойми, Жак. Может быть, этот библиотекарь был куда значительнее всех своих знаменитых учеников, но кто это знает, кроме их самих да случайно сделавших это открытие роющихся в архивной пыли людей. У нас в России хорошо знал его, например, Горький — он был с ним в переписке. Знают теперь те, кто прочел его письма или внимательно читает биографии великих людей Франции. Вот случайно знаю я. Теперь узнал и ты. Кстати, этот человек, чей образ в моей памяти вызвал ты сам своей деятельностью в Потсдаме, был тебе... однофамильцем, гордись этим совпадением! Он тоже Герр. Значит, Герры все такие. Люсьен Герр...

— Не только однофамильцем. Как ты не понимаешь,— с грустью усмехнулся Жак.— Он... Это мой отец.

Совсем недавно, уже здесь, в Москве, где пишутся эти строки, мне попалось на глаза стихотворение одного современного поэта. Там была такая строфа:

Ах, сколько их прошло по свету,
от тех до нынешних времен,
таких неузнанных поэтов
и нерасслышанных имен.

И я тотчас же вспомнил Жака Герра из потсдамского лагеря военнопленных.

Сердце мое бьется сильнее, когда я думаю о людях, не оставивших никаких следов в истории, когда я думаю о никем не расслышанных именах, тех, чтобы узнать о которых, надо перерыть целые горы книг в библиотеках, горы рукописей в архивах, и я повторяю вслед за поэтом:

Ах, сколько их прошло по свету
от тех до нынешних времен...

[1] Ecole Normale Supérieure (Paris) — лучшая высшая школа Франции.

трех часов, потом отправились пешком в центр и пообедали в ресторане, а потом пошли в кино на сеанс 18.30, но до конца не досидели — фильм оказался скучный.

Когда вышли из кинотеатра, возникла проблема: Пьетро во что бы то ни стало хотел проводить девушек по домам — сначала, предлагал он, вместе со Светланой они проводят Галю, а потом он проводит Светлану. Девушки настаивали на том, чтобы они проводили Пьетро в гостиницу «Москва». Спор был решен простым голосованием, и победило большинство.

Так как Пьетро на следующий день действительно улетал в Италию и так как он по-настоящему понравился и Светлане и Гале, прощание было долгим. Обещали не забывать друг друга, писать, а Пьетро несколько раз повторил, что обязательно приедет опять как можно скорее. Все трое были не совсем трезвы, поэтому разговор шел горячий и повышенно громкий,— они стояли в десяти шагах от главного подъезда гостиницы, и на них обращали внимание. В избытке чувств Пьетро порывался надеть Светлане на палец свое кольцо с каким-то неизвестным камнем, и ей стоило больших усилий образумить итальянца.

Наконец, они расстались. Галя поймала такси. Она завезла Светлану — та вышла за квартал от своего дома. Было десять часов.

Светлана шла по двору не спеша, как бы прогуливаясь.

Леша сидел на скамейке с двумя приятелями, ждал ее. Когда она с ними поравнялась, он встал, хотел взять ее за руку, но она отстранилась.

— С иностранными красавчиками гуляем? Сбылись мечты, да? — сказал он.

— Отелло рассвирепело,— насмешливо ответила она.— А тебе-то что?

— Ну смотри, ты у меня догуляешься.

Она скрылась в подъезде. Еще никогда в жизни не испытывал Леша такой тоски.

Продолжение следует.

А. Саханов. В. И. ЛЕНИН С ДЕТЬМИ.

А. Пламеницкий. ВЕСТИ ИЗДАЛЕКА.

ЕСТЬ МУЗЕЙ В КОСТРОМЕ

Падает мягкий, пушистый снег. На нем то здесь, то там видны следы зверей. Вот стая голодных волков вышла на охоту. Выследили лося и напали на него. Чем кончится поединок?.. Красавица лиса огненным пятном светится на искрящемся снегу. Идет, крадучись, пригнув мордочку, к чему-то принюхивается. Может быть, под снегом пробежала мышь? Полярная сова вот-вот настигнет зайца, уже парит над ним, выпустив когти, еще немного... Беги, серый!

Но эта сова никогда не настигнет зайца, и волки не задерут могучего лося. Мы в музее. В Костромском краеведческом музее, что расположен в знаменитом Ипатьевском монастыре на живописном берегу Волги, в отделе природы, необычном, своеобразном.

Среди людей, чьими руками и талантом создан этот удивительный мир, — Владимир Андреевич Тяк, человек редкой и необычной профессии. Он таксидермист, заведует макетно-муляжной мастерской музея. Здесь пахнет кожами, старым мехом, парафином, клеем и красками — всем сразу. У окна большой рабочий стол с инструментами — от тонкого хирургического скальпеля до молотка.

Профессия и в самом деле сложная. Одновременно нужно быть зоологом, скорняком, столяром, скульптором, слесарем, портным. И еще охотником. Почти каждого зверька Тяк отстреливал сам. Крупных зверей и хищников помогают добывать охотохозяйства.

— Леса у нас богатые, есть и совсем не тронутые, дремучие,— говорит Владимир Андреевич.— Обычно подолгу ходим с охотниками, высматриваем нужного нам зверья и притом только одного. Для музея.

Помимо своей основной работы, Владимир Андреевич находит время для занятий с начинающими таксидермистами из соседних городов и областей — приезжают-то даже издалека. И делится с ними старый умелец опытом и секретами мастерства. Ведь этой профессии пока еще нигде не обучают...

Чуткие, узловатые пальцы наносят последний штрих, укладывают перышки в нужном порядке, и вот передо мной — кулик. Стоит на одной ноге, другой вот-вот ступит вперед, что-то высматривая на столе.

С такой же вот пичужки, подбитой чьей-то недоброй рукой, и началось для мальчика увлечение, ставшее потом делом жизни. Носился с раненой птицей, выхаживал, но спасти не сумел — погибла. Но даже с мертвой жаль было расставаться, и решил сделать чучело. Первое в своей жизни. Давно это было. В нынешнем году заслуженному деятелю культуры РСФСР Владимиру Андреевичу Тяку исполняется 70 лет.

Часто его спрашивают — гуманна ли его работа? Не жестока ли она? Нет. Гуманна! В этом-то и заключается парадокс его профессии: он убивает животных только для того, чтобы люди знали животных и берегли их...

— Совсем неожиданное впечатление производит наш музей даже на сельских школьников,— говорит заведующая отделом природы Р. А. Попова. — Оказывается, такое богатство окружает их, а разглядели только здесь, в музее.

Насколько богата природа наших краев, свидетельствует удивительная коллекция бабочек и жуков, собранная костромичом И. М. Рубинским еще в прошлом столетии. Для Вани Рубинского окрестности родного села Парфеново были настоящим царством природы. Тут у него появилось много друзей — проворные жужелицы, одетые в блестящую броню, муравьишки, строящие свои многоэтажные дома. Мальчик подолгу любовался полетом разноцветных бабочек, их крылышками...

По окончании гимназии Рубинский поступает в Московский университет, на юридический факультет. Отлично его закончив, Рубинский возвращается в родные места и работает на различных судейских должностях в Кинешме, Плесе, Костроме. И все эти годы, несмотря на большую занятость, не оставляет своего увлечения.

Местные жители не раз встречали за городом «чудака», похожего на аптекаря, увешанного сетками, склянками, сачками. Ему приходилось испытывать на себе праздный интерес и не всегда здоровое любопытство обывателей. Почтовых служащих, например, весьма смущали адресованные ему посылки — деревянные ящички с надписями «сушеные насекомые». А посылок он получал все больше. Редкие экземпляры Рубинский обменивал и покупал у собратьев по увлечению с Кавказа и Украины. Вскоре коллекция разрослась, и в ней можно было увидеть насекомых, которые обитают почти во всех частях света. Но у Рубинского была своя заветная мечта. Он решил во что бы то ни стало собрать всех насекомых, какие только водятся в России. Мечта дерзновенная, несбыточная, но прекрасная!

Только в годы Советской власти Рубинский смог по-настоящему отдаться любимому делу. Накопив достаточно знаний по энтомологии, он стал выступать с лекциями в рабочих клубах, школах... Из немногого, что сохранилось от архива этого неугомонного человека, — «Лекция о насекомых, читанная для учителей сельских и городских начальных школ. Кострома. 1918—1919 гг.». И сколько тогда добровольных помощников появляется у Ивана Михайловича!

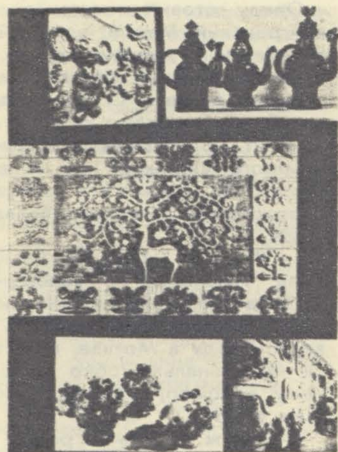
В 1926 году И. М. Рубинский скончался в возрасте 74 лет. Коллекцию, которая к тому времени уже насчитывала более 3400 экземпляров (в их числе редкие и вымирающие виды, взятые теперь в нашей стране под охрану закона), он завещал Костромскому краеведческому музею.

Теперь и она учит любить природу, беречь ее.

И. НИКОЛЬСКАЯ,

фото автора

КЕРАМИКА ИВЫ НИКИТИНОЙ

Живет в Ростове-на-Дону художница Ива Никитина. И творит из обычной глины произведения, совершенно непохожие на образцы, примелькавшиеся в магазинах. В ее маленькой мастерской я разглядывал расставленные по полочкам квасники, вазы, декоративные пластины, привлекающие своеобразием и изыществом форм. Даже подбор этих сугубо утилитарных предметов и то необычен. Ну хотя бы квасники — сосуды для кваса — вы часто встречали? В Ростове за ними охотятся. Или вот еще сугубо донская вещица — ароматница. Положишь в нее пахучие травки, и словно повеет в городской квартире влажным степным ветром.

А город украшают крупные работы Никитиной. В аптеке № 1 — пятиметровая композиция «Травы». В одной из детских поликлиник — семнадцать декоративных панно «Мир сказки». И Синяя птица тут есть, и крокодил Гена с Чебурашкой, и Лель, и царевич на волке...

Работники поликлиники говорят, что с тех пор, как появилась тут сказочная стенка, дети перестали бояться. Сами к врачу идут. Вот она — волшебная сила искусства!..

Иву Никитину тянет к сказке, к русской пряничной лепке, к звериным мотивам, к Палеху. Двадцать лет назад она окончила знаменитое Палехское училище имени М. Горького. Дипломная работа, правда, была у нее по фарфору. Мечтала перенести на него знаменитую роспись палешан. С этой мыслью поехала в Краснодар, где только что построили новый фарфоровый завод, но там ей не удалось осуществить свои планы. Проработав три года, вслед за мужем уехала в Ростов-на-Дону. Не знала даже, найдет ли работу по специальности. В первый же день на базаре увидела простенькую керамическую посуду. Посмотрела на бумажный ярлычок и уже через час сидела в кабинете директора комбината прикладного искусства. Определили ее художником в цех керамики, пришлось учиться всему заново.

Весь накопленный опыт вдруг пригодился, когда ей предложили оформить Дворец культуры «Ростсельмаша». Сейчас работа в разгаре, Ива полна идеями:

— В нише между колоннами повешу десять декоративных пластов: роспись по гладкой керамике в палехском стиле, обрамленная массивной рамой из шамотной глины.— И смотрит выжидающе. Ждет одобрения. Невольно улыбаюсь в ответ. Приятно, что сбываются ее давние мечты.

Георгий РОЗОВ,

фото автора

ОТ ИСТОКОВ «ТИХОГО

Борис ИЛЕШИН

И. И. Дзержинский.

Фото публикуется впервые

Там, где в широкую Советскую улицу Тамбова вливается прямая, как стрела, Интернациональная, рядом с живописным сквером имени Зои Космодемьянской, с впечатляющим памятником отважной комсомолке возвышается старинное кирпичное здание. Большие, светлые окна. В нишах на фасаде — бюсты великих композиторов. Это Тамбовское музыкальное училище имени С. В. Рахманинова.

Училищу без малого сто лет. Из него вышло много замечательных музыкантов. И среди них — выдающийся композитор, один из основоположников советского оперного искусства, лауреат Государственной премии СССР Иван Иванович Дзержинский.

В апреле нынешнего года И. И. Дзержинскому исполнилось бы 70 лет. Не дожил он до этой даты всего год.

Хорошо помню одну из последних встреч с Иваном Ивановичем в его ленинградской квартире в Озерном переулке. На рояле — в рабочем кабинете — лежал клавир оперы «Трудная любовь», на письменном столе — листы нотной бумаги. Опера создавалась по мотивам известного романа В. Кочетова «Журбины» — о жизни рабочих Адмиралтейского завода, о трудовых буднях, о красивой и благородной любви.

— Замысел возник давно,— рассказывал композитор,— в конце пятидесятых годов. Не раз встречался с Кочетовым, вместе с ним обдумывали будущую оперу. Замысел мой писателю нравился, но я тогда продолжал еще работать над «Судьбой человека». И все же «Журбины» не давали покоя: я бывал на судостроительных заводах, выступал с концертами перед корабелами — замечательными людьми.

Разговор незаметно перешел к родным и близким нам местам, как-никак мы земляки, тамбовцы. Дзержинский родился в апреле 1909 года в семье мелкого чиновника — Ивана Леонтьевича Дзержинского. Скудного заработка отца едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Семья большая — Ваня был двенадцатым ребенком. Жили бедно, но дружно. Родители хотели, чтобы дети учились, приобщались к культуре; в доме было старенькое пианино. Купец из пригорода во время гражданской войны предлагал за него четыре пуда муки: по тому голодному и холодному времени — настоящее богатство. Но мать пианино не продала: пусть дети играют. В семье любили музыку, хоровое пение, старались не пропускать концерты: их часто давали преподаватели и студенты городского музыкального училища, духовые оркестры воинских частей гарнизона. Не всегда были деньги на билеты — помогала мальчишеская смекалка: либо доставали контрамарки, либо упрашивали контролеров...

В конце 1920 года по инициативе В. А. Антонова-Овсеенко, тогдашнего председателя Тамбовского губисполкома, в городе был создан Пролетарский театр, стремившийся сделать искусство орудием революционной борьбы и советского строительства. Уже через несколько месяцев здесь была осуществлена постановка «Мистерии-буфф» Владимира Маяковского. Действие шло и на сцене и на хорах. Зрители сами становились участниками спектакля — символического путешествия рабочего класса после революционного потопа через рай и ад'в землю обетованную, которая оказывалась нашей же грешной землей, только омытой стихией революции.

Конечно, Ваня Дзержинский был завсегдатаем Пролетарского театра. Очень нравилась ему необычность постановок, особенно когда спектакли шли под открытым небом. В городской сад и пройти было легче: ребята знали много потайных лазеек в ограде... Часто мальчишки наведывались и в переоборудованный из пекарни клуб на Никольской — ныне Московской — улице; Ваня играл на пианино, подбирая мелодии на слух.

Видя способности мальчика, родители отдали сына в городское музыкальное училище, благо, двери его теперь были открыты для всех: приходи, занимайся!.. Но скоро с городом милого детства пришлось расстаться. Умерла мать. Отец уехал в родную Белоруссию, а Ваню с сестрами забрал в Оренбург старший брат Александр. Здесь мальчик продолжал заниматься в музыкальной школе и уже начал пробовать свои силы в композиции. Директор школы И. Кусков, приехав как-то в Москву, рассказал об одаренном мальчике знакомому композитору, пианисту и теоретику музыки Б. Яворскому.

— Сам пробует сочинять? — переспросил музыкант.— Что ж, присылай его...

— Осенью двадцать пятого года,— рассказывал Иван Иванович,— я приехал в Москву и был принят в Первый Московский музыкальный техникум, в класс Яворского. Но сразу же встал вопрос: где жить? Друзья посоветовали обратиться к Надежде Константиновне Крупской, и я записался на прием. Через неделю был приглашен к Надежде Константиновне в Главполитпросвет. Она, пожурив меня за легкомысленный приезд в Москву, все же написала записку коменданту общежития консерватории, и на следующий день я получил койку. Ну, а деньги на питание и на одежонку приходилось подрабатывать. Тогда подрабатывали все студенты, и я тоже играл в клубах, когда демонстрировались немые кинофильмы, на пианино, аккомпанировал эстрадным певцам...

В 1930 году Дзержинский приехал в Ленинград, поразивший его своим величием. «Коли нравится — оставайся»,— предложил Ивану брат Павел после прогулки по берегу Невы. Брат жил в Ленинграде уже несколько лет, и его предложение было с радостью принято. Дзержинский устраивается работать концертмейстером в Общество камерной музыки и продолжает учиться сначала на композиторском отделении Центрального музыкального техникума (ныне музыкальное училище имени Мусоргского), а потом в Ленинградской консерватории. С ним в техникуме в классе П. Рязанова занимались В. Соловьев-Седой, Н. Богословский, Н. Греховодов. Собралась дружная, жизнерадостная и любознательная компания; вместе ходили на концерты знаменитостей, обсуждали услышанное, спорили, памятуя, что в спорах рождается истина. Царила живая, творческая атмосфера.

В те годы Дзержинский много сочиняет. Появляются агитлубок «За третий решающий» для голоса с фортепиано, «Весенняя сюита» и «Поэма о Днепре» для фортепиано; музыкальная комедия о жизни и быте заводской молодежи «Зеленый цех»; «Две песни о Севере», романс на слова С. Есенина «Осень» («Нивы сжаты...»), песня о Волге и другие произведения.

Как-то после концерта, на котором исполнялась «Поэма о Днепре», брат Леонид сказал:

— Слушай, Ваня, а что, если написать оперу на сюжет «Тихого Дона»?

Предложение захватило композитора свежестью и новизной жизненного материала, остротой и романтичностью сюжета, возможностью заглянуть в глубины шолоховского творчества, раскрыть средствами музыки силу и красоту шолоховского романа.

Закончив три акта оперы, Дзержинский показал свою работу в Союзе композиторов, где ей дали высокую оценку. Дмитрий Дмитриевич Шостакович позже писал: «Мне сразу стало ясно, что из того, что я услышал, выйдет хорошее произведение».

Оперу готовил к постановке Ленинградский Малый оперный театр. Главным дирижером там был тогда крупнейший советский музыкальный деятель С. Самосуд, он отрабатывал каждую картину, каждый акт. Прислушиваясь к советам опытного дирижера да и всего коллектива, занятого в спектакле, Дзержинский совершенствовал музыку.

— На всю жизнь,— вспоминал Иван Иванович, — запомнилась встреча с Михаилом Александровичем Шолоховым в тридцать четвертом году в Москве, в гостинице «Националь». Робко пришел к нему в номер, попросил прослушать оперу...

— Что ж, садись за рояль! Располагайся, как дома... Буду слушать... Но учти, я не большой знаток оперного искусства.

Шолохов сразу расположил к

...ДОНА»

себе. Слушал серьезно и внимательно. А композитор волновался: как-то отнесется Шолохов к оперному либретто, к концовке!.. Ведь тогда роман еще не был завершен. Сам заговорил об этом, не дожидаясь замечаний Михаила Александровича.

— Опера — ваша, роман — мой. С оперой вы вправе делать что угодно, — улыбаясь, ответил Шолохов.— Это самостоятельное произведение, у него своя жизнь.

Встреча получилась теплой, а беседа — душевной. Работа над оперой продолжалась в Ленинграде с еще большей энергией, а премьера, состоявшаяся накануне 18-й годовщины Великого Октября, прошла с большим успехом.

В следующий же сезон оперу поставил Большой театр в Москве. И опять успех.

«От оперы Дзержинского, — писал академик Б. Асафьев, — повеяло свежестью народной лирики и реализмом народных характеров. На сцене вновь появились люди живой интонации и естественной повадки, мелодии одушевились песенностью, лирика вновь стала выразителем здорового чувства...»

Оперу включали в репертуар музыкальные театры страны один за другим.

В 1936 году, после премьеры «Тихого Дона» в музыкальном театре имени Немировича-Данченко, И. И. Дзержинский и его брат — автор либретто — были приглашены писателем в Вешенскую.

— Кажется, Михаил Александрович и Мария Петровна сделали все, чтобы познакомить нас с замечательными людьми привольного края, показать могучий Дон, — рассказывал Иван Иванович. — Мы побывали во многих хуторах и станицах, познакомились с донским бытом, беседовали с казаками, слушали их широкораспевные хоры. Сколько же замечательных песен они исполнили — исторических, походных, охотничьих, любовных, плясовых... Особенно запомнились песня о Степане Разине «На заре было, на зореньке», про атамана Платова — «Вышли к Дону казаки», старинная «Пишет, пишет Карла Шведский», песни нового времени.

— Слушай, слушай, Иван Иванович, — повторял Шолохов. — Это бриллианты! Им цены нет. Пригодятся тебе! Непременно пригодятся...

Действительно, песни народные были неоценимы. После этой интересной поездки Дзержинский решил написать оперу на сюжет первой части шолоховской «Поднятой целины», воплотив в музыке тему становления колхозного строя... Как же пригодились тут казачьи песни, слышанные на тихом Дону! Сочинялось легко. Песня стала основой музыкального языка, средством раскрытия образов героев. Особое внимание Дзержинский уделяет мелодии. «Я убежден, — говорил он в одном из своих выступлений в печати,— что мелодия — основа музыкального произведения, и создание широко льющейся мелодии всегда было и будет сущностью моей работы».

Как только опера была готова, захотелось показать ее Шолохову... Михаил Александрович остался доволен. Особенно отметил он хоровую «Казачью» песню, которая предваряет и завершает последнюю картину. «Чувствуется, что композитор опирался на народное казачье творчество. Замечательно прозвучала казачья песня с присвистом. Мне кажется, что ее подхватят массы и запоют по всей стране» — таков был отзыв Шолохова.

Ленинградский Малый оперный театр поставил «Поднятую целину» к 20-летию Октября. Профессор С. Гинзбург писал тогда, что театр, обратившись к советскому произведению, доказал свое стремление активно участвовать в созидании социалистического искусства.

Шли годы. Возникали новые замыслы. И как бы ни были они заманчивы, душа по-прежнему тянулась к шолоховским произведениям. Когда появилась «Судьба человека», И. И. Дзержинский пишет оперу на сюжет рассказа. Поставленная в 1961—1962 годах многими музыкальными театрами страны, эта опера встретила теплый прием слушателей и зрителей.

Тема Великой Отечественной войны вдохновляла Дзержинского; он написал на эту тему оперы «Надежда Светлова», «Кровь народа», «Князь-озеро», несколько песен и других произведений, а потом снова обращается к «Тихому Дону» — третьей и четвертой книгам романа. Новая опера «Григорий Мелехов» жива и поныне. В 1976 году ее поставил Киевский государственный академический театр оперы и балета имени Т. Шевченко, и зрители горячо приняли новую работу великолепного ансамбля. А Дзержинский продолжал неустанно трудиться, всегда чутко откликаясь на запросы времени. Как-то, будучи в Москве, он заглянул в редакцию «Известий», рассказал о работе над оперой «Трудная любовь».

— Очень хочется, чтобы оперу тепло приняли те люди, о которых она написана,— молодые современные рабочие. Поэтому шлифую, довожу еще и еще раз каждую картину.

Иван Иванович рассказывал, что, кроме того, работает над книгой своих воспоминаний «Зарницы памяти».

— Кажется, книжка получится интересная,— говорил он.— Ведь мне в жизни везло на встречи с интересными людьми.

Композитор собирался побывать на новостройках Сибири.

— Люблю путешествовать! Поездки в далекие и близкие края дают много жизненного материала — необычного, сочного... Надо знать своих героев. Надо видеть их не только со страниц газет и журналов, а в реальной жизни, уметь подслушать голос народа в его современном звучании.

Это, наверное, и есть самое существенное в выражении эпохи, ее живого облика, ее истинной сущности... Талант Дзержинского, музыка его отразили эпоху. Тут и кроется секрет жизненности таланта.

Вадим ЦЕКОВ

ФЕЛЬЕТОН

Бытовые ухабы

Совсем недавно неожиданно узнаю: в славном городе Липецке появились странные люди, пренебрегающие достижениями двадцатого века. С чего бы это? Какой смысл? Кто надоумил?..

Приезжаю в Липецк. И точно. В одном доме вижу: молодая женщина стирает в корыте. В другом — женщина постарше что есть мочи раздувает угли в чугунном утюге...

Иду по городу дальше. Смотрю, вполне интеллигентного вида мужчина с увлечением выбивает палкой развешенный во дворе ковер.

А потом я увидел и вовсе невообразимое. Вместо того чтобы воспользоваться обыкновенным холодильником, одна достойнейшая особа, как в древние времена, обкладывала рыбу кусками льда...

Просто даже не верилось, что такое может быть в наши дни!

Впрочем, возможно, в Липецке негде купить современные бытовые приборы? Ничего подобного! Хозяйственные магазины, которые я тут же посетил, были битком набиты стиральными машинами, холодильниками, пылесосами, электроутюгами и другими аппаратами и приборами.

Тогда почему же люди ими не пользуются?

Прервав стирку в корыте, женщина сказала:

— Как же! Купили мы стиральную машину. Да только она сразу вышла из строя.

Другая, прекратив раздувать угли в утюге, заявила:

— С электроутюгами лучше не связываться! Только деньги выбросили, перегорел тут же...

— И с пылесосом та же возня!— добавил мужчина, выбивавший палкой ковер.— Тыр-пыр, и замолк...

— А что делать, если холодильник не работает?— заключила женщина, держа в руках рыбину и кусок льда.

Странно было слышать подобные заявления! Или, может, не все знают, что в Липецке есть прекрасный современный дом «Рембыттехники», где с удовольствием отремонтируют любую вещь? Или, может быть, здесь перевелись мастера?

Заглянул я к директору липецкого областного производственного объединения ремонта бытовых машин и приборов «Липецкоблбыттехника» Ю. Жбанову. И слышу:

— Нет. У нас работают мастера-ремонтники высшей квалификации! При необходимости могут хоть блоху подковать!

— Превосходно!— говорю ему.— Значит, ваши мастера могут отремонтировать холодильник?

— Холодильник? Никак нет.

— Почему?

— Нет запчастей: испарителей, конденсаторов, осушителей, уплотнителей... Из-за них-то очередь чуть ли не тысяча человек! Люди месяцами ждут, когда отремонтируют их агрегат.

— А починить стиральную машину?

— Тоже не можем. Нет запасных электродвигателей, активаторов в сборе...

— Ну, ремонт-то пылесоса вам, думаю, под силу?— сказал я.

— Ошибаетесь! Нет электродвигателей, якорей...

— Тогда что же вы можете отремонтировать?

— Затрудняюсь сказать,— грустно проговорил директор объединения.— Восстановить швейную машину не можем. Нет челночных устройств... Справиться с ремонтом музыкальных инструментов бессильны. К ним вообще не поставляются запчасти, и приходится при ремонте пользоваться деталями списанных инструментов на предприятиях и в организациях... Для счетно-вычислительных машин в прошлом году мы не получили ни одной запчасти. Ничего не дадут в этом году. Или возьмите электробритвы. Как их восстановишь, если нет запасных ножей в сборе, якорей электродвигателей, шнуров?.. Не лучше обстоит дело и с фотоаппаратами! Для них у нас нет линз, шторок, объективов, затворов...

— Ну, хоть ключ для дверного замка вы в состоянии изготовить?

— Нет. В течение трех последних лет нам не поставляют нужных заготовок. И отсюда постоянные серьезные нарекания многих заказчиков.

— Тогда сделайте, пожалуйста, гравировку на только что купленном мною липецком сувенире,— сказал я напоследок.

— При всем своем желании,— вовсе упавшим голосом проговорил Ю. Жбанов,— лишены и такой возможности. За последние пять лет к нам не поступали приспособления для гравировки...

Разговор был продолжен с заместителем начальника Липецкого управления бытового обслуживания населения З. А. Колодько.

— На этот год,— сказала Зоя Александровна,— нашему управлению утвержден план реализации бытовых услуг в сумме 24 430 рублей. И выполнение такого большого плана, естественно, зависит прежде всего от материально-технического снабжения. Нехватка же тех или иных материалов, запасных частей сдерживает выполнение плана по бытовым услугам, порождает многочисленные жалобы заказчиков на длительные сроки ремонта...

Но, может, так обстоят дела с ремонтом бытовой техники только здесь, в Липецке?

Возвратившись в Москву, я встретился с министром бытового обслуживания населения РСФСР И. Г. Дуденковым.

— Не только в Липецке,— сказал Иван Григорьевич.— В этом отношении дела обстоят неважно и в других местах. А все потому, что, с одной стороны, слишком уж низкого качества выпускается бытовая техника. С другой же стороны, крайне недостаточное количество запчастей поступает для ее ремонта. Особенно плохого качества холодильники «Юрюзань», «Каспий», «Полюс», «Орск», «Днепр», «Свияга», стиральные машины «Рига», «Чайка», «Волжанка»... К ним и запчастей нам мало поставляют заводы-изготовители.

Назвал министр ряд предприятий, которые выпускают низкого качества продукцию. Это и Чебоксарский машиностроительный завод, и Бакинский завод холодильников, и механические заводы Юрюзанский, Тамбовский и другие.

Пока эти предприятия не повысят качество изготавливаемых ими бытовых приборов, не удивляйтесь, когда увидите женщин и мужчин, стирающих в корытах, раздувающих угли в утюгах, обкладывающих рыбу льдом, выбивающих палками ковры...

Сцена из спектакля «Мой Вьетнам».

ЦВЕТЕТ БЕЛЫЙ

Репетицию ведет То Нгует Нга.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Нет надобности начинать издалека: выпускница ГИТИСа То Нгует Нга поставила в Москве хореографическую поэму «Мой Вьетнам» на музыку Нгуен Ван Нама.

...Тысячелетиями на древней земле Вьетнама почитали белый лотос как символ добра и веры в свободу — неистребимой веры, оказавшейся сильнее всех религий, ибо в ней черпал человек силу и мужество... Бесстрашие, всесокрушающая, неутолимая жажда свободы — главные тона, окрашивающие пластическую картину нового спектакля, сыгранного труппой ансамбля «Московский классический балет».

Возможности хореографического языка безграничны — от элегической лирики до революционного плаката, от философской символики до бурлеска. Балетмейстер демонстрирует безусловное владение современным танцевальным языком, умение создать равновесие между танцами и пантомимой, найти интонацию, соответствующую нынешнему зрительскому восприятию. Строгая графика классических движений, обогащенная национальным колоритом, обрела черты новой, непривычной для нашего зрителя хореографии Востока.

Творческий почерк молодого балетмейстера отличают решительность и ясность: решительность в трактовке художественных образов, в отборе выразительных средств, ясность в видении пластического рисунка спектакля. И еще, пожалуй, незащищенность, открытость своей боли, своего гнева, своей души. Но тем не менее постановщик остается сдержанным в выражении своих чувств. Именно эта сдержанность, строгость и придает балету высокую интонацию — сплав трагизма, лирики и патетики. «Посмотрите, как тиха и прекрасна моя древняя земля,— словно говорит То Нгует Нга.— Но тем яростней, тем непримиримей ненависть к поработителям, тем сильнее, тем мужественнее народ».

У героев спектакля нет имен: это просто Девушка, Юноша, Мать, Оккупант, Золото. Это — Народ. И совсем незамысловата фабула: двое любят друг друга, но счастье их невозможно, пока в пепле, в руинах лежит любимая земля, пока топчут ее оккупанты, пока матери проливают слезы. Но ни силой, ни золотом нельзя отнять у людей свободу, их мечту о ясном небе, летнем ветре, цветущем лотосе. В либретто То Нгует Нга есть такие слова: «Как мир будет прекрасен, когда не будет войны!»

Яркую зрелищность нового балета определяет прежде всего музыка, написанная аспирантом Ленинградской консерватории, вьетнамским композитором Нгуен Ван Намом. Гнев, горе, страдания народа — в этой музыке. Но в ней и свет, счастье, красота, а значит, мир...

Во все века главной темой искусства была борьба добра и зла. И каждый раз добро побеждает зло. И словно вернувшийся к жизни лотос, встает каждый раз из пепла маленькая, суровая и отважная земля...

Л. ЛУКЬЯНОВА

Полномочный министр, советник посольства СРВ в СССР Та Хыу Кань поздравляет молодого балетмейстера.

ЛОТОС!..

Аплодисменты...

«ИНТУРИСТ» — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Первый заместитель начальника Главного управления по иностранному туризму при Совете Министров СССР В. К. БОЙЧЕНКО отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Новеллы ИВАНОВОЙ.

— Виктор Кузьмич, недавно я увидела небольшую ленту Узбекской студии документальных фильмов, посвященную 50-летию «Интуриста». В ней есть кадры кинохроники 1929 года, которые напомнили мне стихи Маршака:

Мистер
Твистер
миллионер,
едет туристом
в СССР.

Кто они были, первые гости нашей страны?

— Среди тех, кто первым посетил Советскую Россию, были Джон Рид, Теодор Драйзер, Герберт Уэллс. Бернард Шоу, рассказывая о своих впечатлениях от поездки по Советскому Союзу, признал, что для туриста это самая интересная страна в мире и делается еще более интересной каждую неделю, каждый день.

Как только в апреле 1929 года было создано Всесоюзное акционерное общество «Интурист», в Страну Советов сразу же устремились люди из разных стран. К нам приезжали рабочие, писатели, деловые люди, журналисты, представители общественности.

За первое десятилетие «Интурист» принял сто тысяч гостей из-за рубежа.

А теперь для сравнения другие цифры: за минувшие пять десятилетий в СССР побывало 44 миллиона гостей из 155 стран мира, а 35 миллионов советских граждан посетили 136 государств.

— Среди наших читателей немало тех, кто с помощью «Интуриста» побывал в зарубежных поездках, и многие еще их совершат. Что для этого делается?

— Советское бюро путешествий — одна из крупнейших туристских организаций земного шара. Мы поддерживаем деловые отношения почти с 700 фирмами более чем в 150 странах. В их числе все европейские социалистические страны — члены СЭВ, СФРЮ, Куба, МНР. Намечено еще более активно развивать поездки спецпоездов дружбы в породненные города и области, обмен группами специалистов народного хозяйства, молодежный туризм, поездки на отдых и лечение. С Италией, Францией, Ливаном, Ираком, Бельгией, Финляндией, Кипром наши связи развиваются на основе межправительственных соглашений о сотрудничестве в области туризма. Близятся к завершению переговоры о подписании такого документа с Иорданией, ведутся переговоры с Турцией, Австрией.

— Какие маршруты вы предлагаете тем, кто приезжает в СССР?

— Зарубежные путешественники могут побывать в 140 туристских центрах Советского Союза. Это столицы союзных республик и важнейшие промышленные, научные и культурные центры страны, города-герои и исторические места, знаменитые курорты. Хотелось бы подчеркнуть, что за последние годы получили большое развитие альпинизм, автотуризм, охота и рыбная ловля, поездки на фестивали искусств, деловой туризм, поездки на конгрессы и выставки.

Для приема и обслуживания иностранных гостей мы имеем 90 гостиниц, мотелей, кемпингов, рестораны, кафе, бары. О гостях заботятся сто тысяч работников обслуживающего персонала и три тысячи квалифицированных гидов-переводчиков.

— О зарубежном туризме принято говорить как об «экспорте впечатлений». Что больше всего остается в памяти наших гостей?

— Предоставим слово им самим. Вот письмо из Канады от Нейла Камерона: «Пишу это письмо в знак благодарности от моей жены и от себя лично. Прежде я был директором средней школы, сейчас на пенсии и потому смог к вам приехать. Чудесная программа нас привела в восхищение. Осмелюсь предполагать, что СССР не много выиграл от нашей поездки в денежном отношении, но я уверен, что то глубокое уважение к вашей стране, которое у нас появилось, невозможно оценить никакими деньгами».

Группа деловых людей из Франции только что побывала в Москве и Ленинграде. Господин Жак Поль Динколи написал:

«Эта поездка была организована в целях углубления франко-советского сотрудничества, и мы высоко оценили хорошо составленную программу, отличное обслуживание и тщательно организованные профессиональные встречи».

«Если бы меня спросили, что мне понравилось больше всего за время путешествия, я бы сказал: люди, с которыми мы встречались, — написал американец Роял О. Купер, который приехал по программе «Пипл ту пипл». — Дружеские встречи помогли нам глубже и ближе узнать жизнь советских людей. Непринужденная обстановка этих встреч способствовала свободному обмену идеями. Да, действительно это незабываемо! И я от всего сердца желаю каждому совершить такое путешествие».

— Виктор Кузьмич, на вашем рабочем столе я вижу эмблему Олимпийских игр. Очевидно, завтрашний день «Интуриста» неотделим от этого большого события?

— Безусловно! Ведь такого количества гостей, какое будет на предстоящих Играх, наша страна еще не принимала. Ожидается приезд делегаций почти из 130 стран.

Их прием и обслуживание поручены «Интуристу», который является генеральным агентом по продаже туров и билетов на Олимпийские игры. Главная наша забота сейчас — строительство гостиниц и других объектов в «олимпийских городах» — Москве, Таллине, Ленинграде, Киеве и Минске. Только в столице будут построены гостиницы почти на 30 тысяч мест!

Перед Олимпийскими играми, во время их проведения и после окончания иностранные гости смогут совершить путешествие по любому из шестидесяти маршрутов, которые пройдут по городам Средней Азии, Сибири, Закавказья, Крыма, Прибалтики, Дальнего Востока.

Короче говоря, планы на 1980 год у нас большие и очень ответственные!

Як. ЗИСКИНД

СЧАСТЛИВАЯ СКАМЕЙКА

РАССКАЗ

У меня есть счастливая скамейка. Она стоит в сквере у Никитских ворот против дома, в котором я живу. А счастливая она потому, что я много раз, сидя на ней, готовился к сдаче зачетов и, как правило, сдавал удачно. Вот и на днях сидел я на своей скамейке и читал конспект по математике. Особой радости от повторения пройденного я, естественно, не испытывал, но игра стоила свеч: завтра последний зачет. Сдаю и — здравствуй, лучшее время года, здравствуй, лето!

И вот я сижу на своей скамейке, уткнувшись в конспект, а в сквере тихо и уютно: чистенькие, посыпанные гравием дорожки, яркое солнце, пестрые тени, на деревьях молодая изумрудная листва, в высоком небе ни облачка. Нарядные дети щебечут, как воробьи, воробьи ссорятся и дерутся, как дети.

Рядом со мной на моей скамейке сидели две говорливые старушки, они, наговорившись, ушли. Но тут на их место села молоденькая светлоглазая женщина с грудным ребенком. Женщина была нежно-розового цвета. А ребенок, такой же розовощекий, как мать, таращил голубые пуговицы глаз из розового кружевного свертка.

Мать поставила на скамью переполненную хозяйственную сумку и, обмахиваясь носовым платком, с облегчением вздохнула.

— Ф-фу, наконец, все! — сказала она не то самой себе, не то младенцу. Достала из кармана какую-то шпаргалку и, пробежав ее глазами, в ужасе воскликнула:

— А хлеб? Нет, я определенно шляпа!

После этого странного признания она добрую минуту смотрела на меня в упор и сказала:

— Простите, я вижу, вы тут занимаетесь... Присмотрите, пожалуйста, за ребенком, а я сбегаю куплю хлеба. Видите, вон булочная, напротив.

— А...— начал я.

— А вы не беспокойтесь! Верочка — тихая, как мышка! Она и не пикнет. А я быстро. Вы только поглядывайте, чтоб она не скатилась на землю. Хорошо?

Я не успел ни согласиться, ни возразить, как женщина, подхватив свою сумку, побежала в булочную, а мы остались одни — я и тихая, как мышка, Верочка.

Она действительно молчала и даже очень мило улыбалась беззубым ртом. Я тоже улыбнулся и пошевелил перед ее носом пальцами.

И вдруг с неба, такого же ясного и голубого, как глаза Верочки, хлынул дождь. Но какой! Уверяю вас, такого дождя в Москве никогда не было. По крайней мере на моей памяти.

И тут тихая и кроткая Верочка, которая полминуты назад улыбалась, пронзительно заплакала. Я растерялся, вскочил и мужественно прикрыл ее своим телом. Но дождь, казалось, пробивал меня насквозь, и мы оба мгновенно промокли.

Мимо нас пробегали люди, и какая-то женщина закричала:

— Вот бестолковый! Что же ты ребенка держишь на дожде? Беги в подворотню!

Ее совет прозвучал как нельзя кстати, и я, схватив Верочку и прикрыв ее размокшим конспектом, устремился к ближайшей подворотне.

До нее было метров сорок, и одолел я это расстояние наверняка с мировым рекордом. Даже Верочка, понимая важность происходящего, притихла, но, как только мы влетели в подворотню, заплакала пуще прежнего.

Народу в подворотне оказалось много, и все стали оборачиваться в нашу сторону. Я, конечно, пытался Верочку успокоить и даже встряхивал ее, как испорченный будильник, считая это укачиванием.

— Дайте сюда ребенка! — подошла ко мне смуглая женщина в очках.

— Пожалуйста,— обрадовался я.

— Ничего удивительного, что ребенок плачет,— заявила женщина.— Он весь мокрый.

— Так дождь,— объяснил я.

— Не только. У вас имеются сухие пеленки?

— Н-нет!

— Ну вот,— обратилась она к окружающим.— И у таких людей — дети! А где мать?

— Пошла в булочную.

— Конечно, все должны делать женщины! Вы что, не могли сбегать в булочную? Надо гонять бедную жену? Вам не стыдно?

Я хотел объяснить ситуацию, но на меня смотрело столько осуждающих глаз, что я взял Верочку и направился на улицу, так как решил добежать до булочной и отдать Верочку ее матери.

А дождь по-прежнему не унимался. До булочной было добрых сто метров.

«Ладно, авось, не растаю»,— решил я и, укрыв Верочку своей мокрой курткой, побежал к булочной.

— Этот зверь простудит ребенка,— были последние слова, которые донеслись до меня из подворотни.

Я всегда знал, что самая тяжелая дистанция в беге — стометровка. Но бежал-то я не в трусах и шиповках, а с ребенком на руках, под проливным дождем и в сандалетах на скользкой резине. Едва не рухнув, влетел в булочную.

Увы, к моему ужасу, Верочкиной матери там не было.

Что делать?

Бежать к скамейке? Но я же не зверь в самом деле, чтоб простудить ребенка! И решил: живу я в соседнем доме, забегу-ка на минутку домой, оставлю Верочку со своей мамой, а когда кончится дождь, пойду искать Верочкину мамашу.

Разумно? Разумно! И через три минуты я нажимал кнопку звонка нашей квартиры. Открыла дверь мама.

Увидев меня с мокрыми, слипшимися волосами и с таким же мокрым, как я, плачущим ребенком на руках, мама отступила в глубь передней, всплеснула руками и после драматической паузы хрипло спросила:

— Кто это?

— Верочка,— бодро ответил я и торопливо начал рассказывать.— Понимаешь, я сидел на скамейке и готовился по...

Однако мама меня не слушала, а испуганно смотрела на Верочку.

— Сколько ей?

— Не знаю,— пожал я плечами.— Я сидел на скамейке и готовился по...

— Ну и ну! — скорбно покачала головой мама.— Даже не знаешь, сколько ребенку...

— Откуда я могу знать? Я ведь рассказываю: я сидел на скамейке и готовился по...— И я, хотя и несколько путано, изложил, каким образом Верочка оказалась у меня.

Мама с грустью смотрела на меня, качала головой. И тут в передней возник папа в пижаме.

— В чем дело? Что за крик? — бодро спросил папа.

— Поздравляю тебя, милый! — торжественно произнесла мама.— Насколько я понимаю, ты стал дедушкой. Ее зовут Верочка. Это все, что я знаю...

— О чем ты говоришь, мама? — закричал я.— Я же тебе все объяснил! Я сидел на скамейке и готовился по...

— Не ори и расскажи эту басню отцу,— сухо сказала мама.— Дай сюда ребенка!

Забрав у меня Верочку, мама прошла в столовую. Мы с отцом последовали за ней. Я рассказал свою печальную повесть еще раз.

Пока я рассказывал, мама, имеющая огромный опыт в уходе за детьми (нас у нее четверо, я — младший!), добыла какую-то чистую холстинку и ловко перепеленала Верочку. И та не только перестала плакать, но даже заулыбалась.

Я думал, что папа поймет мой рассказ правильно, но он, так же как мама, с грустью смотрел на меня и качал головой, а потом решительно сказал:

— Ну что ж, бывает! Конечно, в наше время такое случалось реже, но будь мужчиной. Что-нибудь придумаем.

— Я же вам говорю, что это не мой ребенок! Не мой! Почему вы мне, черт возьми, не верите? — выпалил я.

Мама и папа многозначительно переглянулись, потом папа сказал:

— Ну вот что: хоть рассказ и звучит странно, я попытаюсь тебе поверить...

Тут у мамы сделалось такое лицо, как наверняка было у Архимеда, когда он крикнул: «Эврика!»,— и мама воскликнула:

— Мы глупые люди! Она подкинула ребенка! Подкинула!

— Думаешь? — усомнился папа.

— Уверена!

— Да нет, не может быть! — решил я.

Мама саркастически посмотрела на наши с папой вытянувшиеся лица и предложила:

— Пожалуйста, можете убедиться: пройдите к этой злосчастной скамейке и подождите ее. Только возьмите с собой бутерброды и термос с чаем.

— А я уверен, что она там! — убеждая самого себя, заявил я.— Дай Верочку.

— Зачем? Пусть ребенок побудет у нас. На улице он простудится. А вы,— обратилась мама к нам с отцом,— кроме бутербродов, возьмите зонтик и плащи.

— Не надо, я один пойду! — решительно сказал я, надел плащ и вышел из квартиры.

А дома в мое отсутствие разыгралась следующая сцена... (Ее содержание папа мне рассказал позднее в деталях.)

Папа, человек добрый и справедливый, посмотрел на Верочку и сказал:

— Прелестный ребенок! Сплошное очарование!

— Действительно,— согласилась мама и после недолгого размышления заявила:— Ты знаешь, Верочка не подкидыш, а его дочка!

— Костика? — удивился папа.— Почему ты так решила?

— Объясню,— сказала мама.— В прошлом году он был в Казахстане. Там он встретил девушку, и они тайно от нас поженились.

— Ты думаешь?..— с сомнением спросил папа.

— Уверена!

— Допустим! — согласился папа.— А каким образом Верочка попала к Костику? Не прислала же она ее по почте...

— Наивный человек! — снисходительно усмехнулась мама.— Она не дождалась Костика и приехала из Казахстана в Москву.

— Так почему Костик не привел ее к нам?

— Он побоялся! — легко и просто объяснила мама.

— Н-да...— Папа пожевал губами.— Костик через два года инженер и, если он встретил хорошую женщину...

— Хорошую... — иронически улыбнулась мама.

— Да, хорошую! Верочка — просто прелесть. Может, и ее мать такая же. И если это уже случилось, примем как должное. Как подарок судьбы!

Мама долго смотрела на папу, потом развела руками:

— Нет, я должна знать, кто эта женщина и что она из себя представляет. Я мать, и судьба моего сына...

— Не будем консервативными,— сказал папа.— Жизнь есть жизнь! Если тебе память не изменяет, твои родители тоже были против нашего брака... Я был бедный студент. И ты молодец, что не послушала их... Как мне кажется, ты об этом не жалеешь?

Мама почему-то промолчала, а потом спросила:

— Что же ты предлагаешь?

— Не будем твоими родителями! — сформулировал свою мысль папа.

— При чем тут мои родители? — обиделась мама.— Они прекрасные люди!

— Не спорю,— великодушно согласился папа...

Пока происходил этот разговор, я шагал по улице.

Дождь стал реже. У моей счастливой скамейки толпилось человек пятнадцать, включая рослого милиционера.

Подойдя поближе, я увидел, что против милиционера стоит рыдающая Верочкина мать в промокшем розовом платье.

— Гражданка! Девушка! — закричал я обрадованно.— Не волнуйтесь, вот он я.

Верочкина мама ошеломленно посмотрела на меня, узнала и, оттолкнув стоящих рядом, бросилась ко мне:

— Где Верочка?

— У нас дома. В тепле. С ней моя мама. Я напротив живу...

— Вот видите! — сказал милиционер.— Все нормально, а вы плачете.

Я пригласил Верочкину маму к нам. Она смущенно посмотрела на меня голубыми глазами и произнесла:

— Ой, спасибо вам большое! Я так переволновалась...

— Все хорошо, что хорошо кончается,— бодро сказал я, забрал у нее тяжеленную сумку и тактично переменил тему разговора.— Верочка — замечательный ребенок. Действительно тихая, как мышка.

— Правда? — заулыбалась Верочкина мама, и ее лицо засияло.

Мы поднялись на наш этаж, и я нажал кнопку звонка. Дверь открыл папа. Он был в нарядной сиреневой безрукавке и наутюженных брюках. Понятно: ждал гостью!

Мама тоже была в выходном платье.

— Знакомьтесь,— гордо поглядев на своих родителей, сказал я.

Папа и мама, пытаясь скрыть удивление и растерянность, назвались. Назвалась и Верочкина мама.

— Алла,— сказала она, покраснев.— Земляникина. Вы уж тысячу раз извините, что так получилось. Все потому, что я...— начала объяснять Алла. Но в это время проснулась Верочка, что-то залопотала, и Алла бросилась к ней и взяла ее на руки.— Ох, и натерпелась я страху. А ты,— обратилась она к Верочке,— смеешься и горя не знаешь.

— Садитесь, пожалуйста,— вежливо сказал папа, пришедший в себя быстрее мамы.

— Да-да, прошу вас,— поддержала его мама.— Обед у меня почти готов.

— Что вы, какой обед? — замахала обеими руками Алла.— Мы уже давно должны быть дома.

— А позвонить нельзя? — осведомился папа.

— К сожалению,— покачала головой Алла.— Мы недавно переехали в новый дом, и телефона пока нет.

— Разве вы не из Казахстана? — удивилась мама.

— Нет, я москвичка.

— Вот оно что! — разочарованно сказала мама и посмотрела на папу, а он весело улыбнулся, потому что мамина стройная теория разрушилась на глазах.

А Алла торопливо запеленала Верочку, мельком взглянула на себя в зеркало и, видимо, смутившись, что растрепана, заторопилась:

— Даже не знаю, как вас благодарить. И вас...

— Он Костик,— подсказал папа.

— Костик,— повторила Алла.— Спасибо вам, Костик, и большое спасибо всем.

Мои родители с нежностью смотрели на современную мадонну с младенцем и, готов поклясться, весьма сожалели, что мадонна не моя жена, а младенец не моя дочь. Если честно, я тоже пожалел об этом.

— Верочка — прелестный, очаровательный ребенок,— сказал папа, заделывая пробоину в общем разговоре.

— Умница! Красавица! И очень добрая,— поддержала папу мама.

— Да,— кивнула Алла,— мы все ее очень любим. Ну, еще раз извините за беспокойство и большое спасибо! Нам пора.

— Костик вас проводит,— находчиво предложил папа.

— Конечно! С удовольствием! — обрадовался я и ухватил Аллочкину хозяйственную сумку.

А мама, провожая Аллочку к дверям, говорила:

— Как жаль, что вы торопитесь. Запомните наш адрес и — милости просим! С Верочкой!

И вот мы с Аллочкой идем по улице, и, честное слово, я не знал, о чем говорить. Чувствуя, что дальнейшее молчание неприлично, я произнес:

— Вы знаете, Верочка удивительно похожа на вас.

— Это все говорят,— согласилась Алла.— Так и мы с сестрой очень похожи.

— С какой сестрой?

— Старшей. Анютой.

— Позвольте! — кричу я.— Позвольте...

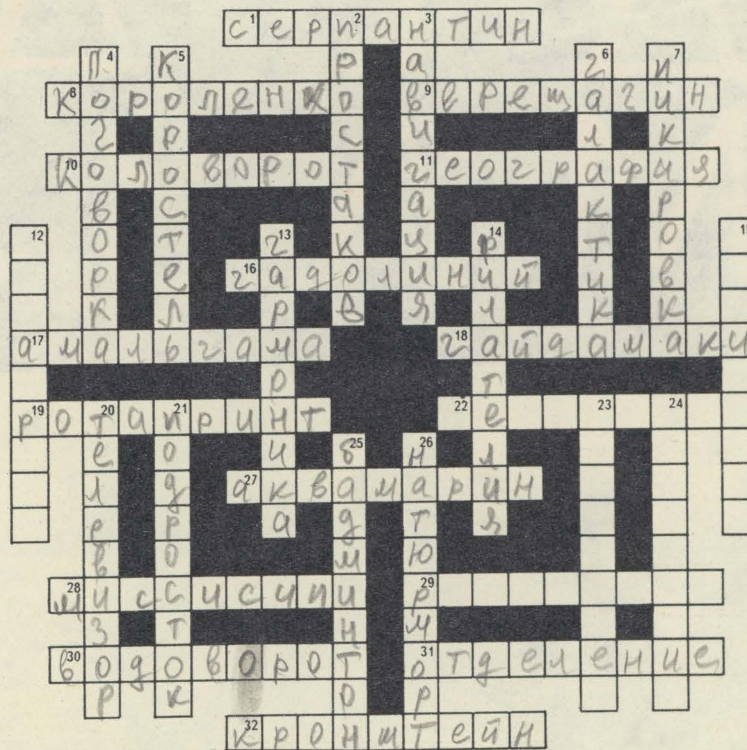
Да, вы догадались: Алла не мама, а тетя тихой, как мышка, Верочки. А старшая сестра Аллы — Анюта поехала в Шереметьевский аэропорт встречать Верочкиного папу, который год работал на Кубе и еще не видел дочурку. Вот почему все хозяйственные заботы, включая предобеденную прогулку с Верочкой, свалились на Аллу, которая сегодня работает во вторую смену. А по профессии она ткачиха. Но будет учиться на художника по тканям...

Зимой мы с Аллочкой поженимся, и мои родители полностью одобряют этот брак.

Мало того, мама даже уверяет, что Аллочка ей понравилась с первого взгляда. Папа тоже.

А за все спасибо моей счастливой скамейке!

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Цветная бумажная лента. 8. Русский писатель. 9. Автор картины «На большой дороге». 10. Приспособление для вращения сверла. 11. Комплекс естественных и общественных наук. 16. Химический элемент. 17. Сплав металла с ртутью. 18. Поэма Т. Г. Шевченко. 19. Печатная машина. 22. Певица, народная артистка СССР. 27. Драгоценный камень. 28. Река в США. 29. Город в Нидерландах. 30. Место в реке или в море, в котором течение образует вращательное движение. 31. Войсковое подразделение. 32. Опорная деталь или конструкция.

По вертикали: 2. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 3. Судоходство, мореплавание. 4. Краткое и меткое народное изречение. 5. Птица. 6. Звездная система. 7. Способ пересадки всходов. 12. Музыкальная пьеса на мелодии из других произведений. 13. Музыкальный инструмент. 14. Коллекционирование почтовых марок. 15. Искусственное орошение. 20. Радиотехническое устройство. 21. Роман Ф. М. Достоевского. 23. Порт в Бельгии. 24. Сторона геометрической фигуры. 25. Спортивная игра. 26. Картина, на которой изображены неодушевленные предметы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 3. «Красавица». 6. Польша. 7. Кедров. 11. Дрезина. 12. Камелия. 14. Балка. 16. Бартоло. 18. Сартлан. 19. Плацкарта. 20. Гичка. 21. Песец. 22. Револьвер. 23. «Калинка». 25. Авиньон. 27. Пемза. 29. Пиренеи. 30. Горлица. 31. Вихров. 32. Лебедь. 33. Благодать.

По вертикали: 1. Масштаб. 2. Ливенка. 4. Вокзал. 5. Монета. 8. Протактиний. 9. Волоколамск. 10. Лиственница. 13. Радикал. 15. Баженов. 17. Опера. 18. Сайра. 24. Кредит. 26. «Володя». 27. Пилотаж. 28. Агрегат.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Киргизская ССР, совхоз «Дружба», Сузакского района. Идет сев. Механизаторам прямо на поле привезли газеты, журналы и литературные новинки.

Фото М.Аширбаева (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Керамика Ивы Никитиной.

(См. текст в номере.)
Фото Г. Розова

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 02.04.79. Подписано к печати 18.04.79. А 00650.
Формат $70\times108\,^1/_8$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1005. Заказ № 450.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ДЕДЫ МАЗАИ

И. КОНСТАНТИНОВ,
фото автора

(МОСКВА.
НА ФОТОКОНКУРС)

С каждым днем в лесу все меньше и меньше снега. На полянах под весенним солнцем загорелись желтые огоньки мать-и-мачехи. Лишь только речка, скованная зимним холодом, все еще никак не реагировала на приход весны. Казалось, ей все равно. Но однажды под утро она с грохотом взломала зимний панцирь. И понеслись со всех сторон к реке говорливые ручьи. Не смогла она принять все вешние воды, ведь сама была переполнена. Выплеснула их на луга и поля, в ближайший лес.

В воде стояли деревья, скрылись под ней пни и коряги, исчезли звериные тропы.

Тяжелая пора пришла для зверей, не успевших уйти в незатопляемые места. Островки суши на глазах исчезали. Спасаться приходилось по-разному. Самые отважные бросались в весеннее море и плыли в сторону леса. Но не у всех зверей хватало сил предпринять такое путешествие.

Зашумели по разливу лодочные моторы. Это люди отправились на помощь четвероногим горемыкам. Но дедам Мазаям пришлось нелегко. Ведь ни заяц, ни лиса, ни кабан и никто другой добровольно в руки не давался. Поэтому их приходилось отлавливать специальными сетями. Звери переволновались, некоторые даже бросались в воду и плыли куда глаза глядят. За горе-пловцом пускалась лодка. Его быстро нагоняли и поднимали на борт. Теперь уже не до побега. Так замерз, что зуб на зуб не попадает.

И вот лодка с озябшими зверями мчится к большой земле. Вскоре всех отпускают в весенний лес, куда разливу не добраться.

Деды Мазаи снова отправляются на поиски терпящих беду зверей...

Цена номера 35 коп. Индекс 70463

